

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Кафедра общего языкознания и славянских языков

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

*Сборник научных трудов участников
V Международной очно-заочной научно-практической
конференции молодых учёных*

Горловка
2021

УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1
С47

*Рекомендовано к изданию на заседании учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 6 от 28.12.2021)*

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Герасименко И.А. (гл. редактор), д. филол. н., проф. Кочетова С.А., к. филол. н., доц. Васильева Г.А., к. филол. н., доц. Волкова Н.В., к. филол. н., доц. Белоконь-Пожарицкая Н.А., к. филол. н., доц. Лешкова Н.В., к. филол. н., проф. Штакина Л.А., к. филол. н., доц. Дмитриева Ю.Л., к. филол. н., доц. Святобаченко И.С.

Сборник включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 990-10/2020К от 29.10.2020.

С47

Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам V Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф. молод. учёных / ГОУ ВПО «Горловский ин-т иностр. языков»; редкол. : И. А. Герасименко [и др.]. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 160 с.

В сборнике собраны научные статьи участников V Международной очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных «Славистика: новые имена в науке», посвященные исследованию актуальных вопросов отечественной и зарубежной лингвистики и литературоведения.

Для научных работников, специалистов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе, студентов-филологов.

**УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1**

Агеева Екатерина
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Святобаченко И. С.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Работа посвящена исследованию понятий экспрессивности и оценочности, а также сходству и различию точек зрения на данные явления в современной лингвистике.

Ключевые слова: *экспрессивность, оценочность, языковая оценка.*

Экспрессивность и оценочность являются далеко не новыми понятиями в современных лингвистических исследованиях. Они часто встречаются в работах, посвященных лексической прагматике, которая является одной из активно исследуемых тем в отечественной и зарубежной филологии. Однако и на сегодня нет единой точки зрения относительно того, каким образом эти категории зависят друг от друга и чем обусловлены механизмы их реализации.

Большой вклад в изучение явлений языковой оценки и экспрессивности внесли Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Н. А. Лукьянова.

Цель нашего исследования – проанализировать особенности рассмотрения понятий «оценочность» и «экспрессивность» в современном языкознании.

Многие исследователи связывают понятия «экспрессивности» и «оценочности». Так, Р. О. Якобсон считает, что экспрессивность имеет «так называемую эмотивную, или экспрессивную, функцию» языка, целью которой является выражение говорящего к сказанному [5, 196].

Экспрессивность является одной из сложнейших лингвистических категорий. Проблема экспрессивности языковых средств привлекала внимание исследователей на протяжении всего XX столетия. С середины 50-х годов началось изучение экспрессивности речи. Экспрессивность, будучи одним из предназначений языка, выполняет функцию воздействия на адресата сообщения и реализуется на любом языковом уровне. Экспрессивность определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию

или адресату речи» [2, 591]. Данное явление понимается как факультативное свойство языковых единиц, которое наслаивается на их основное номинативное значение. Выявить экспрессивное слово возможно путем подбора его неэкспрессивного синонима. Например, в сочетаниях *смелый человек* и *отважный человек* второе характеризуется большей экспрессией. На лексическом уровне экспрессивность определяется наличием:

- а) аффиксов (суффиксов и префиксов);
- б) метафоризации;
- в) семы интенсивности.

Например, в ряду таких прилагательных, как *хороший* – *прекрасный* – *потрясающий* в двух последних единицах присутствует сема интенсивности, за счет чего эти лексемы приобретают статус экспрессивных.

Функция экспрессивности определяется как выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте. В современной лингвистике существует много определений понятия «экспрессивность», и все они пересекаются с понятиями «эмоциональность», «оценочность».

Оценочность. Оценка является одним из важнейших аспектов коммуникации и познавательной деятельности человека. Она применяется во всех видах отображения действительности, включая рациональное и научное мышление. Оценка – способ взаимодействия человека и окружающего мира.

В словаре русского языка С. И. Ожегова под экспрессией понимается «выражение чувств, переживаний; выразительность» [4, 726]. Оценка, представляя ценностный аспект значения языковых выражений, накладывается на объективное, или дескриптивное, содержание языковых единиц. Субъективный и объективный компоненты в оценочном значении находятся в сложном взаимодействии и меняются в зависимости от характеризуемых объектов оценки. По «объему» соотношения субъективного и объективного в оценочном знаке указанные компоненты находятся в диалектических отношениях, тем самым образуя континуум оценочных значений. Существуют различные классификации оценочных значений. Например, Н. Д. Арутюнова выделяет общие и частные оценки [1, 156]. Общеоценочные значения реализуются прилагательными *хороший* и *плохой* и их стилистическими и экспрессивными синонимами и выражают общий аксиологический итог. Часто оценочные значения, дающие характеристику одному из аспектов объекта с определенной точки зрения, включают такие аспекты, как сенсорно-вкусовые, эстетические, утилитарные, психологические, этические, нормативные и телеологические, пр.: *скупый, добрый, красивый*.

Таким образом, оценочность – это свойство, способность языковых единиц выражать относительно устойчивую, позитивную или негативную характеристику человека, а также отношение, мнение, суждение о положительной или отрицательной для языковой личности ценности предметов, явлений и процессов. Оценочность заключается в выражении одобрительной или неодобрительной оценки предмета речи.

Поскольку оценочность представлена как семантическая категория, справедливым будет заметить, что она должна относиться к плану содержания. При акценте внимание на том факте, что эта категория репрезентирована в языковых единицах «в виде семы оценочности» [2, 591], есть предположение, что в плане содержания находится информация о «ценностном аспекте обозначаемой этой единицей реальности» [2, 591]. Помимо этого, говоря об эмотивных единицах, оценочность необходимо рассматривать как категорию, ретранслирующую информацию о том, «что обозначаемое языковой единицей явление реального мира служит причиной удовольствия или неудовольствия» [3, 10].

В отличие от категории оценочности категория экспрессивности не имеет закреплённого за собой статуса. Эту категорию интерпретируют как стилистическую (Ю. М. Скребнев, И. И. Туранский), сложную семантическую или семиологическую (В. И. Шаховский).

Основное отличие оценочности от экспрессивности заключается в том, что «оценочность – семантическая категория, которая базируется на логическом понятии «оценка», экспрессивность – это, скорее, семантическое качество, свойство речи, создаваемое необычными формально-содержательными языковыми средствами» [3, 21].

Немало примеров выражения оценки можно встретить в современной мультипликации. Например, экспрессивные слова: *Ух, я такая боевая!* («Маша и Медведь»); *Ох-охо!* («Оранжевая корова»). Помимо экспрессивности в речи мультипликационных героев может выражаться и оценочность: *реченька, домище* («Фиксики»). Возможны также варианты, когда экспрессивность слова усиливается за счёт аффиксов со значением оценки: *самый симпатичник* («Маша и Медведь»)

Категория языковой оценки признается основным способом отображения системы ценностей в языке [2, 591]. К примеру, основная лингвистическая функция оценочности в художественном тексте – передача эмоций. Экспрессивно-эмоциональная маркированность лексики дополнительно подчеркивает оценочность и субъективность. Оценочность зависит от субъективного восприятия рассказчика, позволяет выразить его точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 339 с.
2. Гридин, В. Н. Экспрессивность / В. Н. Гридин, Г. В. Якушева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 591 с.
3. Лукьянова, Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н. А. Лукьянова // Сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1976. – Вып. V. – С. 3–21.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М : Оникс, 2011. – 736 с.
5. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – 472 с.

SUMMARY

Ekaterina Ageeva. The categories of evaluativeness and expressiveness in linguistics

The article is devoted to the concepts of expressiveness and evaluativeness, as well as their similarity and difference of points of view on these notions in modern linguistics.

Key words: expressiveness, evaluativeness, language assessment.

Алексеевкова Ульяна
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МИКРОТОПОНИМИКОНЕ ГОРОДА ГОРЛОВКИ

В данной работе рассматриваются системные отношения в микротопонимиконе современной Горловки. В результате формируются различные отношения наименований: тезоимность, полиимённость, вариативность, которые создают сложную многоуровневую структуру.

Ключевые слова: *вариативность, микротопонимы, полиимённость, системные отношения, тезоимность.*

Топонимическая система города Горловки заслуживает особого внимания со стороны учёных-лингвистов. Она отражает историко-культурный фон населения города, его мировосприятие, межязыковые контакты, а также лингвистические особенности, которые

демонстрируют черты местных особенностей языка. «Топонимия Донбасса имеет ряд специфических черт, вызванных активными миграционными процессами. Люди, переселившиеся в Донбасс, привнесли в его лингвокультуру свои традиции и обычаи, ритуалы и образы, которые отразились в различных наименованиях» [1, 46]

Более того, исследование и анализ топонимического пространства города Горловки необходимы и по причине небольшого количества собранного фактического материала, в частности малоизвестных имён – микротопонимов. Их особенно необходимо фиксировать, поскольку информация о внутренней форме данных топонимов, их лексико-семантических особенностях утрачивается.

Актуальность данного исследования заключается в малоизученности топонимического пространства города Горловки. До сих пор нет полного лексикографического описания топонимии Горловки. Существуют только разрозненные сведения, представленные в исследованиях по краеведению и топонимии, в музеях и архиве города, а также на сайтах местных муниципальных учреждений. Однако проанализированные нами источники по понятным причинам включают далеко не все номинации. Не следует также забывать, что топонимическая система города Горловки расширяется, пополняется новыми неофициальными топонимами и микротопонимами.

Таким образом, многие вопросы горловской топонимики нуждаются в дальнейшем анализе и разработке. Например, В. С. Картовенко утверждает, что изучение топонимики регионов – важная ступень для понимания общерусской топонимической системы в целом; также исследования региональной топонимики открывают для науки новый фактический материал [2; 3].

Объект нашего исследования – микротопонимы. Под этим термином мы понимаем имена собственные как природных физико-географических объектов, так и объектов, созданных человеком, которые имеют узкую сферу употребления, не зафиксированы в письменных источниках и могут иметь официальный аналог. В данной работе рассматриваются системные отношения в микротопонимике современной Горловки.

Разные объекты городской среды имеют тождественные номинации и наоборот, разными номинациями именуют один и тот же объект. Взаимодействие апеллятивных и проприальных (антропонимического, мезотопонимического, макро- и микротопонимического) единиц образуют системные отношения. Это взаимодействие происходит благодаря смежности объектов. Например, микротопоним *Великан* в Горловке имеет два значения – угольный пласт и посёлок. Изначально название принадлежало угольному пласту – его называли *Великаном* из-за огромного размера. Посёлок же расположился над угольным пластом и получил аналогичное наименование. Микротопоним *Жёванка* также называет два объекта: посёлок и лес. История образования

данной номинации не установлена. Однако есть предположение, что оба объекта получили наименование благодаря реке Жёванке, протекающей вблизи. Следует также упомянуть микротопоним *Глубокая*. В микротопонимическом пространстве Горловки он именует шахту и посёлок. Шахта «*Глубокая*» – самая глубокая на территории города. В связи с этим и появился указанный микротопоним. А посёлок, расположенный вблизи шахты, получил смежную номинацию – посёлок *Глубокая*. Номинация по смежности характеризует тезоимность (кратность). По Л. А. Климковой, тезоимность – это наличие идентичных наименований у нескольких объектов одновременно как аналог апеллятивной омонимии [3, 25]. А. В. Суперанская, в свою очередь, утверждает, что тезоимность – это сосуществование однофонемных имён, употребляющихся для номинации объектов одной городской среды. Обратим внимание, что микротопонимическая тезоимность в сравнении с внесистемной или разносистемной тезоимностью внутри одной макросистемы – явление довольно редкое.

Л. А. Климова считает, что внутрисистемная тезоимность бывает исключительно разнообъектной, но независимо от этого дифференцирующая функция ослабляется вследствие одноименности единиц, и в каждом случае оказывается необходимым денотативное уточнение. Следует отметить, что внутри одной микросистемы одноимённые лексемы называют объекты, находящиеся в непосредственной близости друг от друга. Такие объекты образуют территориальный комплекс. Например, *Круглый лес* (лес) – *Круглая лес* (балка), *Красный яр* (овраг) – *Красный яр* (посёлок) и т.д.

Микротопонимикону города Горловки также присуща внутримикросистемная полиимённость. А. В. Суперанская пишет, что полионимия характеризуется наличием у одного объекта нескольких номинаций как «своеобразный аналог апеллятивной синонимии» [4, 300]. Лингвист называет полионимию особой ономастической синонимией, которая опирается на тождество объекта. Это сближение происходит на основе отношения к одному и тому же денотату. В микротопонимиконе Горловки такие микротопонимы отображают этнические, социальные, возрастные и временные ориентации. Например, *Казачья балка* – *Круглый лес*. Данными микротопонимами называют балку, расположенную недалеко от ртутного завода. В XIX веке здесь находилось поселение казаков. Микротопоним *Круглый лес* получил свою номинацию в связи с особенностями местности и ландшафта. Лес, находящийся внутри балки, был высажен по кругу. Также следует назвать микротопонимы *Яловый лес* – *Еловый лес*. Лес с данными названиями расположен в Калининском районе. Он относится к смешанному типу лесов. Внутренняя форма первой номинации (*Яловый лес*) восходит к характеристике неоднородности почвы, второй (*Еловый лес*) – к указанию на большое количество хвойных деревьев в лесу. Примером служат и микротопонимы *Жуваный*

хутор – Жёванка, называющие один населённый пункт. Находится хутор западнее села Зайцево.

Также в микропонимиконе Горловки существует вариативность, которая очень активна в микропонимии в целом. Вариативность – это наличие у одного объекта нескольких однокоренных или однокомпонентных номинаций, которые могут отличаться по фонетическим, лексическим, грамматическим и другим признакам. А. В. Суперанская называет такие номинации дублетами. Примером служат и микропонимы *Жуваный хутор – Жёванка*, называющие один населённый пункт. Находится хутор западнее села Зайцево. Также назовём микропонимы *Поляки – Полячина – Поляцкое*. Данные микропонимы называют посёлок, в котором в 40-х годах XIX века жили переселенцы из Польши. Микропонимы *Вошивый яр – Вишый яр* называют населённый пункт, который расположен в Государевом Байраке.

Итак, проанализированный нами материал показывает, что в микропонимиконе города Горловки микропонимы находятся в отношениях тезоименности, полионимии и вариативности. Они создают сложную многоуровневую систему, которая подлежит дальнейшему рассмотрению, что и будет нами сделано в последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко, И. А. Ойконимия Горловки: к постановке проблемы / И. А. Герасименко, У. Р. Алексеенкова // Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы развития : мат-лы II Респ. заочн. студен. конф. с межд. участием, посв. Межд. дню род. яз. (Донецк, 21 февраля, 2020 г.) / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДонАУиГС», кафедра краеведения. – Донецк : ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – 2020. – С. 43–47.
2. Картавенко, В. С. Становление региональной топонимической системы (Западный регион России) : диссертация ... доктора филологических наук / В. С. Картавенко. – Смоленск. – 2012. – 397 с.
3. Климова, Л. А. Системные отношения в микропонимии / Л. А. Климова. – Вестник ВятГУ. – 2008. – С. 25–29.
4. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука. – 1973. – 366 с.

SUMMARY

Uliana Alekseenkova. Systemic relations in the microtoponymy of modern Gorlovka

This work examines the systemic relationships in the microtoponymy of modern Gorlovka. As a result, different relations of names are formed: eponymy, polynymy, variatativity, which create a complex multi-level structure.

Key words: variability, microtoponym, polyonyms, systemic relations, eponymy.

Андреева Диана
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Димитриева О. А.
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет»,
г. Чебоксары, РФ

ЧАЕПИТИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Статья посвящена исследованию лексики «чай» и ее контекстного окружения в произведениях Ф. М. Достоевского. Материалом для исследования являются примеры из Национального корпуса русского языка по авторскому подкорпусу (Достоевский).

Ключевые слова: Достоевский, чай, лексема, языковая картина мира, индивидуально-авторский образ мира.

Лексема *чай* в творчестве Ф. М. Достоевского фигурирует во многих его произведениях. В различных контекстах она раскрывается по-разному, составляя определенный образ.

Цель Достоевского – вызывать у читателя ряд эмоциональных ощущений, «адекватно передающих и суть мысли, и авторскую оценку» через зрительные образы. Как подметила О. А. Деханова в своей статье, эти «образы для достижения конечной цели должны опираться на очевидный и коллективно переживаемый читателями культурно-исторический контекст, представленный, например, совокупностью бытовых деталей, привычных и понятных любому» [1, 65].

С этой точки зрения исследователь рассматривает *чаепитие* в произведениях Достоевского «как один из наиболее распространенных ритуалов повседневного быта, как элемент общепринятого этикета, как потенциальный диалог между участниками чаепития (сотрапезы)» [1, 65]. О. А. Деханова утверждает, что простое «упоминание кипящего самовара или, например, невыпитой чашки чая мотивируют суть художественного произведения» [1, 65–66], что, несомненно, впечатляет читателя.

Сама статья посвящена исследованию взаимосвязи книги Льюиса «Физиология обывочной жизни» с основными религиозно-нравственными вопросами романа «Преступление и наказание». Кроме того, в статье рассматриваются некоторые традиционные формы чаепития, специфичные для личности главного героя. Исследователь также предпринимает попытку классифицировать многочисленные упоминания чая. Она выделяет смысловые значения чая в произведении: «чай как повод» и «чай как лекарство» [1, 67].

Упоминается также, как Достоевский чрезвычайно внимательно наблюдает за физическим и душевным состоянием Раскольникова и роль труда 60-х годов Джорджа Генри Льюиса «Физиология обыденной жизни» в его произведении [1].

В статье Тэрухиро Сасаки исследуется ритуал чаепития, определяется роль чая в творчестве Пушкина и Достоевского. Первоначально описывается история зарождения и заимствования чая, развитие чайной утвари. Главное, на что указывает исследователь, – это то, что чай является средством общения как с другими людьми, так и с самим собой. Материал посвящен изучению чая в творчестве Пушкина и Достоевского, приводятся различные отрывки из произведений, в которых фигурирует ритуал чаепития.

«У Пушкина чай чаще всего играет роль, которая ассоциируется обычно с символом общения, чистой атмосферы, лекарства и т. д.» [3, 188]. Чаепитие у Достоевского в отличие от Пушкина представляется «достоинством человека». Эта традиция выражает внутренние эмоциональные состояния людей. Исследователь указывает, какую роль играл чай в жизни самого писателя – Достоевский был чрезвычайно привязан к нему. Т. Сасаки считает, что в описаниях чаепития Достоевский достиг высшей степени [3].

В произведениях Ф. М. Достоевского лексема *чай* «попадает» в такие контексты, в которых она приобретает разнообразные значения. В произведениях писателя чаепитие раскрывается многогранно. Проанализированные отрывки из произведений Достоевского создают индивидуально-авторский образ мира, который связан и с лексемой *чай*.

Во многих произведениях писателя лексема *чай* попадает в окружение с другими напитками, например, *кофе, настой из трав, квас* и др. Стоит отметить, что это не просто противопоставление, автор указывает предпочтения людей, их распорядок и уклад жизни: *Во всяком случае, мой сон, <...>, произвёл на меня приятнейшее впечатление, и, перебирая в голове за утренней чашкой чаю все происшествия вчерашнего дня, я решил немедленно зайти к Елене Ивановне<...> В крошечной комнатке перед спальней, <...>, за маленьким чайным столиком, ... сидела Елена Ивановна и из маленькой чашечки, <...> кушала кофе* (Крокодил) [2]. В следующем фрагменте главный герой предпочитает пить настой из трав, нежели чай: *Семён Иванович никак, ни за что и никому не мог одолжить своего чайника на поддержание,<...>; и тем более был несправедлив в этом деле, что сам почти совсем не пил чаю, а пил, когда была надобность, какой-то довольно приятный настой из полевых цветов и некоторых целебного свойства трав, всегда в значительном количестве у него запасённый* (Господин Прохарчин) [2]. Данное описание свидетельствует не только о предпочтениях, но и характере Прохарчина, его скупости.

Многим при упоминании чая приходит в голову сам процесс употребления напитка. Для большинства это не просто чаепитие, а особый, таинственный ритуал, который создает теплую атмосферу, уют. Приведем следующий пример: *Мне было всего еще девять лет от роду, как ... всё наше семейство ... сидели за круглым столом, за семейным чаем, а разговор шел как раз о деревне и как мы все отправимся туда на лето* (Дневник писателя, 1876) [2]. Здесь автор подчеркивает значимость этого ритуала: чай – это семейная, интимная обстановка в кругу близких людей, где они могут говорить на любые темы.

Писатель использует лексику *чай* для раскрытия характера человека. В таких контекстах это помогает составить наиболее полный образ героя, указать на особенности его натуры, причем могут проявляться как положительные, так и отрицательные черты. Выше мы уже приводили отрывок из произведения «Господин Прочархин», где отношение к чаю является одним из проявлений такой черты характера героя, как скаредность. В следующем отрывке герой отличается хитростью, продуманностью действий, скользкостью: *у Семёна Ивановича был всегда в запасе свой особый, довольно хитрый, а весьма, впрочем, замысловатый маневр: слезет с постели своей около того времени, как надо пить чай, и, если увидит, что собрались другие где-нибудь в кучку для составления напитка, подойдет к ним как скромный, умный и ласковый человек, даст свои законные двадцать копеек и объявит, что желает участвовать. У читателей складывается отрицательный образ главного героя.*

Описание распорядка дня или образа жизни являются важными составляющими произведений писателя. Автор упоминает время питья чая, указывает на распорядок дня героя, его образ жизни, а также социальный уровень (чаще всего – крайнюю бедности), т. к. не каждый мог позволить себе покупку чая: *<...> с следующего месяца я прибавил к хлебу суп, а утром и вечером по стакану чаю – и, уверяю вас, так провел год в совершенном здоровье и довольстве, а нравственно – в упоении и в непрерывном тайном восхищении* (Подросток); *Чай пили у нас очень редко* (Нечочка Незванова); *А моя квартира стоит мне семь рублей ассигнациями, да стол пять целковых: <...>; чай пивал не всегда, а теперь вот и на чай и на сахар выгадал. Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить как-то стыдно; здесь все народ достаточный, так и стыдно. Ради чужих и пьешь его, Варенька, для вида, для тона; а по мне все равно, я не прихотлив* (Бедные люди).

Можно заметить, что чаепитие сопровождается другими действиями, например, игрой, общением, танцами: *приходили жильцы, поочередно или кучками, и Семён Иванович очень удобно мог слышать, как они бранили погоду, хотели есть, как жуем, курили, бранились, дружились, играли в карты и стучали чашками, собираясь пить чай* (Господин Прохарчин); *подавали чай, стояла обильная закуска и водка; играли на трех столах, а молодежь в ожидании ужина затеяла под фортепиано танцы* (Бесы).

Писатель использует образ чая как вознаграждение, одаривание. Это может быть как обычный предмет, так и какие-либо действия, жесты в сторону другого человека. Например, человеку очень нравится кто-то, и ему хочется его отблагодарить, показать свое доброе отношение к нему: *Старичок <...> принялся, глядя на всех, еще пуще смеяться, при чем жестоко раскашлялся, так что Настасья Филипповна, чрезвычайно любившая почему-то всех подобных оригиналов-старичков, старушек и даже юродивых, принялась тотчас же ласкать его, расцеловала и велела подать ему еще чаю* (Идиот).

Особенность чая проявляется и в его целебных свойствах: *Наконец мне подали чаю, и я несколько оправился* (Село Степанчиково и его обитатели). Или, например, чай позволяет обдумать что-то важное, направить мысли в нужное русло: *Он спросил чаю, сел и крепко задумался* (Преступление и наказание).

Как известно, Достоевский придавал огромное значение чаю, потому что сам был очень привязан к нему. В следующем отрывке чай важнее, чем свет, мир и все, что окружает героя: *Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить* (Записки из подполья).

Таким образом, лексема *чай* в текстах Достоевского является не просто наименованием напитка, в слове заключаются дополнительные значения и образы, и раскрываются они именно в контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деханова, О. А. Раскольников: немного чая в холодной воде или опыты практической физиологии / О. А. Деханова // Достоевский и современность. – 2016. – Т. 30. – С. 64–72.
2. Национальный корпус русского языка : сайт. – М., 2003–2021. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст : электронный.
3. Сасаки, Т. Чаепитие в представлении Пушкина и Достоевского / Т. Сасаки // Japanese Slavic and East European Studies. – 1998. – Т. 19. – С. 165–191. – DOI: 10.5823/jsees.19.0_165

SUMMARY

Diana Andreeva. Tea drinking in the works of F. M. Dostoevsky (Corpus research)

The article is devoted to the study of the tea token and its contextual environment. The material for the study are examples from the National Corpus of the Russian language on the Dostoevsky subcorpus.

Key words: Dostoevsky, tea, lexeme, language picture, individual author's image of the world.

Барташевич Елизавета
Научный руководитель –
к. филол. н. Кирдун А. А.,
УО «Белорусский государственный
технологический университет»,
г. Минск, Республика Беларусь

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ЛЕСНОГО ИНЖЕНЕРА

Изложены основные точки зрения ученых на состав профессиональной лексики; описаны справочники, в которых отражены понятия лесной инженерии; охарактеризована система соответствующих терминов.

Ключевые слова: профессиональная лексика, термин, терминология, инженер, лесной комплекс.

Актуальность темы определяется необходимостью систематизации и описания профессиональной лексики на фоне инновационных процессов, происходящих сегодня во многих отраслях экономики. Для Республики Беларусь предпринимаемое исследование значимо также для достижения эквивалентности перевода специальной лексики с русского языка на белорусский и создания специализированных словарей различного типа.

Цель исследования – инвентаризация, систематизация и описание профессиональной лексики лесного инженера.

Поставленная цель определяет последовательное решение задач: 1) изучить научную литературу по теме исследования; 2) изучить словари, в которых отражены понятия лесной инженерии; 3) путем выборки из новейших учебников по лесоинженерному делу, профильных научных статей и монографий, а также нормативных документов создать корпус терминологических единиц, не зафиксированных в указанных словарях; 4) охарактеризовать профессиональную лексику лесного инженера как систему; 5) сформировать реестр краткого русско-белорусского словаря для студентов лесоинженерных специальностей, обучающихся в вузах Республики Беларусь.

Изучение специальной литературы позволяет констатировать, что лингвисты единодушно определяют профессиональную лексику (ПЛ) в целом как особую подсистему общелитературного языка, но при этом в ее состав включают слова различных разрядов. В одних источниках ПЛ описывается как совокупность слов, используемых для неформального общения людьми одной профессии [1; 6; 8]. В других источниках ПЛ приравнивается к специальной лексике, включающей термины, номены и так называемые профессионализмы – эмоционально окрашенные разговорные эквиваленты терминов

или номенклатурных наименований [3; 4]. Проведя обзор взглядов лингвистов на соотношение терминологии и ПЛ, С. Д. Шелов отметил, что границы между этими понятиями являются подвижными и прозрачными [7, 197–276].

В нашем исследовании профессионализмы и термины относятся к разновидности специальной лексики, что соответствует ее представлению в учебных пособиях по дисциплине «Белорусский язык (профессиональная лексика)» [2; 5], преподаваемой во всех белорусских вузах нефилологического профиля. На данном этапе изучения ПЛ лесного инженера основное внимание уделяется именно терминам – «специальным словам или сочетаниям слов, созданным (принятым, заимствованным) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [5, 34].

Именно благодаря свойству быть точными термины и обеспечивают успешность общения специалистов. Усвоение же терминов профессии может осуществляться различными способами, но в любом случае главное место в этом процессе отводится специализированным терминологическим словарям и справочникам. Они позволяют увидеть взаимоотношения и взаимозависимости между терминами и создать цельную картину предметной области.

В ходе нашего исследования выяснилось, что именно по лесной инженерии к настоящему моменту издан всего лишь один словарь – это «Словарь-справочник лесного инженера : учеб. пособие для студентов спец. 250401 “Лесоинженерное дело”» (2011), автором которого является В. В. Шутов. Этот словарь содержит 745 терминологических единиц.

Терминология по лесоинженерному делу обнаруживается в издании 2011 г. «Лесная промышленность и лесное хозяйство» И. Р. Шегельмана; в издании 2020 г. «Лесной комплекс. Термины, понятия и определения : учеб. пособие» А. Ф. Уразовой и Э. Ф. Герц.

В Беларуси попытки целенаправленной инвентаризации и кодификации терминов лесного комплекса предпринимались сотрудниками Белорусского государственного технологического университета (БГТУ). Для студентов изданы несколько кратких переводных словарей по отдельным тематическим группам. Также лесоинженерные термины можно обнаружить в небольших по объему словарях, инкорпорированных в учебники по дисциплинам, преподаваемым в БГТУ в рамках специальности «Лесная инженерия».

Проведя выборку лесоинженерных терминов из перечисленных источников, а также новейших учебников по лесоинженерному делу, профильных научных статей и монографий, нормативных документов Республики Беларусь, мы сформировали корпус из 2000 единиц, в числе которых:

- общенаучные термины, выражающие категории и понятия, применяющиеся во всех отраслях научных знаний (*коэффициент, метод, система, функция, технология, элемент* и др.);

- межнаучные термины, которые можно разделить на две группы: 1) термины, имеющие границы распространения в пределах комплекса наук и представляющие собой организованные объединения названий понятий, общих для всего комплекса или для большей части наук, входящих в этот комплекс. Чаще всего это термины, служащие структурной базой для оформления других, видовых, терминов. Иначе говоря, межнаучные термины первой группы и производные от них конкретно-специальные термины находятся в отношениях семантической иерархии. Например, в упомянутых выше лексикографических источниках фиксируются как родовые термины *аренда, арендная плата, аукцион*, обозначающие то же понятие, что и в экономических науках, так и видовые термины *аренда лесных участков, арендная плата за использование лесов, лесной аукцион*; 2) термины, которые в нескольких терминологиях соотносятся с разными понятиями. Связь основана на подобии характеристик отдельных явлений, процессов, имеющих место в разных отраслях знаний. Например, термин *балансы* в пределах лесоинженерной терминологии употребляется во множественном числе с дефиницией ‘круглые или колотые сортименты, предназначенные для производства древесноволокнистых полуфабрикатов в целлюлозно-бумажной промышленности’, которая не совпадает с дефиницией термина *баланс* в экономической науке: ‘количественное соотношение, состоящее из двух частей, которые должны быть равны друг другу, так как представляют поступление и расходование одного и того же количества денег, товара’;

- узкоспециальные термины, обозначающие специфические для лесной инженерии реалии, понятия, категории и делимые на такие тематические группы, как «пиломатериалы», «машины и оборудование лесозаготовок», «эксплуатация лесозаготовительных и лесотранспортных предприятий», «лесовозные дороги» и др.

В перспективе рассмотренные термины могут быть использованы при создании русско-белорусского словаря современных терминов по лесной инженерии. Словарь будет способствовать паритетному функционированию двух государственных языков Беларуси в сфере лесопромышленного комплекса; станет вкладом в обеспечение права гражданина получать научную информацию на любом языке, в том числе белорусском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
2. Губская, В. М. Беларуская мова для эканамістаў: дап. / В. М. Губская, І. І. Шматкова; Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Бел. дзярж. эканам. ўн-т. – Мінск: БГЭУ, 2019. – 134 с.
3. Гуляева, Т. П. Профессиональная лексика как один из источников пополнения литературного немецкого языка (на материале лексики горнорудного дела) / Т. П. Гуляева, Е. Г. Стешина. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1(67), ч. 1. – С. 85–88. – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/25.html> (дата обращения: 20.10.2021).
4. Локтионова, Н. М. К вопросу о профессиональной лексике / Н. М. Локтионова, И. А. Животкова. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11729> (дата обращения: 19.10.2021).
5. Русак, В. У. Беларуская мова (прафесійная лексіка): кароткі тэарэтычны курс і практычныя заданні: вучэб.-метад. дапам. для студэнтаў па хіміка-тэхналагічных спецыяльнасцях / В. У. Русак. – Мінск: БДТУ, 2017. – 196 с.
6. Сердобинцева, Е. Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты : автореф. дис. ... д. ф. н. 10.02.01 / Е. Н. Сердобинцева; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 42 с.
7. Шелов, С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения / С. Д. Шелов. – М. : ПринтПро, 2018. – 472 с.
8. Юсупова, Л. Г. Особенности профессиональной лексики и ее отличия от терминов / Л. Г. Юсупова, Г. Х. Казыханова. – Текст : электронный // Достижения вузовской науки. – 2016. – С. 175–178. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-leksiki-i-eyo-otlichie-ot-terminov> (дата обращения: 01.11.2021).

SUMMARY

Elizaveta Bartashevich. Professional vocabulary of a forest engineer

The main points of view of scientists for professional vocabulary are presented; reference books described in which the concepts of forest engineering are reflected; The system of relevant terms is characterized.

Key words: professional vocabulary, term, terminology, engineer, forest complex.

Беляйков Владислав
Научный руководитель –
к. филол. н. Замальдинов В. Е.
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Нижний Новгород, РФ

ПРОДУКТИВНЫЕ НЕУЗУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ СМИ

В статье описаны новообразования неузального характера в языке СМИ. Установлено, что подобные номинации привлекают внимание читателей, обладают экспрессивно-оценочным потенциалом.

Ключевые слова: словообразовательные инновации, язык СМИ, неузальные способы деривации, междусловное наложение, тмезис, графикация.

Современная медийная коммуникация является мощным средством речевого воздействия на сознание носителей языка. СМИ формируют отношение адресата к сообщаемому явлению, контролируют мнение людей, конструируют квазиреальную картину мира.

Для оказания воздействия на аудиторию журналисты используют в медийной коммуникации новообразования неузального характера. Подобные словообразовательные инновации придают тексту выразительность, привлекают внимание читателей.

Цель исследования – характеристика неузальных способов создания новообразований в текстах современных СМИ.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- выявить словообразовательные инновации неузального характера в текстах современных СМИ за 2021 г.;
- выделить наиболее продуктивные неузальные способы создания новообразований в текстах медийной коммуникации.

Анализу словообразовательных неологизмов посвящены работы В. Е. Замальдинова [1], Л. И. Плотниковой [2], Л. В. Сосниной [3], И. С. Улуханова [4], Ю. Н. Шаталовой [5] и др.

Одним из наиболее продуктивных неузальных способов деривации является междусловное наложение. Суть данного способа заключается в том, что на финаль основы одной лексемы накладывается омонимичное начало другой лексемы: **Рассроители** (заголовок). *Минобороны может лишить 700 человек купленного жилья («Наша версия». 13.09.21) ← рассроит(ь) + строители; Вирус отличился **заразнообразием** (заголовок). Выявленный в России*

новый вариант COVID-19 может не совпадать с британским АУ.4.2 («Коммерсантъ». 22.10.21) ← *зараз(а) + разнообразием*; Дialeктический **пиломатериализм** (заголовок). *Цены на фанеру и доски начали снижаться вслед за спросом* («Коммерсантъ». 27.10.21) ← *пиломатериал + материализм*. Подобные номинации привлекают внимание адресата, имеют ироническую тональность.

В медийных текстах представлены тмезисные новообразования. Под тмезисом мы понимаем вставку одного слова или его части внутрь другой узуальной лексемы: **ЛайфЖКХак** (заголовок). *Руководство Фонда содействия реформированию ЖКХ попало под волну критики в соцсетях* («Наша версия». 15.09.21) – *лайфхак + ЖКХ*; *Россияне пригайдпарковались* (заголовок). *Дорогое жильё в центре Лондона снова пользуется спросом* («Коммерсантъ». 29.10.21) – *припарковались + Гайд-парк*. Тмезисные номинации повышают экспрессивность журналистского текста, вовлекают адресата в интеллектуальную игру.

Многочисленную группу новообразований неузуального характера составляют графические гибриды. Под графикацией мы понимаем результат создания словообразовательных инноваций, в которых используется графически выделенный сегмент: **ДОНсвидания** (заголовок). *Россия объявила о намерении покинуть Договор по открытому небу (ДОН)* – *одно из последних реально действующих соглашений в сфере контроля над обычными вооружениями в Европе* («Коммерсантъ». 16.01.21) ← *ДОН + до свидания*; *Депутаты выступили за АНОрексию бюджета* (заголовок). *Мэрия Нижнего Новгорода вот уже третий год не может разродиться ещё одним АНО – «Центром поддержки социальных проектов Нижнего Новгорода»* («Зеркало». 29.04.21) ← *АНО* (автономная некоммерческая организация. – *Авт.*) + *анорексия*. Как видно из примеров, журналисты активно используют в медийных текстах такую разновидность графикации, как капитализация – чередование строчных и прописных букв в узуальной лексеме. Подобные новообразования обладают большим экспрессивным потенциалом и многогранным смыслом.

Таким образом, с помощью новообразований неузуального характера журналисты повышают выразительность медийного текста, выражают оценку, проявляют свои творческие способности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замальдинов, В. Е. Новообразования как средство речевого воздействия в региональных нижегородских СМИ / В. Е. Замальдинов // Язык. Право. Общество: сборник статей IV Международной научно-практической конференции / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – 2016. – С. 218–221.

2. Плотникова, Л. И. Динамика словопроизводственных процессов в живой разговорной речи / Л. И. Плотникова // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля-03 мая 2019 года / Редколлегия: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. – Нур-Султан, Казахстан : Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2019. – С. 321–325.

3. Соснина, Л. В. Медийные новообразования как средство отражения социокультурных процессов / Л. В. Соснина // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы Международной научной конференции, Архангельск, 18-20 октября 2018 года. – Архангельск: Общество с ограниченной ответственностью «Консультационное информационно-рекламное агентство», 2018. – С. 195–199.

4. Улуханов, И. С. Новообразования существительных с суффиксом *-тель* в русском языке XI-XVII вв. / И. С. Улуханов // Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский центр «Азбуковник»», 2021. – С. 484–494.

5. Шаталова, Ю. Н. Словотворчество в рекламном дискурсе как средство воздействия на адресата / Ю. Н. Шаталова // Медиа технологии в рекламе и связях с общественностью: от теории к практике: сборник трудов, посвященный 25-летию медийного образования в Ставропольском крае / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет». – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2019. – С. 202–208.

SUMMARY

Vladislav Belyakov. Productive non-formal ways of creating word-formation innovations in the language of mass media

The article describes word-formation innovations of a non-casual nature in the language of mass media. It is established that such nominations attract the attention of readers, have expressive and evaluative potential.

Key words: word-formation innovations, media language, non-formal methods of derivation, inter-conditional overlap, tmesis, graphization.

Биджиева Яна
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Кочетова С. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

**ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ
ВЛАДИМИРА ЛИЧУТИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «В ОЖИДАНИИ
БОГА»)**

Данная работа посвящена изучению жанра исторического романа в творчестве В. В. Личутина на материале произведения «В ожидании Бога». Исследователь рассматривает историзм, авантюристичность и прочие признаки исторического романа применительно к творчеству В. В. Личутина и приходит к выводу о том, что, обращаясь к этому жанру, автор стремится к созданию целостной картины жизни частного человека в контексте истории России.

Ключевые слова: *В. В. Личутин, исторический роман, историзм, авантюристичность.*

Творчеством В. В. Личутина на сегодняшний день занимается небольшое количество исследователей: А. Ю. Большакова [1], Н. Е. Гюльназарян [3], Н. В. Ковтун [4]. В то же время следует отметить, что работы этих авторов в основном посвящены концепции личности, мифологизму и теории историософии в прозе В. В. Личутина. На наш взгляд, полного анализа творчества этого писателя еще нет, наблюдения, представленные в упомянутых работах, фрагментарные. Особенный интерес вызывает разработка жанра исторического романа в его прозе. В частности, практически не изучено одно из последних его произведений – роман «В ожидании Бога». Предметом нашего исследования выступает жанр исторического романа в творчестве В. В. Личутина именно на материале произведения «В ожидании Бога», что и обусловило актуальность исследования.

Как известно, В. Я. Малкина определяет исторический роман как литературный жанр, возникший в начале XIX в., для которого характерны следующие отличительные признаки: сочетание историзма и «готического антропологизма»; авантюристичность; особый тип главного героя [7, 87]. Поэтому изучать исторический роман в творчестве В. В. Личутина целесообразно, исходя из рассмотрения обозначенных выше параметров.

Для определения границ и специфики исследования важно очертить наше понимание терминов. Историзм в литературоведении понимается

как предположение, что психология человека связана с исторической эпохой, в которой он живет; историзм проявляется не только в том, что описывается быт, образ жизни и т. д., но и в том, что осознаются различия в человеческой психологии разных эпох [7, 86]. В. Я. Малкина определяет «готический антропологизм» как свойственное готическим романам отношение к человеку; в них утверждалась незыблемость нравственной природы человека и основных этических ценностей [6, 106]. Итак, историзм, на наш взгляд, в полной мере присутствует в романе В. В. Личутина «В ожидании Бога». Он явственно заметен и в описании быта, и в речи героев: «И вот, когда самовар, подгуживая, вскочит на стол, уперев руки в боки (такой богатырь), а сверху, на конфорку, вспрыгнет пузатый расписной заварничек <...> тогда и можно, помолясь в своей келейце, усестись в переднем углу...» [5, 121]. Такое внимание к деталям деревенского быта – дань древней традиции, которая, по мнению автора, должна способствовать сохранению лучших черт в человеке – тех самых основных этических ценностей. Автор намеренно обращается к бытописанию деревни, а не города, и речь его персонажей напевная, странно звучащая для современного читателя: «Правда – это любовь, а в ком любовь, в том и стыд, совесть живет, в том и Бог пребывает...» [5, 130]. Писатель убежден, что человеческая личность может сформироваться лишь в связи с вековым многострадальным опытом нации, в неразрывной связи с корнями национальной культуры. Своим творчеством В. В. Личутин продолжает «почвеннические» традиции «деревенской» прозы 60-70-х годов, чьи корни уходят в творческое наследие русских писателей XIX в., таких как Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др. [2].

Для повествования в историческом романе может быть характерен элемент авантюрного. Под авантюристичностью мы понимаем, прежде всего, авантюрный сюжет, состоящий из последовательной смены исключительных ситуаций, объединенных идеей испытания героя. В случае с романом В. В. Личутина «В ожидании Бога» мы также можем наблюдать разработку поэтики авантюрного. В то же время проза писателя обладает своей особенностью: его герои проходят свои испытания незаметно для внешнего мира. По степени напряженности внутренняя борьба героев с самими собой ничуть не уступает тем испытаниям, которые мы привыкли находить в авантюрных сюжетах и эта борьба строится на религиозном начале. В качестве элемента поэтики повествования мы можем наблюдать использование автором противопоставления «божественного» и «дьявольского». Исследователь Н. В. Ковтун замечает, что в личутинской прозе всякое перемещение в пространстве становится перемещением по шкале религиозно-нравственных ценностей [4, 35]. Акцент делается не на продвижении внешнего сюжета, а на том, каким образом видоизменяется на протяжении сюжета внутренний мир персонажа.

Поэтому на протяжении повествования монологичная внутренняя речь занимает гораздо больше места, чем диалоги, что является еще одной особенностью идиостиля В. В. Личутина, что характеризует писателя как мастера психологизма. Следует также заметить, что вышеописанные особенности дают нам основание определять роман «В ожидании Бога» как роман воспитания. Эта жанровая разнovidность романа активно развивалась в мировой литературе в течение долгого времени. Кроме того, в романе В. В. Личутина явно наблюдаются традиции жанра романа инициации. И той, и другой жанровой форме, как правило, свойственны авантюрный характер и разработка концепции становления личности.

По нашим наблюдениям, в романе «В ожидании Бога» фигурирует особый тип главного героя. Это частный человек, случайным образом вовлеченный в исторический кризис; его поступки, продиктованные свободной волей или той же случайностью, способствуют осуществлению исторической необходимости, основанной на многовековом опыте предыдущих поколений. В. В. Личутин проводит своих героев сквозь целые десятилетия, что очевидно даже исходя из заглавий частей романа «В ожидании Бога»: «Весна пробудит (год 76-й)», «Укус шершня (год 86-й)». Можно констатировать, что особенность личутинских героев первого плана в том, что они рассуждают о прошедших или совершающихся на данный момент исторических событиях: «Одни склоняются в сторону «февралистов», де, они, масоны, всему виною, сам Двор и бывшая царева челядь свергли монархию; другие бичуют большевиков, там находя ответы на гибель Русской земли; иные ищут виновников в Лондоне...» [5, 341]. Рассказчик иногда вклинивается в повествование, чтобы высказать собственное мнение: «Откуда-то и денежки завелись, видно, выскребаются на белый свет из потаенного ларчика от подпольных промыслов, до которых не докопалась ОБХСС. Горбачев дал «красный свет» маклерам и сутенерам...» [5, 263]. Однако жизнь личутинских персонажей выглядит частной жизнью обыкновенных людей, хоть и отражается на ней сухой закон, выставка передвижников и прочие приметы эпохи; их нельзя сразу безапелляционно назвать участниками исторического процесса. В. В. Личутин как автор концентрирует свое внимание не на динамизме, а на диалектике исторических явлений. Как следствие, исследование человеческой души у него довлеет над анализом событий истории.

Таким образом, в романе «В ожидании Бога» В. В. Личутин стремится к созданию целостной и полемически осмысляемой картины жизни отдельного человека в контексте истории России. Мы видим перспективу исследования творчества В. В. Личутина в связи с изучением проблематики и поэтики жанра исторического романа, так как его перу принадлежат произведения, созданные в традиции этого жанра («Раскол», «Скитальцы»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большакова, А. Ю. Автор и герой в концептосфере Владимира Личутина. Статья первая / А. Ю. Большакова. – Текст : электронный // Rhema. Рема. – 2009. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-i-geroy-v-kontseptosfere-vladimira-lichutina-statya-pervaya> (дата обращения: 23.11.2021).
2. Бондаренко, В. Г. Кудесник русского слова / В. Г. Бондаренко // День Литературы. – 2010. – № 163.
3. Гюльназарян, Н. Е. Идея противоречивости личности в историческом романе конца XX века (А. Ю. Сегень, В. В. Личутин) / Н. Е. Гюльназарян. – Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-protivorechivosti-lichnosti-v-istoricheskom-romane-kontsa-xx-veka-a-yu-segen-v-v-lichutin> (дата обращения: 28.11.2021).
4. Ковтун, Н. В. Социокультурный миф в современной прозе. Творчество В. Личутина / Н. В. Ковтун. – Красноярск, 2002. – 471 с.
5. Личутин, В. В. В ожидании Бога : роман / В. В. Личутин // Собрание сочинений: В 14 т. – М. : ООО «Издательский дом «Вече», 2017. – 752 с.
6. Малкина, В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: на материале русской литературы XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук В. Я. Малкина. – М. ; 2001. – 216 с.
7. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008. – 357 с.

SUMMARY

Yana Bidgieva. The genre of the historical novel in the works of Vladimir Lichutin (based on the material of the work “Waiting for God”)

This work is devoted to the study of the genre of the historical novel in the works of V. V. Lichutin on the material of the work “Waiting for God”. The researcher examines historicism, adventurism and other signs of the historical novel in relation to the work of V. V. Lichutin, and comes to the conclusion that, turning to this genre, the author strives to create a holistic picture of the life of a private person in the context of the history of Russia.

Key words: V. V. Lichutin, historical novel, historicism, adventurousness.

Богомолова Валерия
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Соснина Л. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОЛОРАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-БАХУВРИХИ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной работе рассматриваются научные подходы к изучению композитных цветообозначений и основные группы их выражения в современном русском языке. Мы предлагаем рассмотреть ономасиологические модели бахуврихи.

Ключевые слова: *бахуврихи, композитные цветообозначения, ономасиологический базис и ономасиологический признак, универбализационные композиты, цветовые и световые признаки.*

В современном русском языке немалый интерес вызывает изучение композитов цветообозначения. Данным вопросом занимались такие лингвисты, как Л. В. Соснина, И. А. Герасименко, Е. В. Белоглазова, С. А. Бабина.

Под цветообозначением понимают чаще всего имена прилагательные, которые обозначают определенные и неопределенные цвета. Они функционируют как самостоятельные слова, и в составе конструкций с обозначением цвета [6, 56]

В современной лингвистике уже были попытки рассмотреть основные структурные типы композитов цветообозначения и определить их номинативный статус. Многие ученые выделяют две основные группы имен прилагательных данного типа:

1. Абсолютные, которые имеют две определенные подгруппы: хроматические (указывающие на семь цветов радуги) и ахроматические (черный, белый и т.д.);
2. Оттеночные, уточняющие интенсивность окраски [1, 140].

Целью нашего исследования является определение ономасиологических моделей прилагательных-бахуврихи цветообозначения и средств их выражения в русском языке.

Актуальность исследования определяется существованием большого количества научных подходов к изучению композитных цветообозначений и выделением ономасиологических моделей прилагательных-бахуврихи данного типа.

В своем исследовании Л. В. Соснина выделила группу сложных цветообозначений, которую образуют универбализационные

компози́ты и единицы квази́компози́тного произво́дства [5, 59]. Следует отметить, что прилагательные – бахуврихи относятся к классу именно универбализационных композитов, поскольку имеют тождественное словосочетание определенному сложному слову, например, «*белолицый – с белым лицом*», где ономасиологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, то есть «*лицо*», а признак на основе семантики зависимой лексемы «*белый*».

Ученый М. Докулил утверждает, что «внутреннее формирование понятия по отношению к его выражению в данном языке происходит при помощи ономасиологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, образующих основу наименования и обладающих своими категориальными выражениями [3, 79].

Л. В. Соснина в своей работе приводит пример «*белоснежный – белый, как снег*», где наблюдается универбализация компонентного типа при опущении служебных единиц исходного словосочетания в процессе его преобразования в композит [6, 62], например: ***Белоснежный подворотничок ровными стежками, словно автоматной очередью*** (В. Я. Тучков. Русский холод. Надуманное // «Волна», 2016; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru); *И были ветры в земле той: западный ветер зеленого цвета, а от восхода солнца – рыжий ветер, а с севера ветер словно свежая кровь, а с южной стороны ветер белый, как снег* (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru).

Ученые Л. В. Вяземская и О. Н. Емельянова, исследуя цветовую и световую лексику, выделяют три группы слов, передающих значение цвета и света:

1. Слова и словосочетания, которые называют цвет и их оттенки: *черный, белый, красный* и т.д.;
2. Слова и словосочетания, имеющие значение «светового признака»: *светлый, мутный* и т.д.;
3. Слова и словосочетания, семантика которых напрямую не связана с цветом/светом, но они называют такие предметы и явления действительности, которые в представлении каждого из нас устойчиво ассоциируются с тем или иным цветом или даже целой гаммой цветов: *туман, грязь* и т.д. [3, 64].

Считаем уместным выделить классификацию сложных цветообозначений, предложенной И. А. Герасименко. По ее мнению, существуют следующие группы сложных слов, такие как:

а) двух цветооснов (*багрово-черный, бело-зеленый, красно-рыжий*);

б) цветоосновы с выражающей тон и насыщенность цвета основой в препозиции (*темно-, светло-, бледно-, тускло-, ярко-, густо-, матово-*) и постпозиции (*-темный, -светлый, -бледный, -чистый*);

в) цветоосновы и выражающие дополнительные качественные характеристики основы в препозиции (*бархатисто-*, *зеркально-*, *пыльно-*, *песчано-*, *воспаленно-*, *плюшево-*) и постпозиции (*-пыльный*, *-песчаный*, *-бархатный*, *-каменный*, *-деревянный*, *-электрический*, *-водный*);

г) цветоосновы и выражающие элементы внешности, части тела и предметы основы (*-ногий*, *-головый*, *-волосый*, *-гривый*, *-кожий*, *-чубый*, *-брюхий*, *-верхий*, *-тканый*);

д) многокомпонентные слова, состоящие из нескольких цветооснов (*серо-буро-малиновый*, *оранжево-сине-багровый*, *оранжево-розово-ало-багряно-багровый*) или цветоосновы и выражающей тон и насыщенность света основы (*черно-мутно-прозрачный*) [2, 145].

Предлагаем следующие ономаσιологические модели колоративных прилагательных-бахуврихи с определенным формантом, а также средства их выражения в современном русском языке:

1. Модель «цвет+орган»

Белокожий/с белой кожей: *Из маличишки стал юношей – белокожий, тонкокостный, красавец!* (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru); *Невысокая, с белой кожей и черными волосами* (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru).

Бледнокожий/с бледной кожей: *То бледнокожий, черноглазый и лысый, лишь с легким пушком на подбородке* (kartaslov.ru); *Чтобы отлично выглядеть с бледной кожей, первое, что вам нужно сделать, – это отбросить предрассудки, что светлая кожа считается недостатком* (ru.wikihow.com). В данном композите мы наблюдаем оттеночный характер белого цвета, в котором ярко выражен «световой признак».

2. Модель «цвет+объект»

Белозерный/с белыми зернами: *Окраска зерна различная – от светло-желтой (белозерная пшеница) до темной красновато-коричневой (краснозерная пшеница)* (kartaslov.ru); *На самом деле сорта граната с белыми зернами есть и успешно культивируются в южных странах и даже на юге Италии и Испании* (book-cooks.ru).

3. Модель «цвет+коррелятив»

Пепельно-серый/серый, как пепел: *Посыльный, пепельно-серый то ли от пыли, то ли от усталости, шмякнув о землю пустую торбу, сорванно, безгололо выдохнул* (Евгений Носов. Усвятские шлемоносцы (1977); Национальный корпус русского языка, ruscorpora.ru); *Он – серый, как пепел от «Мальборо», – вот, даже внешне у него потрясение произвелось, я думал, он крепче, – долго молчит, потом:* (В. Ф. Кормер. Крот истории или революция

в республике S+F (1979); Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru).

4. Модель «цвет+состояние»

Чернодушный/с черной душой: Чернодушная – какое емкое определение! Вот только Арина сомневалась, что у Хелены вообще есть душа (booksonline.com.ua); Не секрет, что за приятной внешностью и дружелюбием часто скрывается человек, мысли которого далеки от позитива и он оказывается личностью **с черной душой** (Selementum.ru).

В современном русском языке исследование композитов цветообозначения является весьма перспективным. Нами выявлены 4 ономаσιологических модели колоративных прилагательных-бахуврихи и рассмотрены средства их выражения в русском языке. Необходимо разграничить квазикомпозиты и композиты-бахуврихи, которые имеют внешнее сходство и являются двусоставными единицами. Полагаем, что данная классификация композитных цветообозначений требует дальнейшей доработки с учетом постоянного пополнения лексической системы языка новообразованными композитами-колоративами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоглазова, Е. В., Бабина С. А. Градуальная функция сложных имен прилагательных цветообозначения в русском языке (на примере произведения В. В. Кестовского «Петербургские трущобы») / Е. В. Белоглазова, С. А. Бабина / Известия ВГПУ. Филологические науки. Языкознание. Саранск. – 2020. – С. 140–144.
2. Герасименко, И. А. Средства экспликации цвета в художественной картине мира / И. А. Герасименко // Мовознавчий вісник / Збірник наукових праць. Вип. 19. – Черкаси, 2014. – С. 144–149.
3. Емельянова, О. Н., Вяземская Л. В. Цветовая и световая лексика в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / О. Н. Емельянова, Л. В. Вяземская / Языкознание / Общее языкознание. Сибирский федеральный университет – Красноярск, 1998. – С. 64–75.
4. Кузина, И. Ю. О механизме параметризации словообразовательного уровня (на примере универбализационных композитов) / И. Ю. Кузина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 6 (85), Ч. 1. – С. 75–85.
5. Соснина, Л. В. Ономаσιологические классы бахуврихи (на примере русских прилагательных) / Л. В. Соснина // Вестник ВГУ Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014 – №3. – С. 39–42.
6. Соснина, Л. В. Структурные разновидности композитных цветообозначений / Л. В. Соснина / Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания – №2. – 2015. – С. 56–64.

SUMMARY

Valeria Bogomolova. Onomasiological models of color adjectives-bahuvrihi and its vehicles in Russian language

This paper considers scientific approaches to the study of composite color denotations and the main groups of their expression in modern linguistics of the Russian language. We propose to consider onomasiological categories, namely bahuvrihi, which are perspective phenomenon for today.

Key words: bahuvrihi, color denotations, onomasiological base and onomasiological element, univerbalizing composites, color and photic elements.

Вильчинская Олеся

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СТИХАХ И. НЕЧИПОРУКА

В статье автор дает определение категории локативности и описывает языковые средства ее реализации. Материал для анализа – имена существительные с пространственным значением, используемые в стихотворениях И. Нечипоруком.

Ключевые слова: категория, пространство, локативность, имя существительное, стихотворение.

Изучение категории пространства актуально. Она является объектом исследования не только философской науки, но и лингвистической, так как находит отражение в определенных языковых средствах. Если говорить о содержании окружающего человека мира, о движении как всеобщем свойстве сущего, нельзя избежать употребления такого понятия, как пространство, потому что любое тело, вещь, явление всегда соседствуют с другими предметами и явлениями действительности, обладают протяженностью, т. е. имеют пространственные характеристики.

Пространственные отношения относятся к числу сложных семантических явлений, включающих в свое содержание комплекс категориальных сем: предмета, формы, количества и т. д. Ввиду того, что пространственные отношения соотносятся с самым общим понятием пространства, они тоже являются наиболее абстрактными и логически самостоятельными по сравнению с наполняющими

их субкатегориями локативности, директивности, объемности, протяженности и др.

А. В. Бондарко в «Теории функциональной грамматики» дает такое определение локативности: это семантическая категория, которая представляет собой трактование мыслительной категории пространства с помощью языковых единиц. В данном определении у ученого локативность определяется и как функционально-семантическое поле. Оно включает разноуровневые средства русского языка, которые взаимодействуют при выражении пространственных отношений [3, 5].

Опираясь на «Теорию функциональной грамматики» А. В. Бондарко, рассмотрим существительные как средства выражения локативности в русском языке.

Цель нашей статьи – описать существительные с пространственным значением в стихотворениях Ивана Нечипорука.

При выражении пространственных отношений в русском языке используются определенные слова, относящиеся к лексико-семантической группе (далее – ЛСГ) локальной лексики и обозначающие объекты, на которые направлены пространственные отношения человека. На базе общности значения такие слова образуют тематические группы – объединения логического порядка, которые основаны на классификации самих предметов и явлений [5, 227]. Очень часто в тематическую группу объединяются слова с общей функцией. Так, существительные *дом, хата, вилла, квартира, особняк, коттедж, юрта, хижина, каморка* и др. обозначают жилище человека, представляя собой особую разновидность тематических групп.

Среди существительных с пространственным значением выделяются имена с общей локальной семантикой, выражающие самое общее представление о пространстве – *место (местность, местоположение, местопребывание, пространство, территория, объект, сооружения)*, а также специфические наименования: *граница (рубеж, черта, линия), зона, ландшафт, область, рельеф* и другие.

Отметим, что пространственные отношения выражаются сочетанием предлога с именем существительным, именно он «как раз указывает на направление или место его нахождение, осуществления или проявления» [2, 19]. По словам В. С. Бондаренко большинство первичных предлогов в современном русском языке с разными падежами выражают самые разнообразные пространственные отношения между вещами или телами, между действиями, состояниями, качествами и предметами, между объективными реальностями, существующими независимо от нашего сознания. Одной из этих реальностей является и само пространство [Там же, 19]. Исследователь подразделяет предлоги, выражающие пространственные отношения на две группы:

а) предлоги, указывающие на направление действия – движение в пространстве;

б) предлоги, указывающие место расположения, осуществления или проявления действия – движения в пространстве [Там же, 20].

Перечисленные средства выражения категории пространства зафиксированы нами и в поэзии И. Нечипорука. В стихотворении «Улица Пушкинская» автором употреблены следующие существительные с пространственным значением *с городом, на город, к земле, на аллею, музеи*. Например:

*Этой улицей я с **городом** связан,
Этой улицей привязан я к **земле** [4];
Пусть пропали звонкие трамваи,
На аллее не алеет барбарис [Там же];
Здесь встречаются музы и **музеи**,
Отвергая межвременья жуть [Там же].*

В значении выделенных имен существительных содержится указание на место или объект. Ср.: «Город – крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа и т.п.» [1]; «Земля – место жизни и деятельности людей» [Там же]; «Аллея – дорога, обсаженная по обеим сторонам деревьями или кустарником» [Там же]; «Музей – учреждение, собирающее, хранящее и выставяющее на обозрение памятники истории, искусства, культуры, науки, техники и других областей, сфер деятельности общества; помещение такого учреждения» [Там же].

Выделенные имена существительные называют разные пространства, от крупного (*город*) до более мелкого (*музей, аллея*). Это пространства, как в черте города, так и в рамках одного здания.

В стихотворении «Чёрная дыра» пространственные отношения выражаются с помощью таких существительных, как *из пустоты, ко дну*:

*Слагая быт **из пустоты**,
Ты складываешь пазл устало [4];
Но если чувства захлестнули,
Ты в шаге от лукавой пули,
Что повлечёт тебя **ко дну** [Там же].*

Слово *пустота* употребляется для называния «пустого, ничем не заполненного пространства» [1]. Лексема *дно* указывает как на пространство, так и на направление движения. Ср.: «Опуститься на дно. Идти ко дну (нравственно опускаться)» [Там же].

В этом стихотворении пространство не только физическое, но и абстрактное. Поэт описывает не только пространство окружающего мира, родного города, но и пространство своей души.

В стихотворении «Белый город» автор использует такие существительные с пространственным значением: *кольцо, город, дорога, мир, массив*. Например:

Окрылённо светел и красив,
 Словно отзвук яркого аккорда,
 Возвышается над дольным миром гордо
 Многогорбый города **массив** [4];
 Он предстал **в кольце** своих **дорог** [Там же];
 Солнечным сплетеньем перепутий
 И дробясь на яркие лоскутья,
 Заявляет: «**Мир** не так уж плох!» [Там же];
 И откинув обречённость дня
 На судьбу свою гляжу с укором...
 Я уже влюбился в этот **город**,
 Но **дорога** вновь зовёт меня [Там же].

В предложениях лексемы *кольцо, город, дорога, мир, массив* называют место или объект. Ср.: «Кольцо – то, что образует круг или располагается в виде замкнутой линии. Положение, когда кто-л. окружён кем-, чем-л.» [1]; «Город – крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа» [Там же]; «Дорога – место, по которому надо пройти или проехать, путь следования» [Там же]; «Мир – всё, реально существующее на Земле, проявляющееся в её жизни. Окружающее кого-л. общество; люди» [Там же]; «Массив – большое пространство, однородное по каким-л. признакам или совокупность множества каких-л. однородных предметов, образующих целое» [Там же].

В стихотворении «Город крылатого льва» поэт использует много существительных с пространственным значением:

Каналы, гондолы, туристы и птицы –
 От суетной гонки смятенья в душе.
 Давай убежим, чтоб **в глуби** заблудиться [4];
 Но снова толпа и **на площади** жарко [Там же];
 Мы учимся робко ходить **по воде** [Там же];
 Не хочешь **с окна колокольни** Сан-Марко ... [Там же];
 Но красные крыши скучны и статичны,
 И только **лагуна** влечёт синевой [Там же]...
 И в этом беспечном **краю** необычном
 Я каждый свой миг наполняю тобой [Там же].

В предложениях лексемы *глубь, площадь, вода, колокольня, лагуна, край* называют место или объект. Ср.: «Глубь – место или пространство, удалённое от края, границ, начала чего-л. или расположенное внутри, в середине чего-л.» [1]; «Площадь – пространство земли, проектируемое или предназначенное для каких-л. целей» [Там же]; «Вода – водное пространство моря, реки и т.п., его поверхность, уровень» [Там же]; «Колокольня – башня для колоколов над зданием церкви или при церкви» [Там же]; «Лагуна – мелководный залив или озеро, отделившиеся от моря вследствие образования песчаной полосы» [Там же]; «Край –

предельная линия, ограничивающая поверхность или протяжённость чего-л.; прилегающая к ней часть этой поверхности. Наиболее удалённая от центра часть чего-л.; окраина» [Там же].

Итак, в своих стихах Иван Нечипорук использует много слов с пространственным значением. Именно связь таких слов пронизывает текст от начала до конца, соединяя его части, характеризующие описываемые события со стороны их пространственного размещения. Подобные слова могут организовывать предложения в сложные синтаксические целые, фрагменты и целые главы текстов-произведений. Такие слова выступают в качестве одного из важнейших средств организации текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – Текст : электронный // Грамота.ру : сайт. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Бондаренко, В. С. Пространственные отношения, выражаемые с помощью предлогов / В. С. Бондаренко // Ученые записки МГПИ. – Т. 33, 1954. – Вып.3. – С. 19–20.
3. Бондарко, А. В. Локативность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – Л. : Наука, 1971. – С. 5–46.
4. Стихи Ивана Нечипорука / И. Нечипорук. – Текст : электронный // Стихи.ру : сайт. – <https://stihi.ru/avtor/iioann> (дата обращения: 20.11.2021).
5. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Очерки по теории языкознания. – М., 1982. – С. 227–239.

SUMMARY

Olesya Vilchinskaya. Nouns with spatial values in the poems by I. Nechiporuk

The article is devoted to the study of the category of locativity in nouns as one of the main means of expressing this category in the Russian language. This category is considered in the poems of Ivan Nechiporuk.

Key words: category, space, locativity, noun, poem.

Власова Анастасия
Научный руководитель –
к. филос. н. Серостанова О. Б.
ГОУК ЛНР «Луганская государственная
академия культуры и искусств
им. М. Матусовского»,
г. Луганск, ЛНР

СРАВНЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МАССМЕДИА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Лингвокультурология – отрасль языкознания, которая изучает отношения между языком и культурными концептами. Концепт – знание об объекте из реального мира. Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных культурах. Несовпадения в понимании сущности концептов толерантности в разных культурах играют значимую роль как для межличностного общения, так и для межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова: *концепт, массмедиа, толерантность.*

Одной из важных функций как развлекательного, так и информационного контента массмедиа является воздействие на массовое сознание. СМИ являются наглядным показателем культурных тенденций общества. В то же время необходимо понимать, что особую роль в передаче смысла медиапродукта играет его символическое наполнение. Для данного процесса свойственно применение лингвистических и культурных инструментов, оказывающих воздействие на участников массовой коммуникации.

По мере возрастания политического, национального и культурного разнообразия повышается риск столкновения культурных образцов и стилей поведения, что в целом актуализирует вопрос толерантного отношения к культурному многообразию. Важность данного исследования обусловлена потребностью изучения толерантности в контексте формирования языковой картины мира посредством массмедиа.

Целью статьи является сравнение семантики толерантности в российских и британских медиа как способа отражения национальной культуры и национального языкового сознания.

Предметом исследования выступает концепт толерантности как доминанта современного культурного дискурса.

В отечественной науке существуют различные подходы к исследованию языка медиа ресурсов в рамках медиалингвистики, когнитивной лингвистики, когнитивного анализа текстов [1]. В качестве методологической базы был выбран

лингвокультурологический подход, а также применены методы когнитивного анализа, дискурс-анализа, контент-анализа и сравнения.

Теоретической базой исследования выступают научные работы Л. М. Генераловой, Л. Н. Ребриной, С. Р. Сулаймановой, Я. М. Маматовой, З. Д. Поповой, И. А. Стерлина.

Были проанализированы медиатексты британских и российских СМИ, в частности «The Economist» и «Общественное телевидение России» на предмет выявления лингвокультурных особенностей массмедиа.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных национальных культурах [3, 99]. Основываясь на этом тезисе, отметим, что различия в восприятии обществом самого понятия толерантности и готовности к толерантному поведению в достаточно большой степени зависят от репрезентации этого понятия в системе, окружающих повседневную жизнь человека массмедиа.

Анализ средств массовой коммуникации позволяет раскрыть особенности вовлеченности массовой аудитории в национально-культурный контекст повседневности. Они выступают источником информации о мире, выполняют функцию развлечения, воспитания, организации поведения и интеграции идей и культурных артефактов [2].

Несмотря на то, что массмедиа нередко комплексно воздействуют на потребителя, используя удачно подобранный визуальный ряд и дополнительные спецэффекты, именно лингвокогнитивные исследования позволяют дать более четкое представление о культурной специфике общества [3, 16].

Рассмотрим тексты информационно-публицистического стиля, такие, как: «Hong Kong's YouTube migrants» и «Толерантность: притеснение большинства или будущее общества?» [5, 4]. Исходя из заголовка и содержания первой статьи, можно увидеть, что толерантность в Британии воспринимается как более-менее сформировавшаяся государственная ценность, которую правительство нацелено развивать у подрастающего поколения. В то время как в российском медиапространстве, исходя из содержания статьи, видится нацеленность на определение и раскрытие понятия «толерантность» в историко-культурной ретроспективе, определить границы адекватного восприятия толерантности различными представителями большинства и меньшинства. Так как в настоящий момент происходит процесс определения и осознания норм, толерантность является в большей степени показателем духовного развития личности.

На основе представленной выше эмпирической базы для статьи «Толерантность: притеснение большинства или будущее общества?» характерно применение риторического вопроса, фразеологизмов, использование форм сравнительной степени и просторечий, риторические вопросы, восклицания, большее количество притяжательных местоимений (88 шт. на 6000 слов, что примерно соответствует 1,46%)

[4]. В статье «Hong Kong's YouTube migrants» выражено применение эмоционально-оценочной лексики, метонимии, фразеологизмов, однако притяжательных местоимений – примерно 0,41% [5].

Стоит отметить, что для «Общественного телевидения России» свойственна поддержка целостной картины мира на основе терпимости к разным культурам. Формирующее качество текста выражено в возможности воздействовать на формирование общественного мнения путем многократного повторения и распространения концепта толерантности, понимаемого с позиции ценностей русской культуры. Языку СМИ свойственны отсутствие агрессии, принятие отличий, осознание межкультурных границ по отношению к «другой» культуре, что прививается личности в процессе социализации в обществе. Это требует подавления агрессии и проявляется как отказ от враждебности, возникающий в условиях культурного плюрализма.

В материале «The Economist» превалирует специфическая языковая картина, отражающая национально-культурные и личностные особенности гонконгских мигрантов с позиции демократических ценностей и нормы уважительного отношения к культурным различиям и сходствам. Так, в тексте можем выделить тот факт, что к гонконгцам применяются прилагательные, дополнительно подчеркивающие отличия их от британцев и других мигрантов («quite different», «socially atypical» и «extraordinary»). Одновременно с этим в английском тексте превалируют высказывания, указывающие на принятие отличий в поведении и культуре, запрет на дискриминацию, прослеживается поощрение предпринимаемых мигрантами мер интеграции.

На основе представленных материалов, в медиатексте «Толерантность: притеснение большинства или будущее общества?» были выделены следующие особенности, отражающие сущность русского концепта: «требуется открытости», «требуется понимания прав» и «свобод другого человека, в большей степени фактор личностного роста», проявляется в отсутствии предвзятости по отличительным признакам [4]. В статье «Hong Kong's YouTube migrants» ярко выражены концепты, связанные с соблюдением прав и свобод человека, в большей степени фактор общественного развития, соблюдением социальных норм, проявлением культурности [5].

Таким образом, было выявлено различия в понимании сущности концепта толерантности в русских и британских медиатекстах, что играет значимую роль для восприятия межкультурного общения. В частности, для русского ресурса характерна дидактическая составляющая и стремление сформировать определенное представление о различиях культур. Это подкрепляется за счет применения патриотических оценочных суждений. Спецификой

британского текста выступает относительная фиксированность слов в основном содержании, а также отсутствие оценочного компонента.

Перспективным видится исследование структурных трансформаций текста культурной тематики и выделение его лингвокультурологических особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генералова, Л. М. Когнитивный анализ как метод изучения языковых явлений / Генералова Л. М., Ребрина Л. Н. – Текст: электронный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – №3 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-analiz-kak-metod-izucheniya-yazykovyh-yavleniy> (дата обращения: 30.10.2021).
2. Сулайманова, С. Р. Некоторые аспекты воздействия современных медиатехнологий на формирование медийной и информационной культуры молодежи / Сулайманова С. Р., Маматова Я. М. – Текст: электронный // Знак : проблемное поле медиаобразования. – 2017. – №1 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-vozdeystviya-sovremennyh-mediatehnologiy-na-formirovanie-mediynoyi-informatsionnoy-kultury-molodyozhi> (дата обращения: 30.10.2021).
3. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / Попова З. Д., Стерлин И. А. – Воронеж : ИСТОКИ, 2007. – 250 с.
4. Толерантность: притеснение большинства или будущее общества? – Текст: электронный // Общественное телевидение России : [сайт]. – URL: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/tolerantnost-pritesnenie-bolshinstva-ili-budushchee-obshchestva-39684.html> (дата обращения: 30.10.2021).
5. Hong Kong's YouTube migrants. – Текст: непосредственный // The Economist. – 2021. – September 25th–October 1st. – P. 33.

SUMMARY

Anastasia Vlasova. Comparison of the linguistic and cultural features of Great Britain and Russia

Cultural linguistic is branch of philology, which studies the connection between language and cultural concepts. The concept is knowledge about object from the real world. National specific of concepts shows itself in differences in the same name concepts in different cultures. The mismatches in understanding nature of tolerance in different cultures play a significant role in interpersonal communication and intercultural communication.

Key words: concept, mass media, tolerance.

Гелюх Наталья
старший преподаватель
кафедры начального образования
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский
государственный педагогический
университет»,
г. Луганск, ЛНР

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФОРМУЛ БЛАГОДАРНОСТИ В ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье проводится анализ семантической структуры единиц вербального этикета, оттенков их употребления в различных коммуникативных ситуациях, что отражается в лексикографических изданиях разного типа. Автор делает попытку сравнительного исследования формул речевого этикета, используя разноаспектную информацию словарей русского языка.

Ключевые слова: языковые словари, невербальные средства общения, вербальное выражение благодарности, национальный менталитет.

Данное исследование посвящено лингвистическим характеристикам формул благодарности в различных лексикографических изданиях. Знаки благодарности представлены во многих словарях русского языка, но описаны в разной степени полноты.

«Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля содержит немало слов и выражений, характеризующих речевое поведение русских людей, которые жили два столетия назад. Это *благодарить*, *исполать*, *спасибо* и др.

Спасибо (от *спасать*) рассматривается как народное сокращение *спаси Бог!* и поясняется с помощью синонимов *благодарю*, *благодарствую*, *награди тебя Бог*. Представлены образованные от **спасибо** глаголы **спасибить** (*поспасать*, *благодарить*, *благодарствовать*, *изъявить признательность* свою) и **спасибствовать** [7. 4 т., 288].

С позиции православия в оценке добра и зла, хорошего и плохого трактует В. Даль слово **признательный** (признающий чужие услуги, добро, благоденствия; благодарный) и **признательность** [7. 3 т., 414].

В огромном по своему объему и духовной значимости словообразовательном гнезде **благовеличие** мы находим **благодарствовать**, **благодарить** с очень весомым толкованием: «Дарить словом или делом, или желать кому благ, добра; изъявлять благодарность, признательность; объявлять себя должником за

услугу, признавать одолжение; спасибить кому, говорить спасибо»; соответственно *благодарение, благодарность, благодарительный* (один из синонимов, по Далю, *спасибный*), *благодарственный, благодарный* [7. 1 т., 92].

«Толковый словарь русского языка» Д. Ушакова [8, 457] предлагает формулы благодарности, которые перекликаются с другими словарями: СПАСИ'БО [от спаси бог]. 1. частица, кому-чему, на чем и без доп. Выражение благодарности. 2. в значении сказуемого, кому-чему. Необходимо принести благодарность кому-чему-нибудь., следует поблагодарить кого-что-нибудь (разг.). 3. в значении существительного *спасибо*, а, ср. 4. в значении вводного слова [8, 457].

Заметим, что в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакаем приводятся и более современные, а значит, и более частые в сегодняшнем общении «широкоупотребительные формы вежливого или учтвого выражения благодарности за оказанное внимание, услугу, подарок и т.п.: *Это я должен Вас благодарить; Благодарю; Благодарю вас (тебя) за...; Благодарю Вас (тебя) за то, что...* [8, 44]. Такие выражения характерны преимущественно для речи образованных людей среднего и старшего возраста. Эти формулы являются вежливым откликом на знак внимания, незначительную услугу [9, 23].

Полезная информация об ударении в этикетных словах и их формах, нормативном употреблении *благодарить кого*, а не *кому* (сравн. укр. *дякувати йому*) дана в «Словаре русского литературного словоупотребления» Л. П. Безрук и др. [5]. Наличествуют важные грамматические пометы (например, о **спасибо**: *нескл., ср.*). Интересны примеры ненормативного употребления в устной речи форм глагола *благодарить* или варианты *спасибо* (просторечн. – *И какого ж спасибо Ждать – просить могла...* М. Исаковский) [5, 234].

Составитель словаря обращает внимание на особенности в формах управления – **благодарить кого**, а не **кому**; приводит иллюстрации из произведений современных авторов, а также неправильного употребления в устной речи: *Соседи благодарили* [5, 26].

Д. Э. Розенталь в словаре-справочнике «Управление в русском языке» акцентирует внимание на падежном управлении **благодарный кому** [3, 15] и **признательный**, испытывающий признательность к о м у (устар. к к о м у).

Историческая, этимологическая информация в отдельных случаях принципиально значима для уточнения значения и употребления этикетного знака. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» Г. П. Цыганенко подробно описана история слова *спасибо*. В древнерусском языке в словосочетании *спаси богъ* оба слова срослись,

конечный слабый *ъ* утратился, вместе с ним отпал и согласный *г*. На базе сращения компонентов словосочетания и было образовано исконно русское слово *спасибо*. Произошло сращение слов *спаси* и *Бог*. *Спаси* – от *паст*и – (в значении «сохранять», «защищать»). Проверочные слова – *спас*, *Бог* (*с*- этимологическая приставка) [9, 396].

В художественных произведениях формулы речевого этикета помогают реалистически изображать социально-бытовую среду, создавать речевые характеристики персонажей, их риторические портреты, давать представление о лингвоэстетических, лингвоэтических взглядах автора (рассказчика) на культуру общения.

«Словарь лексических трудностей художественной литературы» В. И. Макарова, Н. П. Матвеевой содержит информацию о словах и выражениях, не всегда до конца понятных современному читателю, приводит примеры из классики: Благодарствовать, устар., то же, что благодарить [4, 42]; Исполать, *междометие*. Устар. Выражает восхищение: «*Исполать тебе, детинушка крестьянский сын, Что умел ты воровать, умей ответ держать*» (А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»); От греч. *eis polla ete* – *на многие лета* [4, 120].

Эпитеты позволяют детально разносторонне и одновременно выразительно охарактеризовать то или иное понятие. Проанализируем некоторые словарные статьи «Словаря эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло, связанные с речевыми этикетными формами, выражающими благодарность. В «Словаре эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло [6, 27] зафиксированы 18 эпитетов к слову «благодарность» – *безграничная, безмерная, бесконечная, большая, великая, вечная, восторженная, глубокая, горячая, душевная, живейшая* (устар.), *искренняя, незабываемая, немая, огромная, сердечная, трогательная, чувствительная* (устар.), имеются примеры из произведений русской классики (А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского).

Представленные классификации формул речевого этикета произведены по разным основаниям, прежде всего семантическим. Это объединение денотативным (благодарность, приветствие, извинение и т.п.) и коннотативным (прагматическим) значениями, наличие эмоционально-оценочной тональности.

Семантическая структура единиц вербального этикета обуславливает оттенки их употребления (общеупотребительные и ограниченного употребления, функционально-стилистические) и связи с коммуникативной ситуацией. Исследуемые знаки связаны и своей структурой, лексическим и грамматическим составом. Описаны морфологические, синтаксические и синтагматические их свойства.

Словари разных типов содержат многоаспектную информацию, которая позволяет сформулировать правила (рекомендации, запреты)

пристойного речевого поведения в целом, а не только предписания по поводу отдельных этикетных слов и выражений из активного и пассивного лексикона. Лексикографические издания предоставляют обширную и разноаспектную информацию об образовании, происхождении этикетных знаков, особенностях их правописания, произношения, употребления, в том числе в языке художественных произведений XIX-XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; Орлов. гос. ун-т / Балакай Анатолий Георгиевич. – Орел, 2002. – 40 с.
3. Розенталь, Д. Э. Пунктуация и управление в русском языке: Справочное издание \ Д. Э. Розенталь. – М. : Книга, 1988. – 543 с.
4. Словарь лексических трудностей художественной литературы / сост. : В. И. Макарова, Н. П. Матвеева. – К. : Рад. школа, 1989. – 367 с.
5. Словарь русского литературного словоупотребления / Сост.: Л. П. Безрук и др. ; Редкол.: Г. М. Ижакевич / отв. ред./ и др. – К. : Наук. думка, 1987. – 304 с.
6. Словарь эпитетов русского литературного языка / Сост. : К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л. : Наука, 1975. – 567 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. – М. : Цитадель, 1998.
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М. : ТЕРРА- Книжный клуб, 2007. – 752 с.
9. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко : Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Рад. шк., 1989. – 511 с.

SUMMARY

Natalia Gelyukh. Linguistic characteristics of gratitude formulas in lexicography (based on the material of dictionaries of the Russian language)

The article analyzes the semantic structure of verbal etiquette units, shades of their use in various communicative situations, which is reflected in lexicographic publications of various types. The author makes an attempt to make a comparative study of the formulas of speech etiquette using the diverse information of the dictionaries of the Russian language.

Key words: language dictionaries, non-verbal means of communication, verbal expression of gratitude, national mentality.

Грачёв Александр
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Лешикова Н. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 10-11 КЛАССАХ: СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ

Формирование лингвокраеведческой компетенции в преподавании русского языка – это познание национальной культуры своего народа, постижение ее самобытности, формирование одной из важнейших ценностных ориентаций – осознание значимости родного языка в жизни народа, развитие духовно-нравственного мира школьника, его национального самосознания.

Ключевые слова: лингвокраеведение, межпредметная интеграция, лингвистическая компетенция.

Современный этап развития методики преподавания русского языка характеризуется поиском эффективных путей обучения, ориентированных на усиление внимания к функциональному аспекту изучаемых явлений языка. В практике преподавания русского языка обязательны упражнения, выполнение которых направлено к действительному усвоению особенностей языка. Развитие лингвистической компетенции невозможно без прочного усвоения теоретических основ изучаемого объекта – русского языка. Многое зависит от правильного выбора того языкового материала, на примере которого изучается язык. Как известно, учебники, реализующие государственный стандарт общего образования в области русского языка, не обеспечивают региональный компонент в преподавании, в результате чего на уроках практически не используется языковой материал, отражающий специфику нашего региона. Каждый учитель в этом отношении проявляет свой индивидуальный творческий подход. Актуальность данного исследования обуславливается необходимостью увеличить образовательный и воспитательный эффект на уроках русского языка с учетом краеведческого компонента, путём использования лексики родного края (топонимы, диалектные и общеупотребительные слова города, района, села), а также краеведческие материалы (исторические факты, биографии знаменитых горловчан, произведения горловских писателей).

Целью исследования является обогащение и систематизация знаний о методическом применении лингвокраеведческого материала на уроках русского языка.

Изучив научную литературу, нами было выявлено, что краеведческая осведомленность является необходимым условием коммуникации и важна для практического овладения языковыми формами. Методисты сходятся во мнении, что именно культуроведческий, а с ним и более узконаправленный краеведческий компонент содержания обучения способствуют положительной мотивации учащихся и более осознанному овладению языком как средством коммуникации. Ученые предлагают рассматривать региональный компонент в преподавании русского языка как углубленную лингвокраеведческую работу и использовать местный языковой материал не только на уроках русского языка, но и для внеклассной работы. Ведь слова родного края близки для понимания учащихся, способствуют развитию языковой компетенции, обогащению словарного запаса. Использование материала о земляках на уроках русского языка воспитывает интерес к тому, что называется малой родиной, рассказывает о ее истории и сегодняшнем дне, что, безусловно, способствует общей гуманизации школьного образования [2, 16].

Использование на уроках русского языка текстов художественных произведений местных авторов – один из аспектов изучения лингвокраеведческого материала. Введение в уроки русского языка краеведческого материала ставит задачу рассмотрения на этих уроках особенностей употребления языковых средств, которые необходимо отбирать по принципу уместности применения художественной литературы, печатных изданий, фольклора данного края относительно ключевых параметров урока. Трудность подбора текста заключается в том, что последний должен удовлетворять многим требованиям и совмещать в себе разнообразные качества одновременно: по содержанию он должен быть понятным детям, по характеру орфограмм – соответствовать программе и разделам, он также должен включать не только орфограммы на последние изученные правила, но и слова, которые вызывали трудности у учащихся в предыдущих письменных работах, слова, в которых они допускали ошибки ранее [1, 27]. В подборе художественных текстов или относительно законченных фрагментов необходимо руководствоваться и тем, что они своим содержанием и формой организации обучения воспитывают, то есть формируют определенные свойства и черты личности человека [5, 1].

Активизация познавательной активности учащихся – одна из главных проблем на современном уровне развития педагогической теории и практики. Заинтересованность учащихся в обучении – залог эффективности образования. Понимание учащимися нового содержания – это всегда процесс смыслообразования, происходящий в сфере традиций, обычаев, ритуалов, символики, которые находят свое отражение в родном языке. Краеведение помогает учителю

осуществить комплексный подход: сочетание исторического, литературного, географического направлений. Интеграция предметов на основе краеведения – одно из направлений активных поисков новых педагогических решений, ключ к решению проблемы эффективности урока, на таком уроке легче создаются условия для формирования универсальных учебных действий.

Межпредметная интеграция с использованием краеведческого материала активизирует познавательную активность, вызывает большой интерес к истории города; происхождению фамилий, имён, названию городов, сёл, рек; углубляет лингвистическое образование школьников; совершенствует речевую культуру учащихся; развивает коммуникативные навыки общения; воспитывает нравственные и эстетические качества обучающихся. Элементы лингвокраеведческого материала выступают как важнейшее средство активизации познавательной активности учащихся на уроках. Работая над материалом лингвокраеведения и используя его на уроках, важно придерживаться определенных принципов: системность, доступность, наглядность, разнообразие материала. Местный топонимический материал можно использовать лишь в том случае, если он соответствует теме урока.

На уроках русского языка в работе с использованием художественных текстов учитываются возрастные особенности. Так как основы лингвокраеведческого воспитания закладываются в младших классах, а в средней школе развиваются, то в десятых-одиннадцатых классах уделяется особое внимание общей языковой подготовке: формированию грамотности учащихся, развитию речи. Важнейшим аспектом развития речи учащихся является обогащение словарного запаса. Лексическая работа заслуживает не меньше внимания, чем грамматико-орфографическая, потому что она нужна и для формирования речевых навыков, и для умственного развития, и для понимания многих грамматических явлений. Особое внимание уделяется подготовке материала, текстов к урокам с использованием краеведческой лексики. Лингвокраеведческая работа на уроках русского языка подразумевает целенаправленное наблюдение за особенностями использования языковых средств не только в разных стилистических проявлениях литературного языка, но и в специфическом, региональном аспекте, характеризующем языковые особенности той или иной местности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрина, Д. Ю. Лингвистическое краеведение в школе : содержание и формы работы / Д. Ю. Александрина. – Пенза, 2019 – С. 27–33.

2. Благова, Н. Г. О концепции обучения русскому языку с учетом регионального компонента (Для средней общеобразовательной школы) / Н. Г. Благова, Л. А. Коренева, О. Д. Родченко // Русский язык в школе. – 1993. – №4 – С.16–19.

3. Лешкова, Н. В. Изучение русского языка с использованием лингвокраеведческого материала: учеб.-метод. пособие / Н. В. Лешкова. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 176 с.

4. Марченя, И. А. Изучение языка на материале поэтического текста / И. А. Марченя. – Текст : электронный // Открытый урок. Первое сентября : сайт. – URL: urok.1sept.ru/articles/617968 (дата обращения: 21.10.2021).

5. Мячкова, Е. А. Аналитический отчет по теме «Использование лингвокраеведческого материала как средства развития познавательной активности обучающихся на уроках русского языка в начальной школе» – 2012. – С. 6. – Текст : электронный // https://kopilkaurokov.ru/russkiyYazik/prochee/ispolzovaniie_linghvokraieviedchieskogho_materiala_kak_sriedstva_razvitiia_poz (дата обращения: 21.10.2021).

SUMMARY

Alexander Grachov. Linguo-local history material in the russian language lessons in grades 10-11: content and forms

The formation of linguistic competence in teaching the Russian language is the knowledge of the national culture of one's people, the comprehension of its identity, the formation of one of the most important value orientations – awareness of the importance of the native language in the life of the people, the development of the spiritual and moral world of the student, his national identity.

Key words: linguo-regional studies, interdisciplinary integration, linguistic competence.

Грунистая Альбина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ КОСВЕННЫХ КВЕСИТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Проблема распознавания и интерпретации косвенных речевых актов на сегодняшний день до сих пор остается актуальной. Как известно, литература, а в особенности проза, отображает

тенденции в выборе тех или иных языковых форм. Поэтому рассмотрение косвенных квеситивов на примере современной прозы может определить общие тенденции в их формировании.

Ключевые слова: *речевой акт, косвенный речевой акт, квеситив, грамматические особенности.*

Косвенный речевой акт – это понятие, которое вошло в круг изучения лингвистов сравнительно недавно, и было введено Дж. Серлем. Чтобы точнее сформировать представление о данном понятии, стоит обратиться к теории речевых актов, направлении лингвистики, основоположником которого является Дж. Остин.

Основополагающим элементом теории речевых актов является непосредственно сам речевой акт как таковой, и он же является и объектом ее изучения. Речевой акт – это коммуникативная единица, которая может быть приравнена к предложению. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой находим следующее определение данного понятия: «Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [1, 412].

В структуре речевого акта традиционно выделяют три уровня: иллокуцию, локуцию и перлокуцию. «Локуция – одна из составляющих речевого акта, который обеспечивает его целостность вместе с иллокуцией и перлокуцией, согласно с концепцией речевых актов английского логика и философа Дж. Остина, и содержит фонетический, фатический (лексикализацию и грамматикализацию высказывания), ретический (смыслоположение и референтное соотношение) компоненты» [3, 589]. Иллокуция содержит в себе смысл речевого акта, отображая коммуникативную цель адресанта речи. Что касается перлокуции, то данный уровень речевого акта направлен на то, чтобы оказать воздействие на адресата речи, что будет способствовать достижению определенного результата, преследуемого адресатом речи.

Косвенный речевой акт является одним из видов речевого акта. Что касается структуры косвенного речевого акта, то она отличается от вышеописанной структуры лишь тем, что наряду с прямой иллокуцией, в ней также будет присутствовать и косвенная.

Как известно, косвенные речевые акты делятся на два вида, а именно имплицитные и полуимплицитные. Что касается полуимплицитных косвенных речевых актов, то в них будут присутствовать маркеры, которые и будут указывать на наличие косвенной иллокуции в речевом акте. Данные маркеры не подпадают под понятие языковой нормы, но являются отклонением от нее. К

ним могут относиться вводные слова, модальные глаголы и т.д. В случае с имплицитными косвенными речевыми актами, мы говорим о том, что в рамках одного речевого акта скрывается косвенная иллокуция совершенного иного типа речевого акта. Распознать такой косвенный речевой акт помогают экстралингвистические факторы и рассмотреть в нем наличие косвенной иллокуции вне коммуникативной ситуации не представляется возможным. Для нас интерес представляют как имплицитные, так и полуимплицитные косвенные речевые акты и делать акцент на их принадлежности к тому или иному типу мы на данном этапе не считаем необходимым.

Косвенные квеситивы являются одним из наиболее распространенных типов косвенных речевых актов в исследуемом нами материале. Поэтому мы считаем актуальным рассмотреть особенности построения данных типов речевых актов на примере двух произведений современной прозы, а именно романов Марии Метлицкой «В тихом городке у моря» и Фионы Бартон «Вдова». Первый роман относится к русскоязычной прозе, в то время как второй является англоязычным и рассматривается нами в оригинале. Это дает возможность выделить общие и частные тенденции в построении косвенных квеситивов в английском и русском языках.

На основе анализируемого нами материала, мы можем выделить следующие общие тенденции в построении косвенных квеситивов.

Прежде всего стоит отметить тот факт, что в построении рассмотренных нами косвенных квеситивов прослеживается тенденция к использованию вопросительного местоимения «что» в русском языке, которое может быть приравнено к наиболее часто встречающемуся вопросительному слову «what» в англоязычном материале. Например:

«**Что** за чушь, господи?» [2, 82];

«**Что** именно мне удобно?» [2, 189];

«**What** do you think we'll find on it?» [4, 117];

«**What** kind of a man do you think I am?» [4, 69].

Также в романе М. Метлицкой просматривается употребление вопросительной частицы «неужели», местоимения «это» и вопросительного наречия «как» при построении косвенных квеситивов. В то же время в романе Ф. Бартон кроме «what» наблюдается использование вопросительных слов «why» и «how». Стоит также отметить, что в романе Фионы Бартон «Вдова» наиболее употребляемым типом косвенного квеситива является специальный вопрос. Менее распространены общие вопросы и наиболее редко встречаются разделительные вопросы. Например:

«**Неужели** вы сами себе безразличны?» [2, 188];

«**How** do you know?» [4, 117];

«*Why did no one see you return the van if you were back so quickly?*» [4, 68].

В романе Фионы Бартон «Вдова» прослеживается тенденция к употреблению таких глаголов как «know», «like», «get», «see». В то же время в романе Марии Метлицкой определенной тенденции к использованию отдельных глаголов выявить не удалось. Используемые в рамках косвенных квеситивов глаголы, тем не менее имеют отличительную грамматическую черту: большинство из них принадлежат к глаголам несовершенного вида. Например:

«*Who doesn't like children?*» [4, 68];

«*Ты в состоянии его **содержать**?*» [2, 225].

Относительно употребления местоимений можно проследить тенденцию к употреблению местоимений второго лица. Мы считаем нецелесообразным рассматривать отдельно единственное и множественное число данной группы местоимений по той причине, что различие в выборе местоимения единственного или множественного числа второго лица практически всегда ситуативно обусловлено, а также объясняется разницей социальных статусов адресанта и адресата речи. Данная тенденция в употреблении местоимений прослеживается как в русскоязычном романе Марии Метлицкой «В тихом городке у моря», так и в романе Фионы Бартон «Вдова», и является вполне оправданной и ожидаемой.

Что касается использования модальных глаголов, которые призваны выполнять функцию маркеров наличия косвенной иллюкуции в рамках косвенных речевых актов, то наиболее распространенным в анализируемом нами англоязычном материале является модальный глагол «could». Реже встречаются модальные глаголы «should» и «shall». Например:

«*So if I did the journey you've described, my mileage **should** be the same as yours?*» [4, 68].

Таким образом, мы можем заключить, что в анализируемом нами материале, как в рамках русскоязычного текста романа Марии Метлицкой «В тихом городке у моря», так и в англоязычном тексте романа Фионы Бартон «Вдова», просматриваются одинаковые черты в построении косвенных квеситивов. К ним можно отнести выбор в пользу вопросительного местоимения «что», которое тождественно английскому вопросительному слову «what» и местоимений второго лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. Метлицкая, М. В тихом городке у моря / Мария Метлицкая. – Москва : Эксмо, 2018. – 416 с.

3. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2010. – 844 с.

4. Barton, F. The Widow / F. Barton. – Transworld Publishers, 2016. – 222 p. – Текст : электронный. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/triller/50422-fiona-barton-the-widow.html> (дата обращения: 22.11.2021).

SUMMARY

Albina Grunistaya. Features of the construction of indirect quesitives in modern prose

The problem of the recognition and interpretation of indirect speech acts is still topical today. As is known, literature, especially prose, displays tendencies in the choice of particular language forms. Therefore, consideration of indirect quesitives using the example of contemporary prose will help to identify the general trends in their formation.

Key words: speech act, indirect speech act, quesitive, grammatical features.

Демченко Наталья

Научный руководитель –

д. филол. н., доц. Соснина Л. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ЖАНРОВ РЕЧИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ

Речевая агрессия вызывает особый интерес у исследователей. В данной работе были рассмотрены конфликтогенные жанры речи как проявление агрессии в интернет-комментарии. Поскольку вопрос здоровья на сегодняшний день стоит особенно остро, именно комментарии в информационных каналах о здоровье стали материалом для определения самых частых речевых жанров с конфликтогенным компонентом.

Ключевые слова: конфликтогены, речевой жанр, речевая агрессия, интернет-коммуникация, интернет-комментарий.

В настоящее время Интернет является наиболее эффективным каналом передачи информации, в частности, он также является инструментом негативного взаимодействия. Главной причиной нарушения гармоничного взаимодействия в обществе является конфликт, под которым подразумевается противостояние, противодействие. Конфликт проявляет себя в противоборстве сторон, которые сознательно

действуют в ущерб друг другу. В целом, конфликт как естественное явление может носить положительные и отрицательные стороны. Стоит отметить, что отрицательные последствия конфликтов могут носить разрушительный характер, так, в крайней форме он может стать причиной моральных и физических травм.

Известно, что предотвращение любой проблемы, как правило, легче, чем путь ее устранения. В связи с этим возникает необходимость изучения речевых конфликтов и конфликтных ситуаций с целью распознавания их на ранних этапах.

Основной целью данного исследования является выявление специфики проявления конфликтогенных речевых жанров в рамках одного из инструментов интернет-коммуникации – интернет-комментария.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи: проследить особенности конфликтогенных речевых жанров, выявить наиболее часто встречающиеся жанры речи с конфликтогенным компонентом в интернет-комментарии, направленном на контент, затрагивающий вопросы здоровья.

Материалом для исследования послужили интернет-комментарии, отражающие реакции на контент, освещающий вопросы здоровья, а также взаимодействие с другими участниками коммуникации в рамках сайтов, содержащих информацию о здоровом образе жизни, советы о поддержке здоровья и т.д.

Для обозначения явлений, обладающих «потенциальной энергией» конфликта, исследователи в области психологии ввели термин «конфликтоген» и «конфликтогенный» (обладающий свойством конфликтогенности). Так, конфликтоген – это какое-либо действие или его отсутствие, которое способно привести к конфликту [3, 45].

По мнению Н.Д. Голева, в языке изначально заложена «склонность» к возникновению речевых конфликтов. Исследователь называет это явление конфликтной природой естественного языка. Причиной конфликтности Н.Д. Голев называет возникновение множественности интерпретаций, которые неизбежно возникают при восприятии высказывания реципиентом. В связи с данным явлением возникает ситуация, когда адресат сказал нечто, вкладывая определенный смысл, а адресат интерпретировал высказывание в субъективном ключе, приписывая фразе дополнительный смысл [1, 302–305].

В.В. Дементьев считает, что в коммуникации могут быть выделены фатические речевые жанры, которые призваны улучшать или ухудшать межличностные отношения. Ввиду нашего исследования, нас интересуют те, которые провоцируют конфликт. Согласно его классификации, такие речевые жанры проявляются в прямой форме (оскорбления, прямые обвинения, ссоры) и косвенной (ирония, издевка, розыгрыш) [2, 38].

В свою очередь, К.Ф. Седов отмечает, что есть необходимость теоретически разграничить одноактные жанры или субжанры, существующие самостоятельно, а также те жанровые формы, которые могут быть определены как агрессивные тактики. Так, исследователь выделяет 14 субжанров, которые также могут быть тактиками жанра «ссора»: инвектива, угроза, проклятье, злопожелание, отсыл, грубое прерывание коммуникативного контакта, констатация некомпетентности, возмущение, обвинение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, агрессивное молчание. [4, 96]. Однако, не все перечисленные субжанры отражаются в интернет-комментарии. Так, например, чаще всего можно наблюдать проявление инвективы, угрозы, проклятия, злопожелания, констатации некомпетентности, возмущения, обвинения, упрека, колкости и насмешки.

Исходя из сложившейся ситуации за последние несколько лет, общество стало уделять большее внимание своему здоровью, и, как следствие, возрос интерес к различным интернет-публикациям (видео, статья, блогам), направленных на освещение важных вопросов поддержания здоровья, комментариев врачей относительно различных витаминов, здорового питания и т.д.

В интернет-комментариях, реакциях реципиентов на подобные видео и блоги о здоровье чаще всего проявляются такие конфликтогенные речевые жанры, как констатация некомпетентности (*«А как быть с исследованиями, которые пишут о том, что витамин Д уже не витамин, приравнен к прогормонам?»*, *«Ох, как интересно! Особенно противоестественной кажется рекомендация не мыть мясо..»*, *«В смысле кандидоз несуществующий диагноз? Мне аллерголог в поликлинике поставил на основании анализа крови»* [6]), колкость (*«Слегка умучили уже пропагандисты отказа от молочных продуктов под лозунгом «молочка вызывает воспаления в организме» Можете дать конкретное направление, куда таких посылать образовываться?»*, *«Какие безобразные манеры: руки постоянно в движении мелькают! бесит»*, *«Меня всегда напрягали люди, которые со знанием дела что-то задвигают и нет у них ни капли сомнения в том, что они говорят»* [5, 6, 8]), упрек (*«Всегда все доктора, профессора говорят, что географический язык-знак того, что с желудком что-то не так, а не с печенью»*, *«Невооружённым взглядом не говорят, невооружённым глазом.»* [8]), обвинение (*«Почти все сказанное – ложные и параноидальные фантазии автора! Например, «мешки» под глазами (показатель работы почек) это следствие не дефицита белка, а его избыток»*, *«Отеки это совсем не то, что вы сказали. Отеки это проблемы с сердечно сосудистой системой и почками. Вы шарлатанка и говорите бред»* [8]), насмешка (*«все вокруг делают бизнес, кроме его клиник, печаль*

какая», «эх, люблю я этих толстых диетологов. сразу видно человек знает, о чем говорит» [5]).

Стоит отметить, что проявление угроз, проклятий и злопожеланий в таких комментариях, как правило, не встречается. Однако, изучая комментарии на спортивных и политических форумах, новостных и бизнес каналах, а также информационных платформах в области искусства, мы заметили, что часто оставляются более грубые комментарии. Таким образом, перспектива дальнейших исследований может лежать в анализе речевых жанров с конфликтогенным компонентом в комментариях иных тематических информационных каналов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев, Н. Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений (на материале русских игровых текстов) / Н. Д. Голев // Бытие в языке : сб. науч. тр. к 80-летию В. И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т. Г. Кучиной. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 299–315.
2. Дементьев, В. В. Фатические речевые жанры / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1999. – С. 37–55.
3. Емельянов, С. М. Практикум по конфликтологии / С. М. Емельянов. – СПб : Питер, 2009. – 384 с.
4. Седов, К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Юрислингвистика-6 : инвективное и манипулятивное функционирование языка : межвуз. сб. науч. ст. / М-во образования Рос. Федерации ; Лаб. юрислингвистики и развития речи Алт. гос. ун-та ; Ассоц. лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» ; отв. ред. Н. Д. Голев. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 89–105.

Список иллюстративных материалов

1. Алексей Ковальков_вся правда о калориях, детоксе, зеленом кофе и 18_00 _ А поговорить. – Текст : электронный // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2rBTQXAOU-A> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Блог Елены Мотовой, врача-диетолога (@ dietologymotova). – Текст : электронный. – URL: <https://www.instagram.com/dietologymotova> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Блог Левадной Анны_ПЕДИАТР_ANNAMAMA (@doctor_annamama). – Текст : электронный. – URL: https://www.instagram.com/doctor_annamama (дата обращения: 15.10.2021).
4. Внешний вид и здоровье _ Как узнать о болезни по внешним признакам. – Текст : электронный. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ztrt7Y1E7-s> (дата обращения: 12.10.2021).

SUMMARY

Natalia Demchenko. Features of conflictogenic genres of speech in internet commentary

Verbal aggression is of particular interest to researchers. Thus, conflictogenic genres of speech as a manifestation of aggression in Internet commentary have been considered. Since the issue of health today is especially acute, the commentaries in information channels about health have become the material for identifying the most common genres of speech with a conflict-generating component.

Key words: conflictogenes, genre of speech, verbal aggression, Internet communications, Internet commentary.

Дмитриева Юлия

*к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания
и славянских языков*

*ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

«ТОТ» И «ЭТОТ» СВЕТ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА С. ЕСЕНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «МАРФА ПОСАДНИЦА»)

В статье дается определение пространству, приводятся основные дефиниционные модели данного феномена. Автор рассматривает две плоскости восприятия пространства – горизонтальную (в основе параметр «ближний – дальний») и вертикальную (доминантный параметр «верх – низ»). В работе анализируются вербальные знаки, эксплицирующие в произведении С. Есенина «Марфа Посадница» вертикально ориентированную пространственную модель мира. В рамках данной модели пространство членится на «тот» свет и «этот».

Ключевые слова: пространство, горизонтальная плоскость, вертикальная плоскость, параметр, модель мира.

В современных лингвистических исследованиях пространство определяется по нескольким дефиниционным моделям. Так, одной из распространенных является модель «пространство-категория» (см. работы Н.С. Болотновой, Т.В. Матвеевой, А.П. Боярова, М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирского, Ф.Г. Гусейнова, А.И. Даниленко, Т.П. Засухиной, Л.И. Ивановой, М.В. Игнатъевой, Ю.Г. Мартиросян, М.Н. Мурзина, О.А. Радутной, Д.В. Уткина, С.Т. Саевич и др.). Данная модель репрезентирована и в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (см.

[7, 304]). Ряд отечественных лингвистов (в их числе М.В. Осыка, О.А. Радчук, З.А. Мельничук, Т.С. Медведева, Л.К. Хертек, Н.А. Ветрова, А.М. Мухачева и др.) в своих исследованиях использует дефиниционную модель «пространство–концепт». Наконец, в работах Н.Б. Коринной, Е.С. Яковлевой и др. репрезентирована модель «пространство–компонент/фрагмент русской языковой картины мира». Мы рассматриваем пространство как модель мира, параметры которой задаются человеком как тем, кто воспринимает и интерпретирует получаемую информацию о внешнем мире.

Исследуя категорию антропоцентричности и коды культуры, В.В. Красных (см. [5, 300–301]), И.В. Захаренко (см. [4, 29]) выделяют несколько плоскостей восприятия пространства. Характерной для русской лингвокультуры исследователи считают горизонтальную плоскость. К аналогичным выводам приходит Е.С. Яковлева, анализируя особенности функционирования наречий с пространственной семантикой. Однако в число традиционных для русской лингвокультуры авторы издания «Славянские древности» включают параметр «верх–низ» [7, 304]. Актуальность данной работы обуславливает необходимость выявления и описание средств экспликации вертикальной плоскости моделирования пространственной модели мира.

Цель статьи – описание средств объективации «того» и «этого» света, т.е. вертикальной плоскости восприятия пространства, в произведении С. Есенина «Марфа Посадница».

В значении лексемы *пространство* зафиксированы основные когнитивные признаки данного феномена: «объем», «протяженность», «вместимость». В произведении С. Есенина «Марфа Посадница» данные признаки реализованы в пространственной модели мира как горизонтально (в основе параметр «ближний – дальний»), так и вертикально (в основе параметр «верх – низ») ориентированной. Вертикальная плоскость восприятия, согласно материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности», связана не только с восприятием зримого пространства, но и с его делением на земное и космическое (см. [7, 304–305]), а также категоризацией на «свое» и «чужое».

Так, «своим» является «этот» свет, «чужим» – «тот». Ср.: «В любом варианте устройства мирового пространства выделяется земля как место жизни людей и потустороннее пространство как место обитания душ умерших, святых и мифологических существ. В более поздней картине мира, сложившейся под влиянием христианства, «тот свет» подразделяется на рай как место загробного пребывания праведников и высших сакральных сил и ад как место пребывания грешников и демонов» [7, 305].

В «Марфе Посаднице» «этот» свет выражен языковыми средствами, с помощью которых автор называет пространственные

объекты, воспринимаемые в горизонтальной плоскости. Ср.: *Раскололся языками колокол на вече* [3, 7]; *Что нам Московия – как поставник блинный!* [Там же]; *Марфа на крылечко праву ножку кинула* [Там же, 8]; *Новгород мне вольный ног не лобызает!* [Там же]; *На соборах Кремля колокола заплакали, / Собирались стрельцы из дальних слобод* [Там же, с. 9]; *Кто-то воротится невредим в дом?* [Там же] и т.д. Так, лексемы *вече* употребляется для номинирования как «народного собрания для решения общественных дел» [2], так и «места такого собрания» [Там же]. Вербальные знаки *собор*, *слобода*, *Кремль*, *дом* называют конкретные строения или населенные пункты. Ср.: «Собор – главная или большая церковь в городе» [2]; «Слобода – в России 11 – 17 вв.: поселок или городской квартал на государственной или частновладельческой земле, жители которого пользовались временными льготами в уплате налогов и отбывании других повинностей» [Там же]; «Кремль –внутренняя городская крепость в старинных русских городах» [Там же]; «Дом – место, где живут люди, объединенные общими условиями существования, общими интересами и т.п.» [Там же]. Имена собственные *Новгород* и *Московия* используются для обозначения конкретных крупных населенных пунктов, центров торговли, культуры и т.п.

«Тот» свет объективирован в произведении вербальными знаками, номинирующими жителей анализируемого пространства, а также лексемами, указывающими на «тот» свет, называющими его атрибуты. Ср.: *Услыхали ангелы голос человеческий, / Отворили наскоро окна-ставни горние* [3, 7]; *Царь московский антихриста вызывает* [Там же, с. 8]; *Вылез из запечья сатана гадюкой, / В пучеглазых бельмах исчаждье ада* [Там же]; *В зарукавнике Марфа Богу молилась* [Там же, 10]; *Приносили голуби от Бога письмо, / Золотыми письменами рубленное* [Там же].

В приведенных примерах имена существительные *ангел*, *Бог*, *антихрист*, *сатана* эксплицируют представления о существах, населяющих «тот» мир. Ср.: «Ангел – в иудейской, христианской и мусульманской мифологии: сверхестественное бесплотное существо, посланец Бога, покровительствующий человеку (изображается обычно в виде крылатого юноши)» [2]; «Бог – по религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имен: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трех лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)» [Там же]; «Антихрист – в христианском вероучении: главный противник Христа, который должен явиться для последней борьбы перед концом света и вторым пришествием Христа» [Там же]; «Сатана – по религиозным представлениям: глава злых духов, воплощение злого начала; властелин ада, дьявол, черт» [Там же]. Кроме того, указанием на

вертикально ориентированную пространственную модель мира является и использование лексемы *горний*, т.е. «находящийся, происходящий в вышине; небесный (противоп.: дольний, земной)» [Там же].

Отметим, что в произведении «Марфа Посадница» репрезентировано деление «того» света на рай и ад. Также в тексте актуализировано представление на связи «того» и «этого» пространства. Границы между земным («этим») пространством и раем (частью «того» света) стираются или становятся преодолимы при использовании человеком молитвы, т.е. «установленного текста, произносимого верующим при обращении к Богу, к святым, а также при религиозных обрядах» [2]. В строках *Услыхали ангелы голос человечесий, / Отворили наскоро окна-ставни горние* [3, 7] приложение *окна-ставни* выражает представление о границе между небесным и земным пространствами. Ср.: «Окно – просвет, отверстие в чем-либо» [2]; «Ставень – дощатая или металлическая створка для прикрытия окна» [Там же]. Предикат *отворили* указывает на возможность преодоления границы.

Связь двух миров возможна и с помощью голубя. В русской лингвокультуре данная птица рассматривается как «чистая, святая. Божья птица (подобно ласточке, жаворонку, соловью, аисту и др.)» [6, 515]. Во многих культурах голубь символизировал миролюбие и любовь, содержался при храмах богов и считался их слугой (подробнее см. в [1, 57–58]). Так, в Библии голубь является вестником Бога о конце всемирного потопа. Кроме того, он считается символом (воплощение) Святого Духа. Славяне противопоставляли голубя хищным (или «черным») птицам, а также определенным животным. В русской лингвокультуре он выступает символом добра и кротости. Такое представление, согласно данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», восходит к христианской традиции. Актуализировано оно и в произведении С. Есенина «Марфа Посадница»: *За окошко она наклонилась, / Голубей к себе на колени сзывала. // «Уж вы, голуби, слуги Боговы, / Солетайте-ко в райский терем, / Вертайтесь в земное логово, / Стучитесь к новоградским дверям!»* [3, 10]. В приведенном примере описывается как особое положение голубя, который является *слугой Бога*, так и его способность проникать на «тот» свет (сочетание *райский терем*) и возвращаться на «этот» (словосочетания *земное логово, новоградские двери*).

В произведении «тот» свет включает также ад. С этим пространством, как показано в поэме, связь может осуществляться и непосредственно. Представители данного локуса, воспринимаемого человеком как «чужое», могут переходить границу и действовать

в земном, «этом» мире. Ср.: *Царь московский антихриста вызывает: / «Ой, Виельзевуле, горе мое, горе, / Новгород мне вольный ног не лобызает!» // Вылез из запечья сатана гадюкой, / В пучеглазых бельмах исчадьё ада* [3, 8]. В данном примере проиллюстрирован как способ аналогичный молитве, а именно: вербальное обращение к представителям потустороннего пространства (предикат *вызывать*); так и проникновение в «этот» свет сатаны (сочетание *вылез из запечья гадюкой*).

Следовательно, пространственная модель мира строится по параметрам в соответствии с плоскостью восприятия. Традиционной для русской лингвокультуры, согласно концепциям отечественных исследователей, является горизонтально ориентированная пространственная модель мира, которая строится на основе параметра «ближний – дальний». Однако в произведении «Марфа Посадница» С. Есенина эксплицировано представление как о традиционно ориентированной пространственной модели, так и о моделировании пространственной модели мира с доминирующим параметром «верх – низ». В тексте пространство членится на «этот» и «тот» свет. Последний в соответствии с христианскими представлениями делится на два локуса – рай и ад. В поэме актуализированы представления об «этом» (вербальные знаки *крылечко, дом, вече, собор, Кремль, Новгород, Московия*) и «том», райском (слова и сочетания *ангел, бог, окна-ставни горние, райский терем*) и адском (*сатана, антихрист, Виельзевул, исчадьё ада*), пространстве. Причем описываемые пространственные зоны не изолированы, они связаны и соотносимы друг с другом. Связь осуществляется либо посредством вербальной формулы (*молитва, вызывать*), либо с помощью существа, принадлежащего к обоим мирам (голубя), либо непосредственно (проникновение в земной мир сатаны). Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов: Пер с нем. / Г. Бидерманн; Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И. С. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – Текст : электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 28.10.2021)
3. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: в 7-ми томах. Т. 2: Стихотворения (маленькие поэмы) / С. А. Есенин; Подготовка текста и коммент. С. И. Субботина. – М. : Наука-Голос, 1997. – 464 с.

4. Захаренко, И. В. Архетипическая оппозиция «свой-чужой» в пространственном коде культуры / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. – М. : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 15–31.

5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

6. Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 1 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики ; Т. А. Агапкина [и др.] ; под ред. Н. И. Толстого; [Авт. предисл. Н. И. и С. М. Толстые]. – М. : Междунар. отношения, 1995. – 577 с.

7. Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики ; Т. А. Агапкина [и др.] ; под ред. Н. И. Толстого ; [Авт. предисл. Н. И. и С. М. Толстые]. – М. : Международные отношения, 2009. – 656 с.

SUMMARY

Julia Dmutrieva. “That” and “this” light in the spatial model of the world by S. Yesenin (on the material of the work “Marfa Posadnitsa”)

The article gives a definition of space, provides the main definitional models of this phenomenon. The author examines two planes of space perception – horizontal (based on the “near – far” parameter) and vertical (dominant “up – down” parameter). The article analyzes the verbal signs that explicate the vertically oriented spatial model of the world in the work of S. Yesenin “Martha Posadnitsa”. Within the framework of this model, space is divided into “that” light and “this”.

Key words: space, horizontal plane, vertical plane, parameter, world model.

Захарова Ярослава

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5-9 КЛАССАХ

Использование интерактивных технологий в процессе обучения русскому языку вызвано потребностью улучшения современной образовательной системы. Интерактивные методы обучения предоставляют решение образовательных задач в разных аспектах. При правильном использовании интерактивных технологий

осуществляется самостоятельность процесса обучения и более глубокое усвоение знаний. Интерактивные технологии на уроках русского языка способствуют повышению уровня процесса обучения.

Ключевые слова: *интерактивные методы, технологии интерактивного обучения.*

Современные изменения в мире повлияли на возникновение необходимости разработки новых методов и подходов к обучению и воспитанию молодого поколения, внедрения и реализации новых государственных стандартов.

Большой интерес к активным и интерактивным технологиям обучения, прежде всего вызван необходимостью улучшения современной дидактической системы. Сделать это возможно с помощью креативной работы учителя. Активные и интерактивные методы обучения включают в педагогический процесс новые для школы равноправные отношения учителя и учащихся.

Основная идея интерактивной методики – это активизация учебной деятельности через систему развивающего обучения, взаимодействие с учителем и разные стили общения в коллективе. Такой комплекс методов направлен не только на решение образовательных задач, но и создание важных для личности качеств, его умения общаться.

Интерактивные технологии обучения важны для выстраивания процесса обучения как диалог учащегося и учителя, диалог с учебником, текстом, самим собой в рамках изучения учебного материала. В ходе данного обучения учащиеся не являются теперь пассивными слушателями. Они активно ведут диалоги между собой, задают вопросы педагогу, предлагают свои методы решения проблем. Такие уроки подразумевают построение темы и решение задач в форме совместного обсуждения. Роль учителя всё также остаётся главной. Важной отличительной особенностью таких технологий является их возможность создать в ходе учебного процесса самостоятельную познавательную деятельность учащихся.

Суть интерактивного обучения заключается в том, что учебный процесс сформирован таким образом, что практически все учащиеся находятся вовлеченными в процесс познания, они понимают материал и могут обмениваться мнениями и предложениями по поводу того, что они знают и думают. Общая деятельность учащихся в процессе познания, изучение учебного материала говорит о том, что каждый учащийся вносит свой личный вклад, происходит обмен знаниями, идеями. Обмен должен осуществляться в атмосфере добра и взаимной поддержки, это оказывает влияние на освоение новых знаний и развитие познавательной деятельности, переводит ее на более высокие формы сотрудничества.

Технология интерактивного обучения русскому языку учащихся в средних классах опирается на принцип глобальности в подаче материала, концентричности его предъявления и обработки по формуле «синтез-анализ-синтез». Обучение русскому языку с применением интерактивных технологий строится на взаимодействии учащегося с учебным окружением, в том числе со сверстниками, носителями русского языка, окружающей языковой средой, которая служит областью осваиваемого опыта. Опыт ученика, его способность к усвоению знаний, умений, навыков в сфере русского языка являются основными источниками учебного познания.

Как известно, изучение русского языка в школе основывается на 3 основных задачах: 1) дать учащимся знания по русскому языку и умение использовать их на практике, 2) развивать навыки, мышление, творческие умения учащихся и их способности, 3) оспитывать национально сознательную личность. Результатом этих целей является заинтересованность предметом, а также мотивация учащихся к изучению русского языка.

Насегодняшний момент мире получить достойный уровень усвоения знаний на уроках русского языка можно благодаря использованию интерактивных технологий обучения. Интерактивное обучение имеет в своей структуре то количество технологий, которые применяют учителя на уроках с учётом возрастных особенностей учащихся.

На данный момент в методике преподавания русского языка учителя-словесники активно применяют в своей практике технологию образовательной квест-игры, которая подразумевает под собой «проблемное задание с элементами ролевой игры» [3, 40], для выполнения которого используются информационные ресурсы сети Интернет или помощь взрослых-наставников.

Форма квеста понимает такое изменение игр, которое требует от учащегося решения поставленных умственных задач и упражнений для продвижения по сюжету. Сюжет может быть предначертанным и запрограммированным или же предоставляющим «множество результатов и выходов, выбор которых зависит от действий игрока» [1, 70].

Преподаватели на уроках русского языка в 5-6 классах часто обращаются к лингвистическим играм с целью повышения познавательной деятельности учащихся. Такие игры способствуют развитию внимания, инициативности, умению делать правильные выводы и находить пути решения проблем.

Осуществить повышение познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка можно благодаря следующим интерактивным технологиям обучения: кроссворд, викторина, аукцион, языковой конкурс, лингвистическая загадка, лингвистическая задача: «*Ступени*», «*Перекресток*», ребус, «*Ты-редактор*», «*Излишки*», «*Верю – не верю*», «*Сортировка*», «*Самый*

умный», «Языковая дуэль», «Последнее слово – за тобой», «Кто быстрее», «Лингвистическая эстафета».

Интерактивные технологии обучения развивают коммуникабельность, хорошую мотивацию, поднимают командный дух, помогают научиться отстаивать свою позицию в грамотном споре. Все эти навыки приобретаются с применением таких интерактивных методов как «мозговая атака», «дискуссии», «дебаты», «дидактические игры», «исследовательская деятельность». Данные интерактивные технологии пользуются большой популярностью в проведении уроков в 7-9 классах. Учащиеся не только усваивают новый учебный материал, но и формируют дружный коллектив.

Рассматриваемые технологии обучения в структуре урока используются в различных вариантах:

1. На этапе актуализаций знаний применяют методы: парный, групповой или фронтальный «Мозговой штурм», в ходе проверки домашней творческой работы применяются такие технологии, как кластеры, синквейны, «Восточный стих», игра «Крючок».

2. Этап изучения нового материала может состоять из большого количества интерактивных технологий, например: опорный конспект, различные формы дискуссий, «Аквариум».

3. Физминутка: «Пантомима», «Роботы», «Четыре стихии», «Делай как я»

4. На этапе закрепления изученного материала используют синквейн. Данная интерактивная технология помогает при изучении частей речи, при работе с синонимами, а также является хорошим помощником в обогащении словарного запаса учащихся.

5. Этап рефлексия в своей структуре может иметь такие технологии, как хокку, сказка, незаконченное предложение, мини-сочинение, юмористический рассказ, эссе, глоссарий. Все эти технологии помогают необычно подвести итоги урока и завершить его.

При оценке результатов обучения с применением интерактивных технологий учитывают самооценку участника групповой работы, работу в группе, свободу мышления, коммуникацию учащихся в учебном диалоге, овладение культурными формами работы.

Владение интерактивными технологиями и верное их использование на уроках русского языка, несомненно, будет помогать развитию у учащихся качеств, отвечающих процессам, происходящим сегодня в жизни, и требованиям, прописанным в государственных стандартах нового поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Г. В. Современные технологии обучения : методическое пособие по использованию интерактивных

методов в обучении / под ред. Г. В. Борисовой, Т. Ю. Аветовой и Л. Ю. Косовой. – Спб., 2002. – 79 с.

2. Гузеев, В. В. Технологии XXI века : деятельность, ценности, успех / В. В. Гузеев. – М. : Центр «Педагогический поиск», 2004. – 200 с.

3. Заграничная, Н. А. Проектно-исследовательская деятельность в школе : учимся работать индивидуально и в команде : учеб.-метод. пособие / И. Г. Добротина. – М. : Интеллект-Центр, 2013. – 135 с.

SUMMARY

Yaroslava Zakharova. Interactive technologies in the process of learning russian in grades 5-9

The use of interactive technologies in the process of teaching the Russian language is caused by the need to improve the modern educational system. Interactive teaching methods provide solutions to educational problems in various aspects. With the correct use of interactive technologies, the independence of the learning process and a deeper assimilation of knowledge are realized. Interactive technologies in Russian language lessons contribute to improving the level of the learning process.

Key words: interactive methods, interactive learning technologies.

Ивахненко Мария

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жарикова О. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. АКСЁНОВА

В статье рассматривается поэтический аспект творчества В. Аксёнова. Доказывается, что произведения В. Аксёнова ищут разные формы проявления и находят их в поэзии. Поэзию сам писатель рассматривает как продолжение прозы. Стихи являются неотъемлемой частью и отличительной особенностью прозы В. Аксёнова.

Ключевые слова: *стихотворение, прозаическое произведение, ритмическая проза, проза постмодернизма.*

Многие крупные писатели отдали дань стихосложению, и можно отметить, что писатель-прозаик без определённого опыта в поэзии многословен. Нам представляется перспективным затронуть поэтический

аспект творчества В. Аксёнова-прозаика и рассмотреть стихотворения как неотъемлемую составляющую его прозы, ведь некоторая ритмизация прозы была характерна ещё для раннего творчества писателя.

Поэтизация прозаического текста (например, ритмизация прозы) обусловлена внутренним смыслом текста и определённой эстетической авторской установкой, его эмоциональной и мировоззренческой сущностью. Н. Валгина считает, что поэтичность в прозаическом тексте создаётся с помощью разных приёмов, например, образностью, рождённой столкновением реального и ирреального; приёмом недоговоренности; сочетанием прямого и переносного в значениях речевых единиц. Поэтичность обнаруживается в самом способе построения текста [4, 188]. В. Аксёнов уверен: «Современный роман в том смысле, как я его понимаю, обладает более поэтической тканью, чем поэзия» [2, 179]. Проникновение в прозу поэзии, внутренней поэзии часто не лишне и вызывает в читателе эстетическое удовольствие. Ритмическая проза, близкая к стиху именно по метрическим признакам, так называемая «прозопоэзия» (М. Бахтин, А. Соколов, П. Свечин, С. Коваленко) – соединение в художественном целом поэзии и прозы, их взаимопроникновение – неотъемлемые составляющие творчества В. Аксёнова. Поэтому Ю. Орлицкий и называет его ритмическую прозу «прозиметрией» [6, 544]. Исследователь считает одной из предпосылок обращения писателя к прозиметрии, наряду с неоавангардистскими поисками необычной формы, активное вторжение в его прозу лирического начала, очевидное ещё в ранних аксёновских повестях, сразу же обративших на себя внимание особой доверительностью тона. Затем В. Аксёнов перешёл и к другим вариантам стихового оснащения своей прозы, используя их вполне осознанно и целенаправленно – как для выделения особо эмоциональных фрагментов текста, так и для иронического, игрового курсива, наряду с собственно стихотворными вставками в прозаическое целое. Поэтические фрагменты дополняют прозаический текст и одновременно насыщают его эмоциональностью. Произведения В. Аксёнова, будь то рассказ, повесть или роман, ищут разные формы проявления и находят их в поэзии, но это не проза в стихах – это стихи внутри прозы. Писателю тесно в пространстве прозы, поэтому он раздвигает его и активно вплетает в своё повествование стихотворения собственного сочинения. Иногда стихи являются неотъемлемой частью повествования, дополняя и украшая его («Затоваренная бочкотара», «В поисках жанра», «Ожог», «Московская сага», «Вольтерьянцы и вольтерьянки», «Москва Ква-Ква», «Редкие земли»), а иногда – просто отвлечёнными сюжетами, казалось бы, совсем не связанными с главным повествованием («Коллеги», «Звёздный билет», «Рандеву», «Золотая наша железка»).

Игра со стихом и прозой (переход прозы неметрической в метрическую) прослеживается ещё в «детских» повестях В. Аксёнова «Мой дедушка – памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит», написанных в середине 1970-х. В самой первой версии «Коллег» каждую главу предваряло стихотворение из трёх и более строф, но при редактировании они безвозвратно пропали. Осталось только одно стихотворение, «В столовке», написанное автором для однокурсницы, которое он и подарил главному герою Максиму. Далее В. Аксёнов попробовал свои силы в искусстве стихосложения в романе «Звёздный билет», вложив стихи в уста молодого интеллектуала Алика Крамера. В рассказе «Рандеву» сначала Лёва Малахитов, а затем и все его друзья и гости распевают куплеты в стиле бурлеска. В сюрреалистической повести «Затоваренная бочкотара» лирические отступления – многочисленные сны героев – ещё не стихи как таковые, но уже и не проза. В романе «Ожог» наряду с прозой сосуществует «довольно много различных верлибров, ритмических глоссалей, разных снов, летних и лётных, девичьих плачей, ритмических прогулок, лимериков, хмельных напевов, звуковых шквалов и даже одна “Песня протеста советской молодёжи”» [3, 482]. Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки», имеющий подзаголовок «старинный роман», мастерски стилизован автором под старину. Автор вкладывает свои поэтические строки в уста многих героев романа: здесь есть и переводы стихов и экспромтов Вольтера; и стихи прусского короля; и песенка, пропетая государыней. Время от времени стихами говорят все главные герои романа: Никола и Мишель, барон Фон-Фигин, мэтр Вольтер, генерал Афиомский.

Анализируя творчество писателя, можно заметить, что хотя бы один герой его произведений или по профессии, или по призванию, так сказать, в душе – поэт. Вот и герой романа «Москва Ква-Ква» Кирилл Смелчаков – поэт, многократный лауреат Сталинской премии, живущий в своём рифмованном мире, пишет стихи на любые темы. Но вершиной творчества Смелчакова-поэта становится большая поэма «Нить Ариадны», которую автор (Смелчаков, а соответственно и В. Аксёнов) называет «экспериментальной». Поэма имеет символическое значение: под маской древнегреческих героев скрываются фигуры столпов советского тоталитарного режима, а Тезей – это сам Смелчаков.

Для В. Аксёнова-писателя главным является смысл передаваемой мысли, и абсолютно неважно, в какой форме она выражена, будь то проза или поэзия. Тем более, что сам писатель не воспринимает свои стихи как поэзию – для него это только продолжение прозы.

Произведения В. Аксёнова очень неоднозначны, и характерная для писателя организация повествования имеет много общего с прозой постмодернизма: создание гипертекста, интертекстуальность, игровая ситуация, хаотичность и т. д. Конечно, в своих романах В. Аксёнов продолжает реалистические традиции, но вместе с тем он использует опыт постмодернистской литературы, создавая свой оригинальный стиль. По словам автора, стихи не только не мешают развитию сюжета его романов, но и «способствуют его развитию в роли кислородных пауз <...>, то есть тому, что в теории ОПОЯЗа называется “остранением” и “замедлением”» [1, 227]. Понятие «остранение», упомянутое В. Аксёновым, было введено в теорию литературы В. Шкловским и означает художественный приём описания любого явления как впервые увиденного. Термин «остранение» «имел целью обосновать потребность в нарушении “традиции”, желание противостоять косности восприятия и стимулировать свежесть последнего с помощью неожиданного, неотягощённого культурным контекстом взгляда на реалии бытия и искусства» [5, 704], так сказать, дать «видение», а не «узнавание». Опираясь на точку зрения о том, что «остранение» толкуется как пародийное нарушение «канона», можно предположить, что В. Аксёнов, намеренно вводящий в своё повествование поэтические элементы, активно использует этот принцип, нарушая таким образом стереотип восприятия произведения. Нарочитое «оглупление» произведения автором не умаляет его эстетических и художественных характеристик. Подпытывая своё повествование поэзией, писатель всё же отдаёт предпочтение прозе, ведь «за пределы рифмы не выскочишь, в то время как в прозе ты можешь поехать на все четыре стороны» [1, 8], а «стих стал чем-то вроде подзарядки аккумуляторов: он бодрит и вдохновляет автора» [1, 9].

Таким образом, очевидно, что для аксёновской прозы характерен жанрово-родовой синтез, к примеру, включение в прозаическое произведение стихотворных элементов. Стихи, органично входящие в романное повествование, являются неотъемлемой частью и отличительной особенностью прозы В. Аксёнова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнов, В. Край недоступных фудзиям / В. Аксёнов. – М. : Вагриус, 2007. – 304 с.
2. Аксёнов, В. Мой дом там, где мой рабочий стол : [беседу вела И. Кузнецова] / В. Аксёнов // Вопросы литературы. – 1999. – Март-апрель. – С. 284–296.
3. Аксёнов, В. Ожог : [роман] / Василий Аксёнов. – М. : ИзографЪ, Эксмо, 2005. – 528 с.

4. Валгина, Н. С. Теория текста: учебное пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А. Н. Николюкина]. – М. : НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.
6. Орлицкий, Ю. Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2002. – 685 с.

SUMMARY

Maria Ivakhnenko. Poetry and prose in the narrative structure of V. Aksyonov's literary works

The article deals with the poetic aspect of V. Aksyonov's works. The author proves that the writer's works seek different forms of manifestation and find them in poetry. The writer himself considers poetry as the continuation of his prose. V. Aksyonov's poems are an integral part of this fiction.

Key words: poem, fiction, rhythmic prose, postmodernism fiction.

Каримова Людмила

Научный руководитель –

д. филол. наук, проф. Кочетова С. А.

*ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ТЕМА ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. П. КРАПИВИНА

Доклад посвящён изучению разработки темы воспитания детей и подростков в творчестве русского писателя В. П. Крапивина как одной из ведущих тем мировой литературы. Писатель широко известен как автор произведений о детях и для детей. Исследователь исходит из того, что наследие В. П. Крапивина является продолжением традиций русской классической поучительной литературы.

Ключевые слова: В. П. Крапивин, детская литература, традиция, тема воспитания.

Существенный критический материал о литературно-педагогическом творчестве писателя-фантаста В. П. Крапивина составляет статьи и заметки о традициях, которые он наследует. Среди наиболее известных исследований можно назвать работы И. Мотяшова, Л. Белой, Г. Краснова, В. Рогачева, А. Нянина, Е. Спехова, Н. Кузина, Л. Крапивин и многих других. Однако он на сегодняшний день является одним из парадоксальных авторов детской и юношеской литературы, чьё творчество при всей своей известности, мало исследовано серьёзной критикой.

Как писатель и педагог он заявил о себе в начале 60-х гг. XX века выходом своей книги «Рейс “Ориона”». Его первое произведение было высоко оценено такими признанными классиками детских произведений, как А. Барто и К. Чуковский, отметившими, что *«в литературу пришел яркий и самобытный автор, который, несмотря на молодость, несомненно, обладает художественным талантом и великолепным знанием детской психологии»* [4, 216].

На неразрывную связь Крапивина-писателя и Крапивина-педагога обращали внимание Н. Богатырева, С. Баруздин, Л. Колесова, М. Липовецкий, Г. Окунева и др. Русский критик и литературовед И. П. Мотяшов утверждал, что В. Крапивин опирается на традиции, заложенные Э. Т. А. Гофманом, М. Метерлинком, А. Грином, М. Пришвиным. Среди указанных писателей А. И. Нянин выделяет влияние творчества А. Грина *«как наиболее характерного для книг В. Крапивина»* [7] и добавляет в этот ряд «интонации К. Паустовского», которые, по мнению исследователя, явно присутствуют в творчестве уральского писателя. Как начинающий литератор В. П. Крапивин, по его личному признанию, испытал большое влияние творчества К. Г. Паустовского (на открытом образовательном видео портале UniverTV.ru (18 августа 2009) есть его лекция «О Константине Георгиевиче Паустовском»).

Большинство критических работ о творчестве В. Крапивина содержат анализ той или иной стороны его творчества. Но целостного представления о творческом своеобразии произведений писателя, к сожалению, до сих пор нет. Кроме того, исследователи, как правило, не учитывают тот факт, что каждая его повесть, по словам В. Лукьянина, является художественным экспериментом [6].

В 1960-80-е годы критики говорили о двух основных линиях, которые явно присутствуют в творчестве писателя, – гайдаровской (Л. Белая, 1966) и макаренковской (Г. Краснов, 1970; В. Рогачев, 1978).

А. И. Нянин указывает на то, что в творчестве исследуемого автора существует целостная литературная реальность, подпитывающая его творчество. Эта реальность перекликается отдельными чертами и мотивами в творчестве и других писателей, как современников, так и авторов различных направлений и периодов прошлого [7].

Своеобразие писательского мастерства В. П. Крапивина основывается, прежде всего, на его жизненном опыте, точка отсчета которого находится в детстве, а влияние педагогических и литературных традиций заметно и очевидно. В критических статьях 1970-х гг. Ю. Дюжева, Э. Бояршиновой, Л. Юниной, Е. Спехова, Н. Кузина говорится о неразрывной связи литературного труда молодого писателя и его педагогической деятельности. По словам С. Баруздина, организованный в 1961 г. детский юнкоровский отряд,

который с 1968 г. носит название «Каравелла», стал *«реальным воплощением в жизнь педагогических идей автора»* [1, 258].

Выросший в семье педагога, мечтая о мореходке, В. П. Крапивин всегда тянулся к сочинительству, к литературе – отсюда соответствующее воспитание и самовоспитание, склонности, способности, мечты. Затем он получил журналистское образование, работал по специальности, начал литературную деятельность, а заодно проявлял жгучий интерес к детям, их проблемам.

Как воспитатель детского коллектива В. Крапивин всегда работал в русле прогрессивной гуманистической педагогики. В ряде статей его непременно называют писателем-педагогом, у которого, как у Януша Корчака был Дом сирот, у А. Гайдара – тимуровская команда, у В. Сухомлинского – Павлышская школа, было свое «педагогическое детище», его «Каравелла». С. Михалев писал: *«В. Крапивин построил “Каравеллу”, а “Каравелла” построила его – отряд, сделала его педагогом и писателем»* [7]. Таким образом, если учитывать, что литература в целом выполняет воспитательную функцию, то у В. П. Крапивина, как в свое время у А. С. Макаренки, писательская деятельность стала одной из составляющих его творчества. Можно с уверенностью утверждать, что писатель опирался и на практику, т. е. личный опыт, и на традиции, как педагогические, так и литературные.

Исследователи говорят о том, что к какому бы жанру не обратился писатель, везде настойчиво звучат гриновские интонации. О традициях творчества А. Грина в прозе уральца писали И. Мотяшов, Е. Спехов, Н. Кузин.

Стоит упомянуть и о гайдаровских традициях в его творчестве, так как именно А. Гайдар заложил подходы и основы для большого направления в литературе для детей. Книги А. Гайдара настолько широко охвачены этой проблематикой, что о нем надо говорить и как о писателе-педагоге, и как о писателе-романтике, и как о реалисте, впрочем, как и о В. П. Крапивине. Однако это не значит, что В. П. Крапивин подражает А. Гайдару, нет, у него свой, индивидуальный авторский стиль. Он наследует все то хорошее, что есть в книгах о тимуровцах. Для В. П. Крапивина важно показать, что такое человечность, доброта и подлинная гражданственность. Он, как настоящий педагог, искреннее уважает своих героев-мальчишек, помогает им сохранить их детскую непосредственность, тонко понимая психологию ребят. Писатель в своих ранних произведениях создал своего «Тимура», репрезентирующего авторскую концепцию подростка. Он, безусловно, отличается от ранее изображенного гайдаровского, но схож в главном – в человеческом. Важность создания такого героя писатель впоследствии сам обозначил: *«По моему мнению, современному подростку не хватает некоего нравственного*

стержня, понятия о рыцарстве, мальчишеском благородстве... Ему не хватает твердости характера, убеждений, стремления к самостоятельности решений и поступков» [3]. Твердая позиция писателя, вера в идеалы давала основание считать, что именно поступок делает человека личностью, вне зависимости от возраста.

Что касается традиций всемирно известного педагога и писателя А. С. Макаренко в творчестве уральского писателя, то, как и в книгах великого педагога, так и в произведениях В. П. Крапивина отразилась его собственная педагогическая деятельность. Как правило, герои крапивинских рассказов – члены коллектива, который учит их главным моральным ценностям жизни, помогает им стать личностью. В. П. Крапивин утверждал новые формы коллективизма, которые заложил в своей теории педагогики А. С. Макаренко. Таким образом, в основе крапивинской концепции подростка лежит понимание личности и законов существования разновозрастного коллектива, его взаимодействие с окружающей средой.

Все творчество писателя – это, конечно же, искусство слова, художественное отражение действительности и, в одночасье, создание своей модели этой действительности, своей художественной Вселенной. В этом аспекте с ранних произведений и до последних художественных текстов автор останется верен теме дружбы и развития коллектива.

Изображаемые писателем фантастические миры схожи по мироощущению и тональности, по поэтичности и человечности с романтическими феериями А. Грина и поэтической фантастикой Р. Брэдли. Его книги навевают светлую тоску, ностальгию по потерянному раю – детству. Что касается его известного цикла «В глубине Великого Кристалла», то его фантастический мир генетически связан с традициями братьев-фантастов А. и Б. Стругацких и, в свою очередь, служит катализатором для появления новых художественных миров современной фантастики (самый яркий из них обнаруживается в творчестве С. Лукьяненко).

Таким образом, мы пришли к выводу, что творчество исследуемого писателя не замкнуто на связи с каким-то одним предшествующим опытом. Писатель мастерски синтезирует педагогические и литературные традиции, идущие от того или иного писателя или педагога, привнося особое, личное своеобразие своим произведениям, он дарит читателям сплав этих традиций, адаптируя их под современные реалии, а также закладывает свои традиции, которые дают творческую основу для современных писателей. Произведения анализируемого автора характеризуются общностью тематики, обращенностью к проблемам воспитания. Однако это не слепой дидактизм, который иногда, особенно в период середины XX века, критика выдвигала на

первый план в детской литературе, уступая художественным свойствам произведения. Наоборот, созданная В.П. Крапивиним литература для детей доказывает, что *«настоящее художественное произведение всегда воспитывает человека: учит добру, просветляет душу, повышает понимание красоты и ценности человеческой жизни»* [2, 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баруздин, С. Заметки о детской литературе / С. Баруздин. – М. : Дет. лит., 1975. – 346 с.
2. Великанова, Е. А. Цикл «В глубине Великого Кристалла» В. П. Крапивина: проблематика и поэтика : 10.01.01 : дис. ... канд. филол. наук / Великанова Екатерина Александровна. – Петрозаводск, 2010. – 290 с.
3. Крапивин, В. Впереди по курсу – будущее (размышления о герое детской литературы) / В. Крапивин // Литературная газета. – 1982, 4 авг. – С. 4.
4. Крапивина, Л. А. Идея ценности детства в литературном и педагогическом творчестве Владислава Крапивина / Л. А. Крапивина. – Текст : электронный // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2009. – № 3 (67). – С. 216–220. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19190/1/iurp-2009-67-32.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).
5. Крапивина, Л. А. Особенности педагогического метода писателя Владислава Крапивина / Л. А. Крапивина. – Текст : электронный // Образование и наука. – 2008. – № 7 (55). – С. 119–127. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennost-pedagogicheskogo-metoda-pisatelya-vladislava-krapivina/viewer> (дата обращения: 24.11.2021).
6. Лукьянин, В. Крапивин в системе ценностей переходного времени (доклад) / В. Лукьянин. – Текст : электронный // Научные работы : сайт. – URL: http://www.rusf.ru/vk/recen/2000/v_luk01.htm (дата обращения: 28.11.2021).
7. Нянин, А. Этапы творческого пути Владислава Петровича Крапивина / А. Нянин. – Текст : электронный // Научные работы : сайт. – URL: http://www.rusf.ru/vk/recen/1989/a_nyanin.htm (дата обращения: 24.11.2021).

SUMMARY

Ludmila Karimova. The topic of upbringing in the works of V.P. Krapivin

The report is devoted to the study of the development of the topic of raising children and adolescents in the work of the Russian writer V.P. Krapivin as one of the leading themes of world literature. The

writer is widely known as the author of works about children and for children. The researcher proceeds from the assumption that the legacy of V. P. Krapivin is a continuation of the traditions of Russian classical instructive literature.

Key words: V.P. Krapivin, children's literature, tradition, the topic of education.

Лебедева Валерия

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.

Балтийский федеральный университет

им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

СИМВОЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПРЕДМЕТНОМУ КОДУ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются компоненты фразеологических единиц русского языка, относящихся к предметному коду культуры. Проводится анализ сущности культурных компонентов через соотнесенность со статьями из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Делаются выводы о значении дома, его элементов в языковой картине мира носителей языка.

Ключевые слова: *русский язык, фразеология, лингвокультурология, концепт «дом», предметный код культуры.*

Актуальность исследования символической значимости компонентов фразеологии русского языка обуславливается увеличившимся интересом к рассмотрению фразеологического наследия в рамках лингвокультурологии среди лингвистов, так как фразеологизмы являются трансляторами культурных особенностей конкретного народа. По мнению М. Л. Ковшовой, «все существующее в мире приобретает в процессе освоения и познания семиотический смысл, который возникает из небуквальных смыслов вещей» [2, 27]. Символические компоненты во фразеологизмах являются носителями культурных смыслов. При сопоставлении различных культур важно, как именно конкретный народ осмысляет окружающий его мир и с помощью каких образов информация о стереотипных ситуациях проявляется в естественном языке.

Целью нашего исследования является анализ культурной значимости компонентов фразеологических единиц русского языка, относящихся к предметному коду культуры через соотнесенность со статьями из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Задачами исследования являются: отбор фразеологизмов из Фразеологического словаря А. И. Федорова с компонентами, принадлежащими предметному коду культуры, называющими дом и его элементы; отбор и анализ пословиц, поговорок из словаря В. И. Даля с такими компонентами; анализ культурного значения фразеологизмов компонентов на основе информации, представленной в словарных статьях словаря В. И. Даля.

В. В. Красных, говоря о предметном коде культуры, отмечает, что в него «входят и такие понятия, как, например, дом, род, семья» и он «непосредственно связан с социальными отношениями» [3, 6]. Н. А. Лантух высказывает мысль о том, что в картине мира дом – система, «в которой совмещаются представления о внутреннем/внешнем, своем/чужом» [4, 130]. Исходя из этого, образ дома следует рассматривать с точки зрения взаимодействия своего пространства с чужим.

В пословицах, поговорках с компонентами *дом*, *хата* и *изба* – *в гостях хороша девка, а дома лучше того; дома как хочу, а в людях, как велят; твой дом, твои и гости/ твоя и воля; в гостях хорошо, а дома лучше; чем хата богата, тем рада* заключен смысл о том, что в пространстве своего дома человек может проявлять свою волю, быть главным; «свое», принадлежащее дому, лучше того, что есть у других. Фразеологизм *как у себя дома* употребляется при характеристике раскованного, непринужденного поведения. *Отказывать от дома* – перестать приглашать кого-либо в дом из-за нежелания общаться с человеком и впускать в личное пространство. Выражение *отбираться от дома*, имеющее негативную коннотацию, говорит о потере кем-то интереса к домашним делам, что считается предосудительным в обществе. Фразеологизм *не все дома* указывает на потерю кем-то своей целостности, употребляется по отношению к человеку со странностями.

В поговорках *не бывал я там, и не знаю, как там дверь открывается; вот тебе Бог, вот тебе двери/порог; не всякому верь, запирай крепче дверь* компонент *дверь* является границей своего (или чужого) пространства, не открывают дверь или выставляют за дверь того, кого не желают видеть. Образ открытой двери ассоциируется с возможностью доступа чего-то, с взаимодействием с миром. Подобные представления выражаются во фразеологизмах *закрывать двери* – отказывать в приеме, *указать на дверь* – разорвать отношения, *двери открыты* – доступность, *держат дверь открытой (нараспашку)* – о гостеприимстве.

Компоненты *порог* и *ворота* выполняют ту же функцию, что и *дверь*: *ни ногою за порог, ни шагу из дому; поставить на порог да в шею до ворот; на богатого ворота настезь, на убогого запор*. Переступая за порог (своего дома или чужого) или ворота, люди оказываются в ином пространстве: *переступать/перейти через/за*

порог – уходить куда-то, *стоять на пороге* – ожидание неизбежного, *не пускать на порог, не появляться на порог*. Выражение *ни в какие ворота не лезет* употребляется, когда говорящего что-то не устраивает и он не может смириться с чем-то, т. е. допустить в свое пространство.

Окно используется как средство связи с миром для получения информации, благ: *окошечко маленькое, а в него все видно; что услышишь под окном, того и жди; Бог даст и в окошко подаст*. Фразеологизм *только и света в окошке* употребляется при обозначении единственной радости и утешении.

В славянских традициях печная труба играла роль своеобразного портала между человеческим и потусторонним миром: *гул в трубе – душа покойника пришла*. По аналогии с дымом, улетающим из трубы, говорится о совершенном разорении человека из-за каких-либо обстоятельств во фразеологизме *вылететь в трубу, пустить в трубу*.

Крыша (кровля) защищает дом от непогоды, является покровом от бед: *чужую кровлю кроет, а своя течет* (о пересудах); *всяк дом по свою кровлю стоит* (под своей защитой, хозяином). Желание человека принять кого-либо в свой дом, дать приют выражено во фразеологизме *принимать под свою крышу*. Это осмысливается как готовность человека впустить кого-либо в свое защищенное пространство. *Под одной крышей* – вместе жить. Выражение *крыша над головой* является синонимом дома.

Стены наглухо ограничивают пространство дома, защищая его. В поговорке *и стены в доме помогают* заключено представление о том, что в привычной обстановке, в родном месте человек чувствует себя увереннее, там он может легче реализовать свои планы. *Я за тобой, что за каменной стеной / словно за каменной стеной* – чувствовать себя в безопасности. *В четырех стенах жить* – ограничивать взаимодействие с внешним миром, находиться в уединении.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что пространство своего дома является центром своего безопасного внешнего пространства, которое противопоставляется чужому миру. Во фразеологизмах русского языка достаточно подробно зафиксировано представление о своем доме и его элементах, чужая территория понимается в более обобщенном и абстрактном виде. Такие элементы дома как *дверь, окно, труба, порог, ворота* символизируют границу между чужим и своим пространствами, обеспечивают взаимодействие с окружающим миром. Компоненты *крыша* и *стены*, замыкающие дом и оберегающие его целостность, ассоциируются с безопасностью и уединением.

Перспектива дальнейших исследований символической значимости обширна и заключается в расширении интерпретаций элементов культуры, воплощенных в языке, а также в рассмотрении большего количества языковых выражений в качестве материала для анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4 / [сочинение] Владимира Даля. – 2-е изд. – М.: изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882.
2. Ковшова, М. Л. О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 2009. – № 1. – С. 27–31.
3. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Зотов // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 19. – М., 2001. – С. 5–19.
4. Лантух, Н. А. Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира // Культура народов Причерноморья. 2000. – № 13. – С. 129–135.
5. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

SUMMARY

Valeriia Lebedeva. Symbol significance of components of phraseological units related to the subject culture code

The article examines the components of the phraseological units of the Russian language related to the subject code of culture. The analysis of the essence of cultural components through correlation with articles from the «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language» by V. Dal. Conclusions are made about the essence of the symbol of the house and its parts in the worldview of native speakers.

Key words: Russian language, phraseology, cultural linguistics, the concept of «home», the subject code of culture.

Лучинина Лада

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузённая Т. Ф.

Балтийский федеральный университет

им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКИ В ПАРЕМИЯХ С КОМПОНЕНТОМ «ПРАВДА» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассмотрены русские, белорусские и украинские поговорки, с компонентом «правда», репрезентируемым с помощью корреляций Правда-Истина и Правда-Реальность. Аналитический акцент сделан на рассмотрении особенностей формирования

положительной, нейтральной и отрицательной коннотаций по отношению к исследуемым понятиям.

Ключевые слова: *правда, истина, реальность, паремии, фразеология, лингвоаксиология.*

Язык для любого носителя является способом и средством познания мира, т.к. именно в языке сохраняются и аккумулируются ключевые мировоззренческие представления и ценностные доминанты сознания народа; поэтому лингвоаксиологический подход к исследованию языка является чрезвычайно актуальным. Особенно релевантен этот подход для исследования произведений устного народного творчества, направленных на осмысление «ценностей и их языковой экспликации – оценок» [3, 43].

Правда как одна из наиболее содержательно насыщенных категорий представлена в ценностной иерархии и отдельного субъекта, и народа в целом. Этот тезис подтверждается наличием значительного числа пословиц, притчей, поговорок, посвящённых правде. Иначе эти малые речевые жанры фольклора называют паремиями, определяя их как «краткие народные законченные по смыслу фразеологические выражения, которые отражают коллективный опыт народа, предоставляют сведения о его самобытности и помогают определить специфику познания мира людьми данной народности» [4, 290]. Определение специфики национального мировосприятия, как уже было сказано, является одним из центральных направлений филологических исследований, поэтому анализ паремий, посвящённых правде, в контексте общего вектора лингвоаксиологических исследований представляется весьма актуальным.

Целью данной работы было осмысление специфики языковой оценки в паремиях славянских языков с компонентом «Правда». Для достижения данной цели было проанализировано 515 паремий из сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля: 454 паремии были взяты из раздела «Правда – Кривда» данного сборника, 61 паремия – из раздела «Правда – Неправда – Ложь», а также 43 белорусских и 26 украинских пословиц и поговорок с компонентом «Правда». На уровне первичного анализа была выделена группа паремий, в которых конструкт *Правда* непосредственно называется и/или к понятию *Правда* выражает определённое отношение; всего таких паремий было выделено 205. Далее фокус исследования был обращён именно на них. Анализ особенности языковой оценки осуществлялся путём подробного рассмотрения коннотаций и контекста употребления понятия *Правда* в данных паремиях.

Попытки исследования аксиологического статуса понятия *Правда* через призму коннотативных значений «одобрения / неодобрения» предпринимались О. Б. Абакумовой. В своей работе исследователь

приходит к выводу о том, что «в русских паремиях представлены два аллегорических образа: Правда-Истина как высшее знание, идеал <...> и Правда-Матка как реальное положение дел, далекое от идеала» [1, 63], при этом первый образ имеет положительную окраску (одобрение), а второй – отрицательную (неодобрение). Тезис О. Б. Абакумовой частично подтверждается результатами данного исследования; *Правда* в проанализированных паремиях нередко выступает и как идеал, высшее благо (в 17% паремий), и как реальность (в 78% паремий). Стоит отметить, что в первом значении Правда-истина в абсолютном большинстве случаев языковая оценка понятия положительная, например, *Правда светлее солнца (рус.)*, *На праўдзе свет стаіць (бел.)*; а вот в значении Правда-реальность исследуемое понятие имеет как отрицательную, так и положительную и нейтральную оценки.

Отрицательно Правда-реальность оценивается в 11% исследованных паремий, это эксплицируется в текстах типа *Правда глаза колет (рус.)*, *Праўда – як соль у вочы (бел.)*, *Правда, як оса, лізе в очі (укр.)*. Исходя из результатов анализа в целом и данных примеров в особенности можно сделать вывод, что общим архетипическим признаком Правды-реальности во всех трёх языках является её постоянная выраженность, нередко констатируемая через соотнесение понятия с образами Глаза и Зрение.

И всё же необходимо отметить, что по результатам исследования наиболее частотной является нейтральная оценка понятия Правда-реальность – это проявляется в 34 % исследованного объёма паремий, в большинстве которых эксплицируется идея о непременном торжестве и проявлении правды. В подтверждение приведём следующие пословицы: *Правда – елей, везде наверх всплывает (рус.)*, *Праўдау агні не гарыць у вадзе не тоне (бел.)*, *Правда і з дна морського вирине сухою (укр.)*. О широком распространении подобных пословиц свидетельствует и А. С. Гладышева, утверждая, что в большинстве посвящённых правде русских «фразеологических выражений отражается уверенность в том, что правда всегда выходит наружу» [2, 141].

Вопреки утверждению О.Б. Абакумовой, по результатам анализа была выявлена группа паремий, в которых понятие *Правда* (в значении ‘реальность’) имеет положительную оценку; это проявляется в 10% текстов, например, в поговорках-напутствиях и присловиях *Їж хліб з сіллю і з водою, живи правдою святою (укр.)*.

В целом, по результатам анализа паремий в рамках данной работы, очевидным представляется тот факт, что категория *Правда*, раскрываемая через понятия Правда-Истина и Правда-Реальность, в славянских паремиях имеет различные коннотации и варианты оценки: положительную, нейтральную, отрицательную. Для понятия Правда-Истина наиболее характерна положительная оценка, в основе которой в большинстве случаев лежит соотнесение правды с

солнцем, которое у славян исконно выступало источником и мерилom блага, *Правда* в данном контексте оценивается также как ценность чрезвычайно высокого порядка. Для понятия Правда-Реальность наиболее характерна нейтральная оценка, совмещённая с мотивом неперемennого торжества *Правды*, невозможности её сокрытия.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что правда для носителей славянских языков выступает как весьма трудно достигаемая высшая ценность. Противоречие между стремлением к правде как благу и ценности при одновременной констатации сложности достижения этого блага в земной жизни характеризует особенности духа народа, и определяет многогранный лингвоаксиологический статус понятия. Пословицы славянских языков богаты аксиологически насыщенными категориями, исследование которых даёт нам ключ к пониманию менталитета и языкового наследия нашего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова, О.Б. Оценочность и способы ее выражения в пословицах (на материале русских и английских пословиц о правде) / О.Б. Абакумова. – Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – С. 59–63.
2. Гладышева, А.С. Отражение народных представлений о понятии 'правда' в русских и английских пословицах / А.С. Гладышева. – Язык. Культура. Личность. (материалы межвузовской конференции молодых ученых). – 2019. – С. 137–144.
3. Мельничук, В.А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2017. – 216 с.
4. Татаринов, М.Э. Паремии как инструмент создания метафорических образов России / М.Э. Татаринов, А.В. Казаков // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 288–295.

SUMMARY

Lada Luchinina. Features of language assessment in paremias with the component "truth" in slavic languages

The article considers Russian, Belarusian and Ukrainian paroemias, with the component "truth", manifested through the concepts of Truth-verity and Truth-reality. Analytical emphasis is placed on the consideration of the features of the formation of positive, neutral and negative connotations in relation to the concepts studied.

Key words: truth, verity, reality, paremia, phraseology, linguoaxiology.

Макаров Никита
Научный руководитель –
к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта,
г. Калининград, РФ

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ ПОНЯТИЯ СВОБОДА В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Статья посвящена рассмотрению широкого спектра смыслов понятия свобода, отражающих важнейшие мировоззренческие представления в русском национальном сознании. На основании данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, структурируются группы ассоциативных планов, объединенных семантическими признаками, устанавливается их состав и частотность употребления каждого компонента для выявления тесной связи с теми процессами, изменениями, которые происходят в социальной реальности сегодняшнего дня.

Ключевые слова: свобода, ассоциативный эксперимент, пандемия коронавируса, ассоциативное поле, слово-стимул.

Чуть больше года прошло с того момента, как нас всех отправили на самоизоляцию. За это время человек и окружающий его мир претерпели серьезные изменения. О текущей ситуации Т. В. Черниговская рассуждает следующим образом: «Мы попали в мир, когда рухнуло все. Не случайно так часто говорят о крахе цивилизации или его приближении. Нарушились все планы, договоренности, правила, границы, время и пространство» [2]. Мы поняли, что нам действительно необходимо мужество, мужество пользоваться собственным умом, о котором писал великий Иммануил Кант.

Как утверждает В. В. Колесов, «Язык и время – ответственное сочетание; лингвист сказал бы язык во времени – философ говорил бы о времени языка» [1, 3]. Именно поэтому мы можем говорить, что во времена стремительных перемен и потрясений в окружающей реальности происходящее вокруг находит отражение в первую очередь в языке. Появление новых реалий требует появления новых лексических единиц, речевых форм и стратегий, моделей дискурсивного поведения. Можно ли уже говорить о том, как повлияла пандемия COVID-19 на изменения в русском языке? Мы полагаем, что рано ещё это утверждать, так как прошло слишком мало времени, чтобы наблюдать метаморфозы в языке, но мы можем проследить формирование некоторых тенденций, отразивших реалии пандемии коронавируса; одной из таких тенденций могло бы

быть переосмысление представлений о свободе как о национальной лингвокультурной константе.

Пандемия коронавируса и период самоизоляции сначала сузили границы нашей свободы до размера квартиры, а затем вернули их в прежние пространственные рамки, ограниченные лишь отсутствием QR-кода. Поэтому нам стало интересно, как это отразилось в сознании носителей русского языка. С этой целью мы провели свободный ассоциативный эксперимент (далее – АЭ), который, по мнению Т.А. Талаповой, является «эффективным методом изучения понятия как реальности сознания» [3, 27]. А. Р. М. Фрумкина утверждает, что «как феномен, ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета» [4, 192].

Метод ассоциативного эксперимента позволяет исследовать субъективные семантические поля слов, как они формируются и функционируют в дальнейшем. Характер семантических связей слов внутри семантического поля также является объектом исследования. Метод АЭ полезен тем, что позволяет синтезировать субъективные семантические поля для определения более точного представления о лексеме, потому что лексикографические источники не всегда дают данные, которые бы совпадали с психологической реальностью языкового сознания.

Процесс АЭ проходил в два этапа, в феврале и ноябре 2021 года. Респондентам на каждом этапе было предложено слово-стимул *Свобода*, затем они фиксировали первые пришедшие в голову ассоциации. Определяющим при этом являлись именно моментальность, незамедлительность ответа.

В нашем опросе приняли участие 204 человека. В ходе эксперимента было получено 591 реакция на слово-стимул *Свобода*. Мы распределили каждый образ-ассоциат по тематическим категориям. Самую многочисленную группу составили слова, по семантике связанные с независимостью, где чаще всего встречается само слово независимость. Следующая по частотности ассоциативная категория так или иначе связана с властью и правом. В эту группу вошли различного рода свободы, о которых говорится в Конституции РФ, право и перечень терминов, семантически связанных с политикой и историей. Категория, связанная с идеей граничности, является третьей по частотности. В нее мы включили представление о свободе как об ограниченном, так и о неограниченном, причем последнее преобладает.

Участники эксперимента также отвечали на вопрос: «Изменились ли границы и содержание вашей свободы за время пандемии? Каким образом?». Опрашиваемые заметили (здесь и далее мы цитируем

ответы респондентов), что «во время эпидемии реальность будто разделилась на два измерения: привычное и дистанционное, в которых понятие свободы реализуется по-разному, руководствуясь правилами, продиктованными новой реальностью». Дистанционное обучение, самоизоляция «свалились на нас в марте месяце как снег на голову. Жизнь своеобразно начала делиться на до и после пандемии».

Наибольший интерес представили ответы на вопросы, связанные с изменением содержания и размера границ понятия *свобода* во время пандемии.

Большинство опрошенных заявили, что границы свободы не уменьшились, а расширились за счет расширения границ «свободы внутренней», которая взаимосвязана с «внешней свободой». Проявлялось это, в первую очередь, в новообретенном времени, которое предоставляло «свободу творить без оглядки на ритм жизни и расписание дня, свободу придумать свой досуг».

Встречались ответы, где респонденты, наоборот, говорили о сужении границ свободы. Так, для одного из опрошенных, *свобода* – это радость прогулок по улице, походов в университет и живого общения с одноклассниками и преподавателями. А несвобода «в четырех стенах комнаты» превращается в тоску. Действительно, весной мы оказались заперты в собственных квартирах и почувствовали себя в заточении: «свобода была ограничена бетонной коробкой и эхом мыслей, отраженных от стен».

Отсюда можно заключить, что под «внутренней свободой» респонденты зачастую подразумевают время. Конечно, это не уникальная рефлексия на тему пандемии. Мы можем найти соответствующие примеры и в лексикографических источниках, например, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова: «На свободе – на досуге, в свободное от работы, занятий время», и в проведённом нами АЭ, где 5 раз встречается соответствующая ассоциация. Мы полагаем, что в ассоциативном поле лексемы *свобода время* постепенно покидает периферийную зону и приближается к ядерной, и локдаун поспособствовал этому: «свобода ведь заключается рамками времени, которые сейчас расширились в нашу пользу». С другой стороны, «в нынешних реалиях моя свобода заканчивается с окончанием срока действия QR-кода».

Появилось представление о новых проявлениях свободы, свободы территориальной: сначала «моя свобода ограничивалась открытым окном», теперь же, «новый поворот: могу в любое время выйти из дому – зайти куда не могу без QR-кода», и психологической: «почти всё, что ограничивает свободу человека извне, разрушается внутренней, психологической свободой». В эту же группу мы отнесли и представление о так называемой «технической» свободе: «теперь

моя свобода заканчивается там, где начинается экран компьютера или другого устройства».

Если рассматривать ассоциации, связанные с так называемой территориальной свободой, обращают на себя внимание такие ассоциации, как «поход в магазин» и «прогулка с собакой», действительно, это было единственным легальным способом подышать свежим воздухом, тем самым являясь некоего рода «ключами» к «внешней свободе». С лингвистической точки зрения, мы можем наблюдать вхождение новых образов-ассоциатов в дальнюю периферию ассоциативного поля лексемы *свобода*, которые до самоизоляции даже не претендовали на это место.

Для большинства респондентов границы понятия *свобода* в новой реальности стали подвижными, неустойчивыми: «Само нереализуемое желание и делает тебя несвободным. Чувство свободы или ее отсутствие – это отражение внешних обстоятельств». И все же большинство опрошенных верит, что «когда пандемия закончится и всё вернется на круги своя, мы снова начнём воспринимать свободу и волю как данность, мало задумываясь об их ценности и лишь изредка вспоминая о том, как было в период карантина».

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
2. «Профессор Татьяна Черниговская: Кант со мной бы согласился – жить нужно без черновика». – Текст : электронный // Kaliningrad.kp.ru 2021. 12 февраля. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27238/4366850/> (дата обращения: 21.11.2021).
3. Талапова, Т. А. Концепт «Вера/Неверие» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Талапова. – Абакан, 2009. – 198 с.
4. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

SUMMARY

Nikita Makarov. Interpretative field of meaning Freedom in today's linguistic reality

The article examines a wide spectrum of meanings of sociocultural constructs will and freedom which reflect important worldview representations of Russian national consciousness. Groups of associations, which are classified by semantic features, are based on the facts of an associative experiment. The composition and frequency of usage of each component is established to reveal close connection with processes and changes, which are happening in social today's reality.

Key words: freedom, associative experiment, coronavirus pandemic, associative field, word-stimulus.

Малова Елена
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Димитриева О. А.
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет»,
г. Чебоксары, РФ

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ Е. ЧЕКАЛОВОЙ В «КОММЕРСАНТЬ ВИКЕНД»

В статье освещаются особенности текстовой организации кулинарного рецепта. Дается определение кулинарного рецепта, рассматриваются его основные функции на конкретных примерах.

Ключевые слова: *кулинарный рецепт, функции, метафоры, эпитеты, агнонимы.*

Теме кулинарного рецепта посвящено много работ лингвистического и культурологического характера. Н. А. Ахренова, В. В. Милакова считают, что жанр гастро-блога объединил в себе черты двух существовавших еще в «доинтернетовскую» эпоху независимых жанров: жанра дневника и жанра кулинарного рецепта [1, 9]. Кулинарный рецепт – это не набор отдельно стоящих предложений-указаний, как приготовить блюдо, а это связный текст, обладающий определенными признаками и выполняющий определенные функции [2, 210]. Традиционно, дневник как жанр трактуется следующим образом: «дневник – это литературно-бытовой жанр, в котором повествование ведется от первого лица в виде повседневных или периодических записей о событиях текущей жизни (личной, общественной, литературной)» [3, 149]. А. Ю. Волкова выделяет следующие функции, которые выполняет кулинарный рецепт: 1) коммуникативную функцию, потому как с его помощью передается новая информация; 2) социальную функцию, т.к. рецепт обслуживает определенные потребности людей; 3) системную функцию, ведь рецепт – это текст со своей системой и структурой; 4) историческую функцию, ведь рецепт – это всегда продукт определенной исторической эпохи; 5) ориентационную – в рецепте отражаются принятые в обществе традиции и 6) культурную функцию, т.к. рецепт – это тоже результат культурной деятельности. Кроме того, рецепт может выполнять и дидактическую функцию, когда его автор как бы обучает адресатов новым ценностям, прививает им вкус к хорошей и полезной пище, а также эмоциональную функцию (если автор выражает свое отношение к приготовляемому блюду) [2, 211].

Реализацию указанных функций рассмотрим на конкретных примерах. Материалом для исследования являются рецепты Е. Чекаловой в журнале «Коммерсантъ Weekend».

Во вступлении каждой статьи с темой «Еда» даются исторические «привязки», факты, повествуются запоминающиеся легенды, которые автор намеренно вводит для того, чтобы заинтересовать, увлечь читающего. Информация может быть дана и та, о которой читателю уже известно. В таком случае фокус внимания сосредоточится на самой идее создания блюда, т.к. укрепится доверие к пишущему и сформируется ощущение беседы с «другом». Например, *У иудеев миндаль – священный символ избранности, вечного обновления и счастья. В Ветхом Завете белыми цветками миндаля расцветает жезл Аарона, когда во время странствия по пустыне военачальники из разных колен оспаривали его богоизбранность* («Пирог с антоновкой и миндальным тестом» от 22.10.21).

Если упоминается что-либо неизвестное, зарождается своего рода взаимоотношение вида «учитель–ученик». Читатель, даже не интересующийся ничем подобным, расширит свой кругозор. Создается ощущение, что автор работы знает больше, чем сам пользователь, а, следовательно, не может посоветовать плохого. Интерес возрастет, а значит, рецепт даже если не реализуется, то будет однозначно дочитан. *Кстати, в XVIII веке Россия была крупнейшим экспортером ревеня на Запад. Теперь все наоборот. <...>Раньше он был из Европы, теперь чаще из Ливана и Марокко – и стоит недешево, в среднем от 500 руб. за килограмм.<...>В смысле диетичности и способности преображаться это, безусловно, продукт XXI века. Ревень, как арбуз, состоит из воды на 95%* («Безглютеновый тарт татен с ревенем» от 04.06.21)

Безусловно, любой образованный человек не останется равнодушным к подобному потоку новых знаний. Собираясь изучить страницу, которая должна содержать последовательность приготовления, люди не настроены тратить на это много времени, поэтому подобные вставки обычно небольшие. К тому же, рассказывая о чём-нибудь Елена Чекалова обращается к своему собеседнику, включает риторические вопросы и восклицания. К коммуникативной функции в этом случае подкрепляется социальная, которая заключается в удовлетворении потребности человека в общении. *Впрочем, можно ли назвать это пирогом – ведь тесто совсем не чувствуется?* («Яблочный террин с мисо-карамелью» от 29.01.21); *Если вы, как я, не выращиваете свой ревень на даче, вам придется покупать в супермаркетах импортный* («Безглютеновый тарт татен с ревенем» от 04.06.21).

На способ и манеру подачи любого произведения влияет принадлежность автора к тому или иному направлению деятельности. В содержании рецептов Е. Чекаловой часто

встречаются культурологические комментарии и литературные отсылки. Читатель журнала для нее – это человек с высокими интеллектуальными способностями, который без усилия сможет расшифровать любую метафору и провести параллель между фактами из прошлого. *Особенно удачные его рецепты вы найдете в традиционной сефардской кухне* («Пирог с антоновкой и миндальным тестом» от 22.10.21); *...что она [тыква] непременно превратится в золотую карету* – отсылка к «Золушке» Шарль Перро); («Жаркое из печеной тыквы с ореховой дуккой от 08.10.21); *Это самые пахучие и совсем недолговечные яблоки. Но зато, как говорил Бунин, ими невозможно надыхаться! Они, как прустовские мадленки, удерживают мгновения и возвращают их в воспоминаниях* (отсылка к рассказу И. А. Бунина «Антоновские яблоки» и к роману Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»). Представленные примеры демонстрируют реализацию культурной функции кулинарного рецепта.

Е. Чекалова публикуют разнообразные варианты приготовления для любого адресата. Им может стать как человек, который не привередлив к еде и предпочитает простую и вкусную пищу, так и вегетарианец или тот, кто придерживается строгой диеты. Такая широкая направленность на конкретные лица не может не располагать к себе, поэтому к автору подобных рецептов, вероятно, будут обращаться снова и снова: *Когда я сообщаю гостям, что мой пирог без капли муки, потому что тесто в нем из чистого миндаля, его воздевают все, даже те, кто вечно на диете и вообще не ест десертов.* («Пирог с антоновкой и миндальным тестом» от 22.10.21); *Однако из него все же можно сделать вкусный низкокалорийный десерт, который не помешает подготовиться к пляжному сезону. Попробуйте мой безглютеновый тарт татен* («Безглютеновый тарт татен с ревенем», 04.06.21); *Сегодня готовим жаркое, которое, клянусь, порадует не только вегетарианцев!* («Жаркое из печеной тыквы с ореховой дуккой» от 08.10.21).

Ориентационная функция находит свое отражение не только в учете ингредиентов, входящих в состав блюда, но и в указании, когда предпочтительнее его приготовить: на завтрак, обед, ужин, на какой-либо праздник. *В октябре, не дожидаясь Хэллоуина, я начинаю готовить тыкву и, разумеется, жду, что она непременно превратится в золотую карету ...* («Жаркое из печеной тыквы с ореховой дуккой» от 08.10.21); *Этот легкий десерт годится и в качестве завтрака – с творогом или йогуртом* («Яблочный террин с мисо-карамелью» от 29.01.21).

Синтез дидактической и эмоциональной функции наблюдается в выражении автором своего отношения к описываемому,

высказывании собственных вкусовых предпочтений. Благодаря введению «я» вырисовывается облик человека, который стоит по ту сторону гастро-блога.

На мой взгляд, наилучший соус к нашему жаркому из потимаррона — тхинно-йогуртовый. «Жаркое из печеной тыквы с ореховой дуккой» от 08.10.21); Мне очень нравится вот такая смесь: фундук, кедровые орехи, тыквенные семечки, кориандр, кумин («Жаркое из печеной тыквы с ореховой дуккой» от 08.10.21); Я вот, когда пеку этот пирог, всегда вспоминаю последнюю и мою любимую картину Пьера Боннара «Цветение миндального дерева» («Пирог с антоновкой и миндальным тестом» от 22.10.21).

Красочность структуре текста придают изобразительно-выразительные средства: метафоры: *гастрономическое путешествие, густые юбки из листьев, необычная текстура десерта, стебли идут в дело*; следующие эпитеты: *сложный кисло-сладкий вкус, симпатичный десерт, истошная кислотность, комфортные зимние блюда*. Каждый рецепт от первых до последних слов пронизан агноними, которые представляют собой лексическую или фразеологическую единицу языка, неизвестную, непонятую или малопонятую одному или многим его носителям: ризотто (из итал.), сорта хоккайдо (из яп.), потимаррон (из фр.), приправа дукка (из араб.), кимчи (из корейского), ксантановая камедь (из греч.), тарт татен (из фр.), террин (из фр.), клафути (из фр.), соус мисо (из яп.).

Подводя итоги проведенного исследования, хотелось бы отметить, что кулинарный рецепт как особый вид текста обладает всеми характеристиками текста (структурно-содержательной целостностью, смысловой связностью и завершенностью, тематическим единством, авторством, адресностью) и выполняет особые функции (коммуникативную, системную, социальную, ориентационную, культурную, дидактическую, эмоциональную), которые здесь ярко выражены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова, Н. А. Эволюция поваренной книги: жанровые особенности гастро-блогов / Н. А. Ахренова, В. В. Милякова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2019. – № 3(27). – С. 9–21.
2. Волкова, А. Ю. Текст кулинарного рецепта в свете современных теорий текста / А. Ю. Волкова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2011. – № 8. – С. 209–212.
3. Скиргайло, Т. О. Методика обучения работе над сочинениями нетрадиционных жанров. – М.: Русское слово, 2006.

SUMMARY

Elena Malova. Cognitive-discursive analysis of E.Chekalova's culinary recipes in "Commersant weekend"

The article highlights the features of the textual organization of a culinary recipe. The definition of a culinary recipe is given, its main functions are considered on specific examples.

Key words: culinary recipe, functions, metaphors, epithets, agnonyms.

Машенцова Ева

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.

Балтийский федеральный университет

им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

ЦЕННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена рассмотрению свадебных обрядовых причитаний и песен, в языке которых отражён особый способ видения мира русским человеком. Выделены фразеологические единицы, имеющие ценностное значение. Проводится анализ пословиц, поговорок и загадок, составляющих пространство свадебных текстов.

Ключевые слова: *свадебные песни, причитания, фразеологические единицы, пословицы, поговорки, загадки.*

Специфичный язык свадебных обрядовых текстов интерпретирует реальность, в которой отражается ментальность русского народа, наших предков и современного общества. Лингвистический канал выступает связующим звеном между человеком и действительностью, окружающей его.

Фразеологические единицы – ценный источник информации о национальном сознании людей, содержащийся в свадебных текстах. Являясь хранителями культуры, фразеологизмы, пословицы, поговорки и загадки, дают представление о знаниях и духовном богатстве народа.

Цель данного исследования – выявление в текстах свадебных песен и причитаний фразеологических единиц, отражающих мировосприятие русского человека.

Задачами исследования стало:

1. После изучения теоретического материала по рассматриваемым вопросам выявление фразеологических единиц в свадебных песнях и причитаниях.

2. Проведение лингвокультурологического анализа пословиц, поговорок и загадок, встречающихся в свадебных текстах.

Актуальность работы обусловлена важностью изучения фразеологических единиц, отражающих длительный процесс формирования культурного сознания русского народа. Изучая пословицы, поговорки и загадки можно проследить, какие стереотипные установки передаются людьми из поколения в поколение, как они видоизменяются и воплощаются в языке.

Пословица усваивает выводы, сделанные в прошлом, дополняя их новыми сведениями и суждениями о мире. «Она безымянна, и любой народ, возраст, всякое звание и состояние, свобода и рабство, мудрость и простота, – все составляет предмет ее суждений» [3, 18].

Поговорки и пословицы – связанные между собой речевые единицы. Они имеют ряд сходных черт в построении и форме, позволяющих, например, пословице переходить в поговорку, и наоборот; эти единицы сближаются с языковыми явлениями, отражая при этом частный и общенародный смыслы. Однако пословицы и поговорки различаются между собой: пословица формирует словесную модель определённой жизненной ситуации. Она имеет законченную форму и назидательный характер; «поговорки лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным определением какого-либо явления» [1, 15].

В народных пословицах и поговорках отражается «мир “малый” – жизнь частная, отношения людей друг другу в патриархальной крестьянской семье» [Там же, 31]. Представления об этом «малом мире» в обрядовых свадебных текстах передаются и во фразеологических единицах, используемых участниками торжества.

Так, во время сговора невеста причитает: *«Не дал ты мне, батюшка / На резвы ноги подняться / С умом-разумом собратися»* [2, 26]. Молодая упрекает своего отца за то, что он выдаёт её замуж, не позволив прежде поумнеть, повзрослеть и стать рассудительнее.

На девичнике девушка-невеста просит батюшку изменить решение и не отдавать её в чужую семью жениха. Отец же отвечает: *«Ты, дитя ли мое милое / У нас дело-то сделано / По рукам у нас ударено»* [2, 30]. Фразеологическая единица *по рукам ударить*, используемая батюшкой невесты, означает, что между двумя семьями заключена сделка [4, 699], предвещающая будущую совместную жизнь молодых.

Устойчивое словосочетание *в девушках сидеть* (*сидеть в девках*), означающее ‘оставаться незамужней’ [Там же, 614], встречается в той же части свадебного обряда. Оно описывает положение невесты, которая скоро станет женой: *«Не долго веночку на стунке висеть / Не долго Авдотьюшке в девушках сидеть»* [2, 30].

После встречи жениха и невесты за свадебным столом молодой говорит: «*Уж и сколь же ты бегала / От меня не убежала / Нам с тобою думу думати / Нам с тобою **век коротати***» [Там же, 35]. Фразеологизм **век коротати** (*коротать свой век*) в данном случае предрекает однообразную жизнь [4, 316] жениха и невесты, во время которой они, скорее всего, будут скучать, но ничего не захотят изменить.

Фразеологизмы употребляются во время исполнения величальных песен, предназначенных жениху и невесте. Так, фразеологическая единица **дай Бог** употребляется в следующих строчках: «*Виноград-Иван-сударь / А ягода поспевает – Катерина его / **Дай им Бог совет-любовь***» [2, 40]. Использование фразеологизма **Бог** отражает выражение надежды на благополучное будущее молодых [4, 29].

В загадках, встречающихся в текстах свадебных песен, отражается свод определённых знаний народа об окружающей действительности. Загадки показывают именно поэтическую сторону обыденных вещей, имеющих отношение к разным этапам жизни человека. Эти иносказания развивают в людях сообразительность, перенося предмет разговора совершенно в другую реальность.

Так, например, во время переговоров дружки и того, кто «продаёт» невесту, первый уговаривает второго пустить жениха за стол. Однако «продавец» говорит, что просто так место не уступит и начинает загадывать загадки. Возникает диалог: «*Дай мне, друженька, поле яровое, другое ржаное, а третье – паренину*» [2, 34]. После этих слов друг жениха подаёт «продавцу» хлеб, пирог, пряженцы; в конце «продавец» спрашивает «*..Ну ин спрошу друженьку в последний раз: дай мне, друженька, чего у нашего хозяина в доме нет?*» [Там же, 34]. Только после этого жених садится рядом с девушкой-невестой.

Таким образом, фразеологические единицы, пословицы, поговорки и загадки выступают источником сведений о мировоззрении и культуре русского народа, в них отражаются жизненные установки и национальные ценности носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя / В. П. Аникин. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.
2. Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия / Под ред. проф. А. М. Новиковой. – М.: Высшая школа, 1971. – 495 с.
3. Снегирев, И. М. Русские народные пословицы и притчи / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 528 с.
4. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд. испр. – М.: Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

SUMMARY

Eva Mashentsova. The important value of the phraseological units in the wedding ritual texts

The article is devoted to the consideration of the wedding ritual lamentations and songs, in the language of which a special way of seeing the world by a Russian person is reflected. The phraseological units that have the value for the study of folklore works are highlighted. The analysis of proverbs, sayings and riddles that make up a special space of wedding texts is carried out.

Key words: wedding songs, lamentations, phraseological units, proverbs, sayings, riddles.

Медведева Марина

к. филол. н., доцент

кафедры иностранных языков

ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В обществе все более возрастает роль иностранных языков. Знание иностранного языка дает возможность приобщиться к мировой культуре, использовать в своей деятельности потенциал обширных ресурсов сети Интернет, а также работать с информационными и коммуникационными технологиями и мультимедийными средствами обучения. В связи с этим возникает необходимость развития методики использования информационных технологий в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: *инновационные технологии, иностранный язык, информационно-коммуникационные технологии, русский язык, коммуникация.*

В настоящее время тема внедрения инновационных технологий в обучение является достаточно актуальной, так как данный вопрос всегда находится в фокусе внимания. Современное общество характеризуется сильной динамикой развития и влиянием внешних факторов на обеспечение общекультурного развития учащихся. Модернизация, стоящего на повестке дня образования, требует внедрения новых методов, направленных на воспитание личности, овладение методологией, развитие памяти и результативного воображения. К важным способам улучшения уровня владения учащегося иностранным языком необходимо отнести: применение

мультимедиа в образовательном процессе; новейшие тестовые технологии; сочинения, переводы, представление стенгазет; инсценировки и драматизации, способствующие развитию устной речи на практике [2, 157].

Иностранный язык является не просто частью культуры, но и выступает залогом удачного построения карьеры, достижения высот в конкретной сфере деятельности. Любому преподавателю необходимо знать новейшие методы, специальные техники и приемы, ведь «педагогика является искусством» и именно креативные подходы к преподаванию приведут к качественной языковой подготовке студентов.

Инновационные технологии создают постепенное вовлечение учащихся в процесс познания. Рассмотрим некоторые из них. Проектирование является важнейшей методикой, в процессе которой студент самостоятельно создает план, думает над его реализацией, подачей преподавателю, творчески переосмысливая и приумножая весь пройденный материал. Данный метод позволяет развить личностные способности, улучшить интерес к изучению дисциплины и социокультурных знаний, а также умение работать на публику, способствующее исчезновению страха разговора на иностранном языке [3, 237].

Информационно-коммуникационные технологии считаются сильным параметром обучения, задачами которой являются: предоставление условий для творческого освоения письма, закрепление лексико-грамматического материала, формирование информационной культуры для свободной работы в телекоммуникационной среде, отработка произношения, развитие личности учащегося, а также речевых умений и навыков. Использование интерактивной доски сделает урок намного продуктивнее и увлекательнее [2, 159].

Игровые технологии могут рассматриваться как в виде школьных игр, так и деловых, предназначенных для решения более серьезных профессиональных задач. Любое познание в форме игры даст плоды, так как в процесс будет проходить в легкой традиционной форме, без напряжения и неудобств.

Сценарная технология заключается в изображении настоящих жизненных ситуаций с использованием игровых приемов. Данный метод основан на принципах делового общения. Например, при изучении темы «СМИ» студенты должны овладеть общими знаниями, уметь высказывать свое мнение по проблеме, аргументировать свои ответы, свободно рассуждать на основе прочитанного и услышанного. И поэтому урок будет построен в рамках данного метода при использовании парных и групповых форм работы.

Технология сотрудничества является не менее важным методом в изучении иностранного языка. Она состоит в объединении

3 – 4-х человек. Преподаватель дает им задание и распределяет роли. В процессе некой игры слабые учащиеся стараются выяснить у сильных то, в чем они затрудняются. Таким образом, при данной игре происходит уничтожение пробелов всего класса, всей учебной группы, меняется восприятие и отработка информации.

Кейс–техника. Обозначенный метод должен иметь связь с интересами учащихся. Например, для студентов, обучающихся по направлению «Экономика», изучение иностранного языка необходимо излагать на «кейсах» экономических систем. Создается таблица из четырех систем, в которой анализируются плюсы и минусы каждой из них. После чего делается вывод о наиболее распространенной и развитой системе [1, 38].

Обсудим тренинговую технологию обучения иностранным языкам, главной задачей которой является оказание преподавателем помощи студенту в изучении собственных потребностей. Важный момент складывается в высокой эффективности применения времени для саморазвития личности. Данная технология оказывает положительное влияние на формирование профессиональных качеств индивида. Она влияет как на учащегося, так и на преподавателя. Второй начинает лучше понимать студента, разбираться в его мыслях, влиять на сложившиеся в группе отношения, указывать на ошибки. Также можем заметить следующие методы, используемые в практике преподавания: виртуально – технология интенсивного обучения иностранным языкам с использованием видов искусств, технология сертифицированного обучения.

Таким образом, использование инновационных технологий в обучении иностранным языкам играет важную роль для развития навыков устной и письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкина, П.И. Совершенствование методики преподавания английского языка / П.И.Абалкина. – М. : ВЛАДОС, 2002 – 345 с.
2. Палагутина, М.А. Инновационные технологии обучения иностранным языкам / М.А. Палагутина, И.С. Серповская. – Текст : непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования : Междунар. научн. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.). – Т. 1. – Пермь : Меркурий, 2011. – С. 156–159.
3. Шевченко, М.С. Актуальные проблемы педагогики и методики преподавания иностранных языков в вузе // Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России : сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2021. – С. 236–239.

SUMMARY

Marina Medvedeva. Innovative technologies for learning foreign languages

The role of foreign languages in society is increasing. Knowledge of a foreign language makes it possible to join the world culture, use the potential of the vast resources of the Internet in their activities, as well as work with information and communication technologies and multimedia teaching aids. In this regard, there is a need to develop a methodology for using information technologies in teaching a foreign language.

Key words: innovative technologies, foreign language, information and communication technologies, Russian language, communication.

Мухина Дарья

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

СОВРЕМЕННЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ ПЬЕС ХХІ ВЕКА)

В статье освещаются вопросы эмоционально-экспрессивного воплощения славянского драматургического дискурса. На материале русскоязычной и украиноязычной пьесы ХХІ века анализируются дискурсивные акты, выражающие современный славянский характер.

Ключевые слова: *дискурс, драматический дискурс, дискурсивный акт, современный славянский характер.*

В ХХІ в. благодаря взаимосвязи антропоцентрических лингвистических парадигм (коммуникативной, прагматической, когнитивной, функциональной, лингвокультурологической и других) лингвистика текста в очередной раз становится приоритетным направлением науки о языке. Ей возвращается изначальный филологический статус, который укреплялся и развивался, прежде всего, учёными отечественных научных школ: классических (А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ) и современных – собственно текстологических (Л. Г. Бабенко, Т. М. Николаева, В. А. Лукин) и дискурсивно ориентированных (Н. Ф. Алефиренко) [1, 3].

Изучение дискурса является неотъемлемой частью исследования текста. В дискурсе, в свою очередь, изучается форма и функция языка в коммуникации за пределами его грамматических форм, таких как

морфемы. Эта область исследований, немалый вклад в которую внёс голландский лингвист Т. ван Дейк, интересуется тем, как более крупные единицы языка, включая лексемы, синтаксис и контекст, вносят вклад в создание речевых ситуаций и процесса коммуникации. Изучение дискурса полностью зависит от контекста, поскольку процесс общения включает в себя ситуационное знание, помимо сказанных слов. Зачастую значение не может быть построено только из обмена словесных высказываний, потому что существует множество семантических факторов, вовлеченных в подлинное общение – контекст, концепты, знакомая информация или знания, которыми обмениваются говорящий и слушающий.

Дискурс можно использовать для обозначения определенных контекстов в конкретном языке, и в этом смысле он становится похожим на такие понятия, как жанр или тип текста. Например, мы можем концептуализировать политический дискурс (вид языка, используемый в политическом контексте), медиа-дискурс (язык, используемый в СМИ) или художественный дискурс (язык, используемый в художественных произведениях).

Во второй половине XX века термин «дискурс» часто употреблялся в значении «функциональный стиль» как особый тип текстов с соответствующей каждому типу лексической системой, грамматикой и другими языковыми особенностями. Так, драматургический дискурс представляет собой стилизованную разговорную речь, письменная фиксация которой предполагает наличие диалога персонажей, поясняемого авторскими ремарками.

Драматургический текст является важнейшим источником дискурсивных знаний о субъектах речепорождения (авторе, создающем этот текст, и читателе, извлекающем из него ту или иную информацию), осуществляющих одну из самых сложных коммуникаций в области словесного искусства – драматургический диалог.

Речевые и дискурсивные акты (далее – РА и ДА соответственно) являются основой процесса коммуникации в повседневной жизни, что помогает направить сообщение и правильно его декодировать. Средствами данного процесса выступают лексические единицы, выраженные различными частями речи, а в ДА также не менее активно задействуется и паравербалика (жесты, мимика, звуки).

Система речепроизводства, состоящая из РА и ДА, присуща не только в живой речи собеседников, но и, например, в речи персонажей литературных произведений, выраженной монологом, диалогом (наиболее продуктивная форма коммуникации собеседников) и полилогом. Диалог – это не только процесс, где человек составляет предложения в связный текст, но и также порождает их и применяет согласно контексту, обстоятельствам, которые влияют на речевое высказывание, производит быстрые решения о постепенном применении

высказываний в речи и регулирует их уместность в тематике общения; это прямая форма общения, одна из «макроформ» коммуникации, поскольку представляет взаимосвязь двух людей посредством языка.

Так, например, драматургическое произведение состоит из множества отдельных речевых актов и блоков дискурсивных актов, которые передают интенцию речевого высказывания и взаимодействие данных актов в контексте. Следовательно, коммуникация персонажей является основой их характеристики, раскрытия образа, порождает развитие сюжета и ход действий, изображения современного национального характера.

Так, на материале русскоязычной (В. Сигарев «Пластилин») и украиноязычной (И. Солодченко «Три кроки у маренні») драм ХХІ века были проанализированы дискурсивные акты, характерные для современного славянского дискурса. Приведем примеры ДА из анализируемых текстов:

1) дискурсивный акт аккузативного типа из драмы В. Сигарева «Пластилин» [2]:

ВТОРАЯ. Я своную одежду-то возьму?

ПЕРВАЯ. *Еще чего! Пропить.* У меня еще внуки есть. Им будет.

ВТОРАЯ. *А я че, никто уже?*

ПЕРВАЯ. *Никто.*

ВТОРАЯ. Я – мать!

ПЕРВАЯ. *Говно ты, а не мать! Таким матерям матки надо вырезать сразу.*

ВТОРАЯ. Так че, не отдашь, что ли?

ПЕРВАЯ. Не отдам. *Иди давай отсюда. Не позорь. Срамота.*

ВТОРАЯ. Я на кладбище еще поеду.

ПЕРВАЯ. *Да што ты?* И в столовую?

ВТОРАЯ. И в столовую. Имею право.

ПЕРВАЯ. *Попить на халяву?*

ВТОРАЯ. Помянуть.

ПЕРВАЯ. *Ну, помяни, помяни. (Пошла.)*

ВТОРАЯ (догоняет). Так че, не отдашь одежду-то?

ПЕРВАЯ. Не отдам.

ВТОРАЯ. Не отдашь, да?

ПЕРВАЯ. *Отстань, шалава!*

ВТОРАЯ. *Я в суд на тебя подам. (Вдруг кричит). Ты его угробила, ведьма! Ты! Я знаю! Сука старая! Ведьма! Ты! Ребенка моего единственного угробила! Ты! (Падает, плачет.)*

2) дискурсивный акт аккузативного типа из драмы И. Солодченко «Три кроки у маренні» [3]:

Дарина. Даринка в шоці. *Ніхто не хоче працювати, а як зарплата – то перші біля банкомату. (Дивиться у вікно) Ти диви, знову на ганку кубляться з кавою і пальть. Ненавиджу чоловіків, які пальть!*

Юрій. Даринко, звичайно не люблять жінок, які палять...

Дарина. *А я ненавиджу чоловіків, які палять! Нікчеми! Ні на що без нас, жінок, не спроможні. Що з цими менеджерами робити? Вони псують мені нерви! Тільки б грошки задарма отримувати.*

Юрій. Нічого, от Тарас придумає нам формулу...

Дарина. *Хто? Тарас? Цей нікчема? Що він здатний вигадати, цей недоріка? До речі, він досі не дотримується дрес-коду! І далі ходить у джинсах та якихось хламидах... Його не можна навіть показати поважним клієнтам... Голодранець чортів.*

<...>

Дарина (ображено). В Даринка є проханнячко... Ти ж знаєш, я забула, що таке родина...Цілодобово на роботі... *Чоловік бовтається десь сам по собі...Вже завів собі якусь аспірантку, кандидат географічних наук гробаний...*

Юрій. А що, є такі кандидати? Кандидати географічних наук? І що вони роблять? Нові землі відкривають?

Дарина. *Отож бо! Нарив собі на новій землі вже якусь хвойду.*

Юрій. І що? на що ти натякаєш?

Дарина Так я теє... Можна Ростик попрацює в нас менеджером?...

Юрій. Та ж у нас – повний штат менеджерів!

Дарина. Ну, Юрочко.....У хлопчика депресія... Він зустрічається з дівчиною, хоче бути самостійним, збирається одружуватися... Не увесь же час йому твоїм водієм бути!

Юрій. Добре, добре... До речі, не завадило б підвищити Тарасові зарплату.

Дарина. *Цьому пічкурові? За що? Юльця на нього постійно скаржиться. До речі, це він закріпки повикидав разом з угодами. Додому йде вчасно. Він аж ніяк не уболіває за нашу фірму!*

Приведенные примеры дискурсивных актов свидетельствуют о том, что в современном славянском национальном характере и дискурсе преобладает неодобрительное, оскорбительное отношение к объекту высказывания, что и стремятся показать авторы проанализированной русскоязычной и украиноязычной драмы. Авторы данных произведений с помощью подбора возраста, социального статуса, гендерного аспекта, употребления набора языковых единиц, характеристики персонажей как языковых личностей, смогли показать и передать современную тенденцию общения новых поколений. Данный результат логичен, поскольку взаимоотношения и коммуникация людей в современном мире, к сожалению, принимает всё более отрицательный, агрессивный характер.

Однако проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в более детальном изучении современного славянского характера на материале других пьес, а также в проведении анализа дискурсивных актов на вербально-семантическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованева, М. А. Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Голованева Марина Анатольевна ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет». – Волгоград, 2013. – 40 с. : ил. – Библиогр.: с. 40. – Место защиты: Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Текст : непосредственный.
2. Сигарев, В. В. Пластилин / В. В. Сигарев. – 2000. – Текст : электронный. – URL: <https://libcat.ru/knigi/poeziya/dramaturgiya/318485-2-vasilij-sigarev-plastilin.html#text> (дата обращения: 22.11.2021).
3. Солодченко, И. Три кроки у маренні / Ірина Солодченко – 2011. – Текст : электронный. – URL: <http://www.ukrcenter.com/Література/Ірина-Солодченко/49005-2/Три-кроки-у-маренні> (дата обращения: 22.11.2021).

SUMMARY

Darya Mukhina. Modern Slavic drama discourse (on the material of Russian and Ukrainian dramas of the XXI century)

The article highlights the issues of the emotionally expressive embodiment of the Slavic dramatic discourse. Discursive acts, based on the material of Russian and Ukrainian plays of the 21st century, expressing the modern Slavic character are analyzed.

Key words: discourse, dramatic discourse, discursive act, modern Slavic character.

Наден Анна

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Кочетова С. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

КРИТИКА К.Д. БАЛЬМОНТА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Несмотря на явно растущий интерес к творческому наследию К. Бальмонта, литературно-критические работы остаются наименее освоенной его частью. Символисты, за редким исключением, не приняли критику Бальмонта, им в ней не хватало мистики.

Ключевые слова: символизм, критика, импрессионизм.

К. Бальмонт по преимуществу поэт-лирик, но лирикой его творчество не исчерпывается: он прозаик, критик, переводчик. В 1890-е годы у него начала складываться система символистско-импрессионистической поэтики, которая резко противостояла господствующим в то время художественным формам. Этот поиск совпал с пересмотром традиционных представлений о человеке и мире. На первое место выдвинулось субъективное, личностное начало, мир души, ее чувств и переживаний.

Первые попытки осмысления значения творчества К. Бальмонта, рассмотрения его художественных особенностей были сделаны уже его современниками, поэтами и критиками начала XX века: «Поэты скорпиона» Е. Аничкова, «К. Д. Бальмонт» В. Брюсова, «Бальмонт-лирик» И. Анненского, «К. Бальмонт» К. Чуковского, «В покинутой кумирне» А. Измайлова, «Книга великого гнева» А. Волынского, «Победители или побежденные?» С. Венгерова, «К.Д. Бальмонт» Н. Пояркова, «Слово о Бальмонте» М. Цветаевой, «Константин Бальмонт» Эллиса, «О последних книгах К. Бальмонта» В. Ходасевича, «После Чехова» Ю. Александровича, «К. Бальмонт» К. Чуковского, «Вожди новой школы» Н. Гумелева и др.

И. Анненский в статье «Бальмонт – лирик» приводит слова Анри Альбера некогда адресованные Ф. Ницше, но, по его мнению, так же относящиеся и к Бальмонту: *«Его влияние на нашу молодую литературу было уже значительным. Оно будет возрастать с каждым днем»* [1, 524]. И все же, как признают отечественные и зарубежные исследователи Серебряного века (А. Лавров, К. Азадовский, Г. Бонгард-Левин, Н. Богомолов, Р. Бёрд и др.), историками литературы мало сделано для исследования творчества К. Бальмонта. Прежде всего, нет научно подготовленного издания собрания сочинений автора.

Важным шагом в изучении жизненного и творческого пути поэта является монография «“Поэт с утренней душой”: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта» П. Куприяновского, Н. Молчановой [10]. Продолжением библиографии А. Фомина, доведенной в свое время до 1914 года, является «Библиография К.Д. Бальмонта» [5].

К 140-летию К. Бальмонта издан указатель «Константин Дмитриевич Бальмонт в трудах исследователей ивановского региона» [8], который демонстрирует значительное внимание к творчеству автора. Здесь важное место занимают работы религиозоведческого, фольклорно-мифологического и философского направления (Н. Крохина, Н. Молчанова, Т. Петрова, С. Тяпков); разработки и пособия методического характера для педагогов дошкольного и воспитания (Н. Гущина, И. Дубровская, С. Хромова). Также за последние десятилетия

были защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные творчеству автора.

Несмотря на явно растущий интерес к творческому наследию К. Бальмонта, исследовано оно не равномерно, литературно-критические работы остаются наименее освоенной частью. К. Бальмонт оставил три книги критических статей («Горные вершины» (1904 г.), «Белые зарницы» (1908 г.), «Морское свечение» (1910 г.)), а также статьи, которые печатались в различных альманахах, журналах и газетах России и зарубежья («Русские ведомости», «Жизнь», «Мир искусства», «Весы», «Золотое Руно», «Вести Европы», «Современный мир», «Сегодня» и др.).

Цель статьи – рассмотреть, как современники восприняли литературно-критические статьи К. Бальмонта, какую оценку дали его работам.

Первая книга – «Горные вершины» [4] – неожиданно вызвала широкий отклик в печати. А. Блок писал: «Критик, вооруженный большой художественной эрудицией, воскрешает перед нами в творческих образах целый пантеон мировой литературы и искусства». Блок увидел в работах К. Бальмонта знамение времени, знак смещения «вектора» критических суждений, «яркое и полное проявление «...» художественного индивидуализма» противостоящее подходу к литературе как исключительно «социальному фактору» [6, 536–538.]. К сожалению, Блок был едва ли не единственным, кто ощутил глубокую оригинальность статей К. Бальмонта. Чаще встречались отрицательные оценки. Так, неизвестный критик писал в «Русской мысли» о «слепой самоуверенности» человека, решившего «высказать свои мнения», которые содержат «большие звучности, чем мысли, и больше надуманности, чем искренности» [3, 329]. Еще более резко звучит отзыв известного в то время священника-публициста, который обвиняет Бальмонта в том, что он смешивает «свинское» с «божеским», и даже уже считает «свинское» «божеским» [2]. И все же, несмотря на многочисленные придирчивые отзывы в критике тех лет, Блок был не единственным, кто оценил дар К. Бальмонта, дар «психологического проникновения в сущность души человеческой», дар воскресить «целый пантеон мировой литературы» [11, 65]. В целом, стремление К. Бальмонта рассмотреть всю мировую литературу под «символистским» углом зрения совпадает с теми поисками предшественников, корней, способных питать русскую литературу, которые осуществляли его современники. Существовали работы, знакомящие читателя с литературой Испании Золотого Века и Англии Елизаветинской эпохи, труды, посвященные новейшим явлениям европейской литературы (статьи Зинаиды Венгеровой). В «Вечных спутниках»

Д. Мережковского была воссоздана панорама мировой литературы прошлых эпох в ее выдающихся представителях. Статьи В. Брюсова о французских поэтах-символистах обрисовывали художественные перспективы, открываемые новой литературной школой.

К. Бальмонт серьезно относился к статьям, вошедшим в «Горные вершины», и считал их началом длинного ряда статей о литературе, искусстве и религии. Ознакомившись со статьей В. Брюсова «Страсть» («Весы», 1904 г., №1), он обнаружил близкую ему идею о праве художника воссоздавать наряду с духовным и телесно-чувственное начало в природе человека и убеждал его собрать том статей по самым основным вопросам творчества. Такую книгу – «Далекие и близкие» [7] – Брюсов издал лишь в 1912 году, в то время как уже были выпущены две следующие критические книги Бальмонта: «Белые зарницы» (1908 г.), «Морское свечение» (1910 г.). К сожалению, эти две книги не были удостоены критического внимания.

В кругу символистов были критики, писавшие в духе Бальмонта, например Н. Поярков с его книгой «Поэты наших дней» [12] (1907 г.). Но в целом символисты не приняли критику Бальмонта, им в ней не хватало мистики. А. Блок считал, что в критических работах К. Бальмонта недостает глубины и основательности мистического плана («неизвестных далей»).

В подавляющем большинстве статьи, написанные К. Бальмонтом, включая и критические книги, не переиздавались, совсем немногие включены в сборники поэзии, часто в сокращенном варианте. Лишь небольшая их доля была рассмотрена в ряде исследований.

Так, упомянутая выше монография П. Куприяновского, Н. Молчанова «“Поэт с утренней душой”: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта» [10] не содержит развернутого анализа литературно-критических статей и книг К. Бальмонта. В монографии В. Крылова «Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры» [9] интерес автора привлекают лишь манифесты К. Бальмонта. Ряд статей посвящен отдельным аспектам литературной критики автора: М. Михайлова «Литературно-критические взгляды К.Д. Бальмонта» [171], Е. Смирнова «К. Бальмонт о светозвук (на материале статьи “Светозвук в природе и световая симфония Скрябина”)» [13] и др.

Все это привело к тому, что по сей день не существует целостного представления о том, каким критиком был К. Бальмонт, что привлекало его внимание в современном литературном процессе, как он оценивал прошлое русской и мировой культуры. Ответы на эти и другие вопросы тем более необходимы, что в русском символизме все грани наследия поэта равно важны, критика является другой стороной мыслей и идей, выраженных в поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский, И. Бальмонт-лирик / И. Анненский // Избранные произведения / [сост., вступ. ст., коммент. Федорова А.]. – Л. : Худож. лит., 1988. – С. 486–522.
2. Артабян /Г. Петров/ Гнилая душа // Русское слово. – 1904. – №43.
3. Б. а. [Рецензия] // Русская мысль. – 1904. – №10. – С. 329.
4. Бальмонт, К. Д. Горные вершины. Искусство и литература. Сборник статей / Константин Дмитриевич Бальмонт. – М. : Изд. «Гриф», 1904. – 304 с.
5. Библиография К. Д. Бальмонта. Произведения поэта на русском языке, изданные в России, СССР и Российской Федерации (1885 – 2005 гг.). Т. 1. / [отв. ред. Тяпков С. Н.; сост.: Тяпков С. Н., Романов А. Ю., Епишева О. В.; М-во образования и науки Рос. Федерации, Иванов. гос. ун-т, Рос. фонд культуры]. – Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2006. – 488 с.
6. Блок, А. Собрание сочинений : В 8 т. / Александр Блок. – М., Л., 1962.
7. Брюсов, В. Статьи и рецензии 1893-1924; Из книги «Далекие и близкие»; Miscellanea. Т. 2 // Сочинения : В 2-х т. / Валерий Брюсов ; [вступ. статья Максимова Д.; сост. Максимова Д. и Помирного Р.; коммент. Помирного Р.]. – М.: Худож. лит., 1987. – 575 с.
8. Константин Дмитриевич Бальмонт в трудах исследователей ивановского региона: К 140-летию Константина Дмитриевича Бальмонта : Библиографический указатель / [Иван. гос. ун-т; «Бальмонт-центр»; научная библиотека ИВГУ; Шуйский гос пед. ун-т; Библиотека; Сост.: Кузнецова Л. В., Латкова И. Б., Романов А. Ю., Тапаева Ф. Г., Тяпков С. Н.]. – Иваново, 2007. – 100 с.
9. Крылов, В. Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры / Крылов В. Н. – Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2005. – 268 с.
10. Куприяновский, П. В., Молчанова, Н. А. «Поэт с утренней душой» : Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – М. : Индрик, 2003. – 464 с.
11. М. Р. [Рецензия] // Весы. – 1904. – №4. – С. 65.
12. Поярков, Н. Поэты наших дней. Критические этюды / Н. Поярков. – М., 1907. – 152 с.
13. Смирнова, Е. Е. К. Бальмонт о светозвуке (на материале статьи «Светозвук в природе и световая симфония Скрябина») / Е. Е. Смирнова // Филологические штудии: Сборник научных трудов. – Иваново : Иван Ивановский государственный университет, 2006. – Вып. 10 – С. 10. – Т. 5. – 1962. – С. 536–538.

SUMMARY

Anna Naden. Criticism of K.D. Balmont in the assessments of contemporaries

Despite the clearly growing interest in the creative heritage of K. Balmont, literary critical works remain the least mastered part of it. The Symbolists, with rare exceptions, did not accept Balmont's criticism; they lacked mysticism in it.

Key words: symbolism, criticism, impressionism.

Овчаренко Анастасия

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Кораблёв А. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ИНОПЛАНЕТЯНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКЕ В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ ИХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

В работе описывается бытийный статус инопланетян в отечественной фантастике, рассматриваются их особенности. Результаты исследования обобщаются в виде классификации пришельцев по степени реальности.

Ключевые слова: фантастика, инопланетянин, бытийный статус.

В данной работе рассматривается бытийный статус инопланетян в фантастике, поднимается вопрос об их специфике. Тема актуальна в связи с повышением интереса к фантастике и литературе о пришельцах в частности.

Целью исследования стало изучение степени реальности инопланетян, чем обусловлены его задачи – поиск описаний инопланетян в фантастике; классификация образов в порядке убывания реалистичности.

Феномен инопланетян вызывает интерес исследователей. Е. В. Верещагина изучает средства создания пришельцев – «зооморфные и антропоморфные элементы» [1, 16], поднимает вопрос о влиянии образов на сознание, о специфике контакта. Подобные проблемы затрагиваются и у Дж. Э. Слассера («Aliens: the anthropology of science fiction»).

Вопрос наличия или отсутствия в фантастической действительности связан с природой фантастического. Фантастика – «специфический метод художественного отображения жизни, использующий художественную форму-образ... в котором элементы реальности

сочетаются несвойственным ей... способом, – невероятно, “чудесно”, сверхъестественно» [2, URL]. Но иногда происходящее в художественном произведении является фантастикой и для самих героев. Например, пришелец может существовать только в виде предположения или оказаться сном. В связи с этим возникает необходимость систематизации инопланетян по бытийному статусу. Расположим их в порядке убывания степени реальности. Мы можем выделить:

1. Реально существующих:

1.1. Изначально существующих, не созданных героями. Это могут быть:

-существа, не претерпевшие изменений: встречаются в большинстве фантастических произведений, в частности, у А. Ливадного, С. Лукьяненко: *«Хонди – разумные насекомые»* (А. Ливадный, «Смертельный контакт»);

-изменённые человеком или планетой;

1.2. Созданных человеком, в том числе – роботы, если считаются инопланетянами (герои произведений С. Снегова, К. Булычёва);

1.3. Созданных планетой. Так, в повести К. Булычёва «Алиса на живой планете» планета сама создаёт своих обитателей;

1.4. Созданных планетой, опирающейся на мысли человека: *«толстенный стебель с зеленой “бомбой” на конце. Вчера бомба лопнула, брызнув во все стороны померанцевым соком, и... развернула шестиметровый тент бледно-лилового цвета»* (О. Ларионова, «Сотворение миров»). Описываемые существа реальны, но появились только после появления на планете человека. Планета создала их, опираясь на память человека;

1.5. Произошедших от человека: после переселения на другую планету люди мутируют, поэтому уже не могут называться людьми. Такой вариант развития событий предполагают земляне в рассказе Д. Глуховского «Не от мира сего».

2. Другую группу составляют инопланетяне, **существующие лишь условно**. Это проекции, созданные планетой или её обитателями: такие инопланетяне выглядят как живые существа, но ими не являются (это совокупность атомов).

3. Можно выделить и **несуществующих инопланетян**, которые появляются только в сознании героев, а в реальности отсутствуют:

-существуют только в воображении, мечтах, мыслях;

-приснились, как у В. Язвицкого («Путешествие на Луну и на Марс»);

-существуют в виде гипотез: *«так как живые существа испытывают на Марсе “тяжесть Земли” втрое меньшую, то возможно, что они имеют и рост втрое больший... Жители Марса... должны обладать более развитым мозгом, а следовательно, и большим объемом головы...»* (В. Беляев, «Прыжок в ничто»).

Таким образом, не все инопланетяне в литературе равны по своему бытийному статусу. Иногда инопланетянин существует только во сне, а иногда вполне реален, но только как совокупность разнородных атомов. Знание бытийного статуса может помочь в определении задач автора: если образ не является реальным, это подсказка, что решить проблему можно, без помощи инопланетян. Они – средства, которые указывают правильное направление.

Перспективами исследования является изучение взаимодействия между героем и инопланетянином в зависимости от их реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина, Н. В. Способы конструирования инопланетного: антропоморфизм и антропология / Н. В. Верещагина // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2018. – № 1. – С. 11–18.

2. Нудельман, Р. И. Фантастика / Р. И. Нудельман. – Текст : электронный // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. – URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke7/ke7-8872.htm> (дата обращения: 15.11.2021).

SUMMARY

Anastasia Ovcharenko. Aliens in Russian fiction in the aspect of the correlation of their realities

The paper describes the existential status of extraterrestrials in Russian fiction, examines their features. The results of the study are summarized in the form of a classification of aliens according to the degree of reality.

Key words: fiction, alien, existential status.

Панасенко Диана

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Лазарева Л. К.

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет»,*

г. Донецк, ДНР

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНОЛОГИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ»

В данной статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты электротехнической терминологии. Отмечается, что в данной терминосистеме представлены как однословные, так

и многокомпонентные терминоединицы. Описываются наиболее продуктивные способы образования терминов дисциплины «Теоретические основы электротехники».

Ключевые слова: термин, словообразование, электротехника.

Терминология или терминологическая лексика представляет собой систему специальных наименований, являясь вспомогательной частью любой отрасли знания, любой научной, производственной или технической дисциплины, способствующей выполнению ими основных теоретических и практических задач. При этом любая терминологическая система является неотъемлемой частью общего лексического фонда современного русского языка. Проблемам становления, построения, упорядочения и описания русской терминологии посвящены труды Д.С. Лотте, Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, В.П. Даниленко, Л.Л. Кутиной и многих других. Однако и в настоящее время на новом уровне развития лингвистической науки интерес к изучению особенностей терминологий разных сфер знаний, в том числе и традиционных технических наук, не исчез.

Одной из таких традиционных технических наук является дисциплина «Теоретические основы электротехники».

Терминология электротехники представляет собой упорядоченную устойчивую систему, пересекающуюся с терминологиями многих наук. А электротехнические термины являются принадлежностью различных дисциплин, связанных с важнейшей современной энергетической отраслью – электроэнергетикой. Это и объясняет **актуальность** исследований в сфере терминологии этой отрасли.

Современная электротехническая терминология, являющаяся упорядоченным, системным корпусом лексической системы русского языка, выполняет очень важные задачи: способствует соблюдению стандартов, недопущению разночтений в действующих нормах и правилах работы электроустановок, является носителем конкретной информации о назначении определенного объекта, устройства, прибора, аппарата, машины, приспособления, используемых в электроэнергетике.

Целью данной статьи является выявление особенностей электротехнических терминов и их элементов, описание процессов терминообразования и анализ терминов, входящих в состав терминосистемы «Теоретические основы электротехники».

Материалом для анализа послужили терминологические единицы, отобранные по различным источникам. Картотека составила 210 единиц.

Исходными являются следующие положения. Термин, представляя собой слово или словосочетание специальной сферы употребления, выполняющий номинативную и дефинитивную функции, является

членом определенной терминологической системы, соотнесенной с соответствующей логико-понятийной системой какой-либо отрасли знания. Терминология в целом, как совокупность терминов или терминологических систем, вслед за Д. С. Лотте, В. П. Даниленко, Б. Н. Головиным и другими исследователями рассматривается в качестве основной информативной части лексики «автономной функциональной разновидности общелитературного языка – языка науки» [2, 202].

По структуре и способам образования терминология электротехники представлена и однословными терминами, и различными по составу терминологическими словосочетаниями. Говоря об образовании терминов, отметим, что в данной терминосистеме представлены все основные способы: лексико-семантический, морфологический, синтаксический. Рассмотрим особенности терминообразования в сфере электротехники подробнее.

В первую очередь отметим однословные наименования единиц измерения различных физических величин, образованных способом эпонимизации и активно функционирующих в данной терминосистеме в составе терминологических и номенклатурных единиц: *ампер, ватт, вольт, герц, ом, кулон*. Вторую группу составляют *аббревиатуры*: *ЗРУ (закрытое распределительное устройство), ВРУ (водно-распределительное устройство), ВЛ (воздушная линия); акронимы: РУ (распределительное устройство), ЛЭП (линия электропередачи)*. Значительную группу однословных терминов составляют слова, образованные при помощи аффиксации: *заземлитель, зануление, изоляция, напряжение, ошиновка, предохранитель, пробой, проводник, полупроводник, разрядник*. Сложные слова отмечены и как однословные номинации, и в составе терминологических словосочетаний: *светодиод, сверхток, токоведущая часть, ферромагнитное реле*.

В данной терминосистеме используется значительное количество заимствований. Рассмотрим некоторые примеры. *Анод* – образовано от греческого *anodos* – движение вверх, восхождение и введен английским физиком Фарадеем в учение об электричестве (в 1832 г.) *Katod* – заимствовано в середине XIX в. из английского языка, где *cathode* – неологизм Фарадея на базе греческого *katodys* «спуск вниз, возвращение». *Трансформатор* – образовано от латинского *transformo* – преобразую. *Частота* – этот термин отмечен в техническом языке 17 века, заимствован из латинского «*frequēntia*», что означает «частота». Это абстракция от латинского «частый» = «часто» связана с латинским «*frāctare*», означающим «набивка». *Электрод* – происходит от английского *electrode* «путь электронов, электрод», из *electro-* + *-ode*. Первая часть термина древнегреческого происхождения ἤλεκτρον «электро, блестящий металл; янтарь». Вторая часть – с древнегреческого ὁδός «дорога, путь», с праиндоевропейского *ked-/sed- «ходить». *Реоэстат* – образовано от греч. *rhēos* – поток и латин. *status* – неподвижное положение,

стояние. *Патрон* – заимствовано из французского языка, где *patron* восходит к латинскому *patronus*, имеющему значение «покровитель, защитник» и образованному суффиксальным способом от *pater* – «отец». *Изолировать* – в русском языке слово появилось в XIX в., заимствовано из немецкого языка. *Изолировать* – отделять что-то (кого-то) от внешнего мира.

Терминологические сочетания электротехнической терминологии образуются по традиционным для русского языка моделям. Здесь реализованы основные синтаксические связи: *согласование (активный диэлектрик, внутреннее сопротивление), управление (источник питания, заземление на корпус)*. В отдельных случаях при образовании поликомпонентного терминологического словосочетания отмечается *комбинация согласования и примыкания (глухо защищенная нейтраль)*. В данной терминосистеме распространены как простые по составу словосочетания: *распределительный щит, амплитуда импульса*, так и сложные: *демонтаж силового кабеля, баланс мощности энергосистемы*.

Отметим, что в основе образования основной части анализируемых терминологических сочетаний лежат такие базовые модели: $A+N$, $N+Nn$. В терминосочетаниях, образованных в соответствии с моделью $A+N$, употребляются различные в структурном отношении имена прилагательные: а) *простые: короткое замыкание, двойная изоляция, коммутационный аппарат*; б) *сложные: водно-распределительное устройство, электрозащитные средства*. Отмечены также адъективные компоненты – причастия: *главная заземляющая шина, разделяющий трансформатор, токоведущая часть*. В качестве определяемого компонента словосочетания выступают простые или сложные имена существительные: *защитное отключение, индукционное реле*.

Значительное количество ТС данной терминологии составляют конструкции, построенные по модели $N+Nn$. В этих словосочетаниях употребляются имена существительные в родительном падеже: *выключатель нагрузки, выравнивание потенциала, импульс напряжения*. Встречаются ТС с составным компонентом именем собственным: *закон Ома, сила Лоренца, правило Ленца*.

Единичными примерами представлены конструкции, построенные по модели $N+N$: *соединение звезд, измерение и сравнение*.

В заключение отметим, что анализ исследуемой терминологии подтверждает общепринятое положение о том, что способы и средства терминообразования не отличаются от средств и способов, используемых в русском языке в целом. В данной терминосистеме не отмечены такие способы и средства образования терминов, которые вступали бы в противоречие с общезыковой традицией, хотя и отмечены некоторые особенности. Перспективным направлением

исследования данной проблемы считаем определение продуктивности всех способов образования терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонов, Л. А. Теоретические основы электротехники. Электрические цепи / Л. А. Бессонов. – М. : Высшая школа, 1996. – 638 с.
2. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
3. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2006 – 944 с.
4. Словарь электрика. Электротехнические термины и слова. – Текст : электронный. – URL: <https://master-220.ru/art/index.php?page=dictionary-electrician> (дата обращения: 20.10.2021).
5. Советский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с., с илл.
6. Шанский, Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – Текст : электронный. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения: 21.10.2021).

SUMMARY

Diana Panasenکو. About some features of the terminology of the discipline “Theoretical Foundations of Electrical Engineering”

This article discusses some of the theoretical aspects of electrical terminology. It is noted that this term system includes both single-word and multicomponent term units. The most productive ways of forming the terms of the discipline “Theoretical Foundations of Electrical Engineering” are described.

Key words: term, word formation, electrical engineering.

Пивень Анна

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Герасименко И. А.

*ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГОДОНИМОВ ГОРЛОВКИ

В данной статье автор работы предпринимает попытку проанализировать и классифицировать основные структурно-грамматические типы простых годонимов Горловки.

Ключевые слова: *годоним, структурно-грамматическая классификация, номенклатурный термин, проприальная часть, простые годонимы.*

В настоящее время вопрос о структурно-грамматической классификации топонимов относится к числу актуальных. В науке о языке уже были предприняты попытки систематизации продуктивных моделей, а также толкования значений топоформантов и их функций.

Целесообразно отметить, что А. М. Мезенко в работе «Урбанонимия Белоруссии» (1991 г.) выделяет простые и сложные типы урбанонимов, в число которых входят и топонимы. В свою очередь, простые типы урбанонимов автор подразделяет на:

- 1) атрибутивный тип: проприальная часть – это имя прилагательное, тип связи – согласование;
- 2) генитивный тип: проприальная часть – это имя существительное, тип связи – управление;
- 3) нумеративный тип: проприальная часть – это имя числительное, тип связи – полное или неполное согласование [4].

В свою очередь, Н. Ю. Забелин в работе «Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы» (2007 г.) и Л. В. Егорова в исследовании «Опыт сопоставительного исследования топонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл)» (2018 г.) выделяют однословные и композитные топонимы как основные типовые модели (структурные подгруппы) [3, 19–21]. Среди однословных моделей авторы различают адъективную однословную и субстантивную однословную модели.

Атрибутивная однословная модель – это модель номинации линейного адресного объекта, в состав которой входит номенклатурный термин и проприальная часть, выраженная именем прилагательным. А В. Суперанская в работе «Как вас зовут? Где вы живете?» обращает внимание на тот факт, что в урбанонимии однословная модель характеризуется данным образом с определённой долей условности, так как «урбаноним предполагает обязательное наличие номенклатурного термина» [6]. Данная атрибутивная модель включает разные топоформанты. В их числе *-н-, -ян-, -онн-, -енн-, -к-, -ск-, -овск-, -евск-, -инск-, -ов-, -ев-*.

В свою очередь, субстантивная однословная модель, по мнению Л. В. Егоровой, является более сложным механизмом образования и функционирования номинаций линейных адресных объектов. В состав данного типа модели входят:

- 1) субстантивная мемориальная генитивная модель;
- 2) субстантивная генитивная модель;
- 3) субстантивная номинативная модель.

Вслед за А. М. Мезенко и Н. Ю. Забелиным мы предпринимаем попытку разработки и дополнения структурно-грамматической классификации простых топонимов Горловки. Предметом исследования данной статьи является рассмотрение и классификация основных типовых моделей простых топонимов Горловки.

Все топонимы города Горловки можно разделить на простые и композитные (сложные) наименования. К простым мы относим наименования линейных адресных объектов, представленных по следующей схеме: номенклатурный термин с наименованием топонима, выраженного различными проприальными элементами. Беря за основу вышеобозначенные классификации простых топонимов и их распределение на простые и композитные (сложные) языковые единицы, мы все наименования линейных адресных объектов города Горловки подразделяем на атрибутивный, генитивный и субстантивный типы. Рассмотрим их более предметно.

Атрибутивные топонимы Горловки являются самой многочисленной группой с точки зрения структурно-грамматического аспекта. Этот тип топонимов включает наименования линейных адресных объектов со следующими топоформантами:

1) **-н-, -ян-, -онн-, -енн.** Например, ул. *Авангардная*, ул. *Авиационная*, ул. *Автогенная*, ул. *Азотная*, ул. *Активная*, ул. *Алмазная*, пер. *Алфавитный*, ул. *Аэродромная*, пер. *Базарный*, ул. *Вербная* (230 единиц, или 30,9% от общего числа атрибутивных топонимов);

2) **-к-, -ск-, -овск-, -евск-, -инск.** Например, ул. *Авдеевская*, ул. *Агрономическая*, ул. *Аджарская*, ул. *Адмиралтейская*, ул. *Адыгейская*, пер. *Адыгейский*, ул. *Азовская*, ул. *Академическая*, ул. *Акмолинская* и другие (409 единиц, или 55% от общего числа анализируемых атрибутивных топонимов);

3) **-ов-, -ев-.** Например, проезд *Абрикосовый*, ул. *Береговая*, ул. *Буковая*, проезд *Грушевый*, ул. *Дубовая*, ул. *Звонковая*, ул. *Калиновая*, пер. *Луговой*, ул. *Маковая*, ул. *Межевая*, ул. *Мостовая*, ул. *Новосадовая*, пер. *Ореховый*, пер. *Парафиновый* и другие (58 единиц, или 7,79% от общего числа анализируемых атрибутивных топонимов).

В свою очередь, **генитивный** тип в нашей картотеке также является весьма распространённым. Данный тип топонимов образуется с помощью номенклатурного термина и проприальной части, выраженной именем существительным в Родительном падеже. Их особенностью является наличие определённого типа связи – управления. Например, ул. *Абраимова*, ул. *Авдеева*, ул. *Аэрофлота*, ул. *Беспощадного*, ул. *Жлобы*, ул. *Кобылянской*, ул. *Кокорина*, ул. *Колесовой*, ул. *Ленина*, ул. *Саянова*, ул. *Стожка* и другие. Статистические подсчёты позволяют заключить, что общее количество топонимов генитивного типа составляет 712 единиц, или 43,55% от общего числа линейных адресных объектов нашей картотеки.

В материалах картотеки также представлены примеры топонимов **номинативного** типа. Данный тип топонимов образован по схеме: номенклатурный термин с проприальной частью, выраженной существительным в Именительном падеже. Например: ул. *Васильевка*, ул. *Великан*, ул. *Коллонтай*, ул. *Новостройка*, ул. *Радиус*, ул. *Сагайдак*, ул. *Спасгородок* и другие. Общее количество топонимов

номинативного типа составляет 7 единиц, или 0,5% от общего числа названий линейных адресных объектов нашей картотеки.

Следует отметить, что учёные выделяют **нумеративный** тип простых годонимов, который характеризуется наличием номенклатурного термина и проприального элемента, выраженного именем числительным. Однако примеров данной группы годонимов в материалах нашей картотеки не обнаружено.

Итак, структурно-грамматическая классификация простых годонимов города Горловки представлена атрибутивным, генитивным и номинативным типами. Каждый из вышеописанных типов образуется с помощью номенклатурного термина и проприальной части, выраженной различными частями речи (именем существительным, именем прилагательным, именем числительным).

Следовательно, проанализированный нами материал исследования показывает, что годонимикон Горловки образует систему, представленную разными структурно-грамматическими типами. Последующее изучение данной темы позволит более предметно рассмотреть классификацию простых годонимов города Горловки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горловка. Автомобильный атлас города. – Киев : Геокарта, 2016. – С. 38–41.
2. Егорова, Л. В. Опыт сопоставительного исследования годонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : 10.02.20 : дис. ... канд. филол. наук / Егорова Людмила Владимировна. – Чебоксары, 2018. – 24 с.
3. Забелин, Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : 10.02.19 : дис. ... канд. филол. наук / Забелин Николай Юрьевич. – Москва, 2007. – 24 с.
4. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии : 10.02.01, 10.02.02 : дис. ... д. филол. наук / Мезенко Анна Михайловна. – Минск, 1991. – 34 с.
5. Пивень, А. В. Структурно-грамматическая классификация годонимов современной Горловки / А. В. Пивень, И. А. Герасименко // Язык и культура : сб. науч. трудов VI Республиканской очно-заочной научной конференции (11 ноября 2020 г.). – Макеевка, 2020. – С. 144–146.
6. Суперанская, А. В. Как вас зовут и где вы живёте? – Текст : электронный // rulit.me : сайт. – URL: <https://www.rulit.me/books/kak-vas-zovut-i-gde-vy-zhivete-read-392010-1.html> (дата обращения: 21.10.2021).

SUMMARY

Anna Piven. To the question of structural-grammatical classification of godonyms of Gorlovka

In this article, the author attempts to analyse and classify basic structural-grammatical types of godonyms of Gorlovka.

Key words: godonym, structural-grammatical classification, nomenclature term, proprial part, simple godonyms.

Постовит Елизавета

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ЛСГ ЧУВСТВО В СТИХОТВОРЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА «МАТУШКА В КУПАЛЬНИЦУ ПО ЛЕСУ ХОДИЛА...», «О ВЕРЮ, ВЕРЮ, СЧАСТЬЕ ЕСТЬ!...», «ДОРОГАЯ, СЯДЕМ РЯДОМ...»

В статье автор анализирует особенности употребления слов ЛСГ чувство в произведениях С. Есенина «Матушка в купальницу по лесу ходила...», «О верю, верю, счастье есть!...», «Дорогая, сядем рядом...». Материалом для анализа являются языковые единицы счастье, радость, грусть, страдание, боль, совесть, тревога.

Ключевые слова: *лексико-семантическая группа, чувство, языковые единицы, архисема, подгруппа (подпарадигма).*

В настоящее время актуальным является изучение языка чувств и эмоций людей, зафиксированного в литературных произведениях. Исследование языковых единиц, входящих в состав лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) *чувство*, одно из средств познания эмоциональной сферы человека. ЛСГ объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема – категориально-лексическая (или архисема). Внутри ЛСГ могут быть выделены подгруппы (подпарадигмы), в которых слова имеют не только категориальную, но и дифференциальную семы.

Многие исследователи, в их числе Л. В. Куликов, В. Н. Куницына, А. И. Захарова и др., в своих работах не придерживаются строгого разграничения терминов *чувство* и *эмоция*, используя их в качестве синонимов. Однако по своей сути они отличаются друг от друга. Под эмоциями понимаются относительно кратковременные, часто интенсивно протекающие психические переживания или состояния

с положительной или отрицательной полярностью. Чувства выражаются в эмоциях и носят предметный характер, связываются с представлением или идеей о некотором объекте [4, 1].

Б. И. Додонов считает, что «универсальную классификацию эмоций создать вообще невозможно, так что классификация, пригодная для решения одного круга задач, неизбежно должна быть заменена другой при решении задач иного сорта, принципиально отличных от первых» [2, 53].

Однако Л. Д. Столяренко выделяет моральные (*любовь, сострадание, доброжелательность, гуманность, преданность*), интеллектуальные (*удивление, любознательность, сомнение*), эстетические (*восхищение, восторг, блаженство*) и практические (*скука, радость, мука, удовлетворение, увлеченность, азарт, энтузиазм, усталость*) чувства.

Л. В. Куликов в своей статье «Проблема поиска эмпирических оснований классификации чувств» делит чувства на две большие группы: «настроенческие чувства – чувственный тон настроения, и интеракционные (позиционные) чувства. В последних выражено приятие / неприятие определенного явления или объекта мира, выбор дистанции между субъектами коммуникации» [5, 1]. Учёный указывает, что после проведённого исследования обнаруживается «три кластера чувств: гедонические, астенические, меланхолические» [Там же, 1]. Отметим, что материалом проведённых исследований являются тексты разных стилей. Однако слова ЛСГ *чувство* в стихотворениях С. Есенина ранее не были предметом исследования, что обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – выявление и анализ особенностей употребления слов ЛГС *чувство* в поэзиях С. Есенина «Матушка в купальницу по лесу ходила...», «О верю, верю, счастье есть!..», «Дорогая, сядем рядом...» С. Есенина. Перспективой исследования является описание подгрупп (подпарадигм, типологии) изучаемой ЛСГ.

Целостного описания слов, входящих в ЛСГ *чувство*, не существует, как не дан и единый алгоритм анализа лексем для их отнесения в ту или иную ЛСГ. Так, в стихотворении С. Есенина «О верю, верю, счастье есть!» автор использует лексемы *счастье, радостью, грусть, страданье*, которые мы включаем в состав рассматриваемой ЛСГ.

В данном произведении поэт видит счастье в возрождении России, с её бескрайними просторами и трудолюбивым народом. В его произведении акцентировано внимание на том, что лирический герой испытывает и счастье, радость, блаженство, и грусть, страдание. Ср.: *О верю, верю, счастье есть!..* [3, 128]; *Звени, звени, золотая Русь, / Волнуйся, неумный ветер! / Блажен, кто радостью отметил / Твою пастушескую грусть* [Там же]; *Люблю я ропот буйных вод / И на волне звезды сиянье. // Благословенное страданье, / Благословляющий народ* [Там же].

Отметим, что в толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова (далее – БТС) даётся несколько толкований лексемы *счастье*: «1. Состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого

довольства и радости, испытываемое кем-л.; внешнее проявление этого чувства. 2. Успех, удача» [1, 1297]. В примере *О верю, верю, счастье есть!..* [3, 128] автор реализует первое толкование. Счастье для поэта – состояние удовлетворённости жизнью, чувство глубокой радости, заключённое в процветании родной страны. Отметим, что приведённые значения позволяют отнести *счастье* как в подгруппу настроенческих (по классификации Л. В. Куликова) с интеграционной семой ‘состояние’, так и в подгруппу позиционных чувств.

Словарное толкование в БТС слов *радость* и *грусть* объясняет отношение трудолюбивого сельского народа к предстоящим изменениям. Ср.: «Радость – 1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, даёт счастье» [1, 1058]; «Грусть – чувство и состояние печали, лёгкого уныния» [Там же, 232]. Так, в тексте стихотворения лексема *радость* (*Блажен, кто радостью отметил*) употреблена в первом значении. Для С. Есенина *пастушеская грусть* – это чувство лёгкого уныния, возможно, о былых временах, но грядущие перемены несут в себе большое душевное удовлетворение. Лексемы *радость* и *грусть* по типологии Л. Д. Столяренко относятся к подгруппе практических чувств, однако в стихотворении поэта они выступают как моральные.

Не менее содержательна в толковых словарях статья лексемы *страдание*. В БТС даётся 2 толкования этого слова. Ср.: «1. Физическая или нравственная боль; мука, мучение. 2. только мн.: *страдания, -ний*. Особый вид частушек с любовной тематикой» [1, 1276]. *Благословенное страданье* для С. Есенина – это страдание не напрасное, достойное похвалы, оно делает человека сильнее и посылается во благо. Именно это страдание предвещает то самое счастье, в которое верит автор. По классификации Л. Д. Столяренко лексема *страдание* относится к подгруппе практические. Однако в тексте С. Есенина два значения взаимосвязаны: это указание и на чувство, испытываемое народом, и на его фиксацию в слове.

Стихотворение «Матушка в купальницу по лесу ходила...» включает в себя три лексемы ЛСГ *чувство*, а именно: *боль, счастье, совесть*. Ср.: *Травы ворожебинные ноги ей кололи, / Плакала родимая в купырях от боли* [3, 29]; *Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, / Сутемень колдовная счастье мне пророчит* [Там же]; *Только не по совести счастье наготове, / Выбираю удалую и глаза и брови* [Там же]. В словарной статье языковой единицы *боль* насчитывается 2 толкования. Ср.: «1. Ощущение физического страдания. 2. Чувство горя, нравственное страдание. <До боли, нареч. Разг. Очень сильно; до предела, до крайности>» [1, 90]. В контексте стихотворения реализуется первое трактование данной лексемы. Автор указывает на физическое страдание своей матери, которое ей приносят *ворожебинные травы*. Приведённые примеры лексических толкований позволяют отнести языковую единицу *боль* к подгруппе практические (по классификации Л. Д. Столяренко).

Лексема *счастье* (значения см. выше) в анализируемом стихотворении обозначает судьбу, которую пророчит колдовская, таинственная ночь лирическому герою. Следовательно, слово употребляется во втором значении и относится к подгруппе моральные чувства по классификации Л. Д. Столяренко. Однако в тексте употребляется лексема *совесть*, которая трактуется в словаре как «чувство моральной ответственности за своё поведение; нравственная самооценка своего поведения» [1, 1226]. На основе архисемы ‘чувство’ слово *совесть* включаем в ЛСГ *чувство*. В сочетании с лексемой *счастье*, которая в данной строке обозначает успех и удачу в жизни, *совесть* рассматриваем как чувство ответственности за своё поведение, которое заставляет героя усомниться в справедливости этого дара.

Слова *тревога* и *радость*, входящие в состав ЛСГ *чувство*, включает в себя стихотворение «Дорогая, сядь же рядом...». Ср.: *Что и мы, отжив тревоги, / Перейдем под эти кущи. // Все волнистые дороги / Только радость льют живущим* [3, 193-194]. Тревога для лирического героя – это сильное душевное беспокойство и волнение. Ср.: «1. Сильное душевное волнение, беспокойство, вызываемое какими-л. опасениями, страхом, неизвестностью. 2. Переполох, суматоха, суета» [1, 1341]. Автор пишет о том, что, отпустив все жизненные беспокойства можно уйти в другой мир, поскольку *радость* как «то, что (тот, кто) доставляет удовольствие, даёт счастье» [1, 1058] заключается в разрешении проблем и преодолении преград, которые случаются в жизни у каждого человека. Герой говорит об этом спокойно, принимая факт скоротечности жизни. Душевный покой и уверенность в его сердце вселяют тёплые, нежные чувства к женщине, которая явилась «...как спасенье / Беспокойного повесы» [3, 193–194].

Итак, в проанализированных произведениях С. Есенина нами были выявлены и описаны слова *счастье*, *радость*, *грусть*, *страдание*, *боль*, *совесть*, *тревога*, входящие в ЛСГ *чувство* на основании архисемы ‘чувство’. В стихотворениях они выражают как положительные, так и отрицательные чувства, испытываемые лирическим героем. Отметим, что С. Есенин использует данные языковые единицы для более точной передачи отношения действующего лица к происходящим событиям, людям, родному краю. По классификации Л. Д. Столяренко анализируемые слова относятся к моральным (*совесть*, *счастье*), интеллектуальным (*тревога*) и практическим (*радость*, *грусть*, *страдание*, *боль*) чувствам. Согласно Л. В. Куликову, вышеуказанные лексемы можно поделить на три кластера: гедонические (*счастье*, *радость*), астенические (*тревога*), меланхолические (*грусть*) чувства. Слова *страдание*, *боль* и *совесть* не входят в данную классификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 1534 с.
2. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность / Б. И. Додонов. – М. : Политиздат, 1978. – 272 с. – Текст : электронный. – URL: http://pedlib.ru/Books/6/0322/6_0322-53.shtml (дата обращения: 05.11.2021).
3. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 1 Стихотворения / С. А. Есенин ; подгот. текста и коммент. А. А. Козловский. – М. : Наука : Голос, 1995. – 665 с.
4. Ириолова, А. Д. Лингвистическая реализация эмоций и чувств, связанных с любовью (на материале произведений У. С. Моэма) / А. Д. Ириолова. – Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-realizatsiya-emotsiy-i-chuvstv-svyazannyh-s-lyubovyu-na-materiale-proizvedeniy-u-s-moema> (дата обращения: 05.11.2021).
5. Куликов, Л. В. Проблема поиска эмпирических оснований классификации чувств / Л. В. Куликов. – Текст : электронный // ОмГУ. – 2018. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-poiska-empiricheskikh-osnovaniy-klassifikatsii-chuvstv> (дата обращения: 06.11.2021).

SUMMARY

Elizaveta Postovit. LSG sensually in S. Yesenin's poetry “My mother went to the bathing suit in the forest...”, “Oh, I believe, I believe, there is happiness!..”, “Dear, let's sit next to...”

In the article, the author analyzes the features of the use of the words LSG feeling in the poetry of S. Yesenina “My mother went to the bathing suit in the forest...”, “Oh, I believe, I believe, there is happiness!..”, “Dear, let's sit next to ...”. The material for analysis is the linguistic units happiness, joy, sadness, suffering, pain, conscience, anxiety.

Key words: lexico-semantic group, feeling, language units, archiseme, subgroup (sub-paradigm).

Пугачевская Ирина
Научный руководитель –
к. филол. н. Миронова Д. М.
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
г. Курск, РФ

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В рамках когнитивного терминоведения метафора рассматривается как один из механизмов терминопорождения. Полученные в процессе деятельности новые знания требуют осмысления, что ведёт к соотносению их с уже имеющимся опытом на основании схожих характеристик и формированию метафорического смысла. Процесс метафоризации является характерным также и для терминологического аппарата сферы международного права.

Ключевые слова: *терминологическая метафора, термины международного права, когнитивные механизмы, терминопорождение.*

Сфера международного права вызывает к себе все больший интерес ввиду стремительно развивающейся глобализации. Интегративные процессы в области экономики, политики и других сферах жизнедеятельности человека требуют структурирования и правового контроля. Как любая область профессиональной деятельности международное право обладает своим терминологическим аппаратом.

В рамках когнитивного терминоведения терминологическое значение рассматривается как вербализованная часть концепта [1, 19]. Рассмотрим формирование терминологического значения посредством применения метафоры.

Современное исследование метафоры вышло далеко за пределы риторики и представляется универсальным явлением языка, лежащим, в том числе, в основе формирования научной терминологии.

Дж. Лакофф и М. Джонсон представляют механизм формирования метафоры следующим образом. В каждой метафоре выделяется две зоны: донорская и реципиентная. Донорская зона является конкретной и антропоцентричной, для ее создания часто используется человек (например, его тело: *ножка, горлышко, сердце* и т.д.), местоположение в пространстве (*она в замешательстве/пришла в замешательство*). Реципиентная зона более абстрактна и

не имеет ярко выраженных физических характеристик, что требует метафоризации, т.е. обращения к донорской зоне, значение которой конкретно [2, 9–11].

На основании характера и способа концептуализации предметов и явлений окружающего мира ученые подразделяют концептуальные метафоры на три типа:

1) структурные метафоры, представляющие собой концептуализацию абстрактных понятий через уже имеющиеся в опыте человека, более конкретные единицы знания (*борьба с преступностью, механизм сдержек и противовесов*);

2) ориентационные метафоры структурируют новые познания в соответствии с пространственной ориентацией человека (оппозиция «вперед-назад», где *впереди – будущее, позади – прошлое*);

3) онтологические метафоры основаны на переносе свойств предметов и явлений на абстрактные сущности (*мягкое право, веские доказательства*).

Исследование показало, что в терминологии международного права наиболее частотными являются метафоры структурного типа (*театр войны, виртуализация государства, иммунитет государства*).

Рассмотрим ряд примеров более детально при помощи модели, предложенной В.П. Москвиным. Модель предполагает выделение основного и вспомогательного субъекта, основания сравнения, т.е. сходных характеристик субъектов и их общего признака [3, 50].

Так, семантика метафоры международного права *иммунитет государства* может быть представлена следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Структурные компоненты, формирующие семантику метафоры «иммунитет государства»

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Основание сравнения	Общий признак
иммунитет (в сфере права) – предоставленное кому-н. право не подчиняться некоторым общим законам [4, 596].	государство – как субъект международного права – основной участник международных отношений [5, 115].	освобождение от обязанности подчинения.	обладание правом не подчиняться определенным законам.

Элементом, объединяющим два компонента метафоры, выступает общий признак, на котором основывается вновь возникшее значение. Поскольку метафора соединяет в себе признаки двух различных концептуальных структур, представляется необходимым отражать все образующие ее компоненты.

Иммунитет государства – неподсудность одного государства суду другого государства [5, 197], т.е. освобождение от обязанности подчинения государства законодательству другого государства (ср. *иммунитет* – предоставленное лицу право не подчиняться общим законам). Таким образом, логический анализ приводит к образованию общего значения на основании двух словарных дефиниций.

Таким образом, лексема «иммунитет» связывается с представлениями об особой привилегии, освобождающей того или иного индивида от некоторых обязанностей (например, платы налогов). Лексема «государство» в профессиональном мышлении актуализирует участника международных правоотношений.

Элементы формирующегося знания накладываются друг на друга в результате установления связей между словоформами (уже существующими лексемами) и концептуальными образованиями, созданными в процессе получения нового профессионального опыта, образуя метафору (таблица 2).

Таблица 2 – Формирование смысла метафоры «иммунитет государства»

иммунитет государства	
привилегия – право – освобождение	участник правоотношений – обладает суверенитетом
освобождение государства от подчинения другим государствам	

Данная таблица представляет примерную последовательность этапов формирования метафорического смысла в человеческом сознании (сознании специалиста в определенной профессиональной сфере). При этом результатом процесса метафоризации выступает не конкретный рациональный вывод, а, скорее, понимание на уровне переживания [6, 229].

Рассмотрим еще один пример терминологической метафоры, используемой в области международного права России. Семантика метафоры *театр войны* может быть представлена следующими компонентами (таблица 3).

Таблица 3 – Структурные компоненты, формирующие семантику метафоры «театр войны»

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Основание сравнения	Общий признак
театр – 1. Искусство представления драматических произведений на сцене; само такое представление; 2. Зрелищное предприятие, помещение, где представляются на сцене такие произведения [4, 2943]	война – в международном праве военные действия между государствами, а также между государствами и национально-освободительными движениями, сопровождающиеся полным разрывом мирных отношений [7, 88]	осуществление определенных последовательных действий и место, где эти действия разворачиваются	разворачивание действия

Компоненты, объединенные в один образ, формируют метафорическое значение: *театр войны* (*театр военных действий*) – территория, на которой вооруженные силы воюющих сторон фактически ведут военные действия [7, 553] (ср. театр – зрелищное предприятие, помещение, где представляются на сцене такие произведения [4, 2943]). Лексема «театр», вероятно, ассоциируется с наивными представлениями об определенном сценарии действий, разыгрывании тех или иных сцен, а также о месте, где эти действия разворачиваются. Лексема «война» актуализирует смыслы, связанные с производством действий, направленных на осуществление вооруженного противостояния. В результате слияния двух смыслов образуется новое знание, характеризующее наличие общего признака, составляющих его компонентов. Процесс формирования метафорического смысла схематично можно представить следующим образом (таблица 4).

Таблица 4 – Формирование смысла метафоры «театр войны»

театр		войны
искусство – действие – сцена (место, где происходит действие)		противостояние – вооруженные действия
место вооруженных действий		

Вышеописанные примеры указывают на факт применения метафор как средства концептуализации и категоризации жизненных реалий не только в обыденной действительности, но и в области профессиональной деятельности.

Рассмотренная когнитивная модель выступает важнейшим инструментом познания окружающей действительности и методом

научного исследования. Современные научные направления позволяют по-новому взглянуть на традиционные языковые явления и рассматривать их как когнитивный способ концептуализации нового понятия по аналогии с уже имеющейся системой понятий. Терминология отражает объем знаний, полученных человеком на данном временном этапе, а анализ этих знаний позволяет наметить пути дальнейшего развития этой профессиональной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jackendoff, R.S. Semantics and cognition [Текст] / R.S. Jackendoff. – Cambridge, 1983. – 283 p.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Москвин, В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории [Текст] / В.П. Москвин. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 184 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 2010. – 3423 с.
5. Додонов, В.Н. Большой юридический словарь [Текст] / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др. – М. : 2001. – 790 с.
6. Симоненко, М.Л. Метафора как научная категория и как механизм когниции (на примере архитектурной метафоры) [Текст] / М.Л. Симоненко // Когнитивные исследования языка. Выпуск VII. Типы категорий в языке : сб. науч. тр. – Тамбов : Изд.дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 551 с.
7. Жмилевский, В.Д. Словарь новых терминов международно-правовой специфики территорий [Текст] / В. Д. Жмилевский. – Казань : Бук, 2018. – 36 с.

SUMMARY

Irina Pugachevskaya. Metaphor as a tool for forming a terminological meaning in the sphere of international law

Within the framework of cognitive terminology, metaphor is considered as one of the mechanisms of terminological meaning formation. New knowledge obtained in the professional activity, requiring comprehension, correlates with the existing experience based on similar characteristics, forming a metaphorical meaning. The process of metaphorization is characteristic for the terminological apparatus of the international law, too.

Key words: terminological metaphor, terms of international law, cognitive mechanisms, terminology.

Сверденко Карина
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Кочетова С. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В ПОВЕСТИ «ВЫСОКАЯ ВОДА ВЕНЕЦИАНЦЕВ» Д. РУБИНОЙ

Данная работа посвящена изучению художественной роли цветовых обозначений в повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев». Исследователь приходит к выводу о том, что символика цветообозначений отражает своеобразие авторской картины мира, а восприятие художественного мира произведения осуществляется через интерпретацию цветовой символики, что, в свою очередь, характеризует идиостиль писателя.

Ключевые слова: Д. Рубина, повесть, поэтика, символ, цветообозначение.

Использование цветообозначения в художественном тексте связано с эмоциональным миром автора, что дает ему потенциальную возможность выразить чувства. Человеческое восприятие цвета визуально и во многом зависит от состояния, ассоциаций и «цветовой подготовленности», а интерпретация «цветопонимания» в художественном произведении раскрывает полноту художественного мира повествования. Как правило, в литературе символы цвета отражают языковую картину мира автора, которую можно определить как «индивидуально и творчески вербализованное представление о мире, пропущенное через призму сознания автора, внутренняя духовная действительность, которую художник стремится воплотить вовне» [1, 53].

Очевидно, что анализ цветовой символики в произведениях позволяет отобразить суть реалий окружающего мира через призму сознания автора и выявить ключевую роль цветовых символов в творчестве прозаиков и поэтов. В истории филологических исследований известно немало работ, посвящённых изучению функций цветообозначения: Г. К. Тойшибашева изучала цветовую лексику в произведениях Ф. М. Достоевского [6], Н. А. Мартынова рассматривала колоративы у А. И. Куприна [2], П. А. Суслов исследовал цветопоэтику рассказов В. В. Набокова [5] и многие другие.

Творчество Д. Рубиной изучается многими учеными, однако такой аспект поэтики её прозы, как цветообозначение в произведениях, на сегодняшний день почти не исследован. На

наш взгляд, показательной в этом отношении является повесть Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев». Цветовая символика играет важную роль в повести: текст изобилует красками, каждое упоминание цвета занимает определенное место в цветовой картине художественного мира произведения, отражает приёмы презентации внешности персонажей, окружающей природы, психологического состояния героев и способствует раскрытию его идейно-смыслового содержания.

Предметом нашего исследования выступает цвет как символ в художественном произведении. Ученые считают, что применение цвета – тщательно продуманный автором ход, вырастающий до уровня художественного приёма. По словам В.А. Масловой, каждый языковой факт, подчиненный художественному заданию, становится поэтическим приёмом [3, 25]. Особенность видения мира автором проявляется через оригинальное использование цвета и его изображение в художественном тексте. Сама символика цветообозначений может быть как культурной традицией и субъективно-авторской, так и синтезом культурной памяти с личностной интерпретацией.

На наш взгляд, цветообозначение является отличительной особенностью идиостиля Д. Рубиной. Её личный опыт создан на стыке двух знаковых систем, двух видов искусства – живописи и литературы. Известно, что насыщенность цветом текстового пространства присуща многим художникам словесности, так, у Ф. М. Достоевского художественная концепция романов разворачивается достаточно часто при помощи бинарной оппозиции «свет – тьма», а семантика цветовых художественных деталей имеет глубокий содержательный смысл в произведениях В. В. Набокова.

У Д. Рубиной невозможно определить четкую палитру, используемую в произведениях. Из-за богатства цвета и характерной её прозе зрительной «осязаемости» невозможно определить единую гамму и тональность текста. Однако в качестве рабочей гипотезы мы предполагаем, что в произведениях Д. Рубиной существует не только палитра цвета, но и шкала яркости по степени насыщенности цвета.

В повести «Высокая вода венецианцев» живописно изображается черта внешности главной героини – её волосы: «густые длинные волосы редчайшего природного цвета – темно-золотистой меди, того благородного пурпурного оттенка, который невозможно назвать ни рыжим, ни красным, ни просто каштановым» [4]. В другом примере оттенок кожи сравнивается при помощи авторских, часто впервые возникающих, «свежих» метафор: *золотистые удары кисти на коже, кожа цвета слоновой кости, перламутровая кипень живота*. В данном случае цвет показывает не только

отличительные особенности внешности, но и соотносится с жизнью главной героини. Упоминание цвета позволяет автору сравнивать и противопоставляется героиню и её дочь, которая «носила короткую светлую стрижку, и поэтому была совершенно иной женщиной» [4]. Сопоставление внешности проводится не случайно: оно помогает автору представить образ главной героини, показать линию далеких от идеала отношений между матерью и дочерью.

На наш взгляд, следует уделить внимание определению степени освещенности в помещениях, которая обладает определенными цветовыми чертами – различие по тону, насыщенности и яркости: «желтоватый, платиновый, приглушенный свет гостиничного номера, в котором героиня могла спрятаться и отдохнуть от яркого и шумного города» [4]. Здесь можно увидеть, что желтый цвет выступает как образ безопасности, радости и, отчасти, веселья, в отличие от традиционной характеристики русской литературы. Например, у Ф.М. Достоевского желтый цвет выступает как символ бедности, болезни, увядания, он мрачен и не вызывает позитивных ассоциаций. В изображении Венеции автор уделяет большое внимание световым бликам города: *желтоватый, оранжево-желтый свет, переливы пурпурно-золотого, кипяще-алого, янтарно-изумрудного, фиолетовая тень, лиловый шлейф фонарей*. Несмотря на раннее для карнавалов время, эти цвета и смешения цветов передают атмосферу праздника.

Небо дождливой Венеции тускло и неярко: *серое небо, матовый свет, черное небо, белесый рассвет*. Оттенки неба невыразительны, но все равно передают состояние героини и не являются случайными, выступая фоном для более красочных цветов города, на который героиня возлагает надежды: «...уже поплыла им навстречу, уже поверила, что все будет хорошо сейчас, немедленно и навсегда» [4]. На момент отъезда героини венецианское утро предстает золотым, героиню сопровождает *белый сияющий горизонт*: «По лагуне было разлито кипящее золото утра, и пар поднимался от воды к белому сияющему горизонту» [4]. Золотой цвет символизирует свет, сияние, тепло и богатство, что, с одной стороны дополняет образ города. С другой, в сочетании с белым цветом, описывающим прощальный венецианский горизонт, золотой цвет передает состояние одухотворенности, прибавление жизненной энергии и надежды на выздоровление.

Итак, цветовая символика в повести Д. Рубиной используется для выражения авторской позиции. Смысл цветообозначений возможно декодировать, ориентируясь на содержание текста или цикл произведений. Цветовые символы не только наделяют окружающий мир образностью, но и дают представление о типичных чертах героев, их душевном состоянии, переживаниях и надеждах.

Таким образом, наши наблюдения показывают важность обращения Д. Рубиной к такой особенности поэтики художественного произведения, как цветообозначение. Анализ символики цвета в повести «Высокая вода венецианцев» позволяет предположить, что и в других произведениях писательницы обозначение цвета наделяется особым смыслом, что и дает перспективу дальнейших исследований цветопэтики и светопэтики её прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочнова, К. А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования / К. А. Кочнова. – В. : Вестник Воронеж. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – 56 с.
2. Мартянова, Н. А. Элокутивная прагматика цветообозначений в прозе А.И. Куприна: полевое описание / Н.А. Мартянова. – Текст : электронный // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. – №301. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elokutivnaya-pragmatika-tsvetootoboznacheniya-v-proze-a-i-kuprina-polevoe-opisanie> (дата обращения: 26.11.2021).
3. Маслова, В. А. Филологический анализ поэтического текста / В.А. Маслова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 220 с.
4. Рубина, Д. И. Высокая вода венецианцев / Д.И. Рубина. – М. : Эксмо, 2000. – 68 с.
5. Суслов, П. А. Цветопэтика рассказов В.В. Набокова: семантика, функциональная значимость, роль в структуре текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2014. – 23 с.
6. Тойшибаева, Г. К. Цветовая лексика (состав, семантические преобразования, функции) в художественном тексте на материале произведений Ф. М. Достоевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 19 с.

SUMMARY

Karina Sverdlenko. Color symbols in the story “The High Water of the Venetians” by D. Rubina.

The article is devoted to the study of the artistic role of color designations in the story by D. Rubina “The High Water of the Venetians”. The researcher comes to the conclusion that the symbolism of color designations reflects the originality of the author’s picture of the world, and the perception of the artistic world of the work is carried out through the interpretation of color symbolism, which, in turn, characterizes the idiosyncrasy of the writer.

Key words: D. Rubina, story, poetics, symbol, color designation.

Светличная Влада
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Балко М. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЛЕОНАЗМОВ В РЕЧИ

Нормативность речевой избыточности вообще и плеоназма в частности является одним из дискуссионных вопросов в лингвистике. В результате анализа представленного в лингвистической литературе теоретического материала, посвящённого исследованию плеоназма, отмечено, что нормативная оценка изучаемого явления напрямую связана с его функционированием и прагматической направленностью, а также спецификой использования в конкретном функциональном стиле.

Ключевые слова: *речевая избыточность, плеоназм, нормативность.*

Обращаясь к вопросу определения нормативной оценки плеонастических конструкций, отметим, что решение данного вопроса отличается двусторонним подходом. Неоднозначное отношение к сути и прагматической направленности изучаемого феномена наметилось ещё во времена зарождения античной стилистики и риторики, где плеоназм расценивался и как стилистический порок, и как «обогащение речи словами, на первый взгляд излишними, но в действительности придающими ей ясность, силу, ритмичность, убедительность, пафос, неосуществимые в речи лаконической» [19].

Мысль о том, что плеоназм может являться как речевой ошибкой (недочётом), так и выполнять определённые стилистические функции, находит отражение и в лексикографической литературе. Так, плеоназм, использованный автором сознательно, расценивается как средство усиления выразительности, стилистический приём художественной речи, однако, проявляясь в употреблении в речи близких по смыслу, а потому лишних, слов, считается стилистической небрежностью [20, 187] или «языковой аномалией», т. к. «вступает в противоречие с тенденцией к экономии языковых средств и с требованием построения сообщения по принципу последовательного добавления новой информации о предмете» [9]. В определении плеоназма как оборота речи, содержащего однозначные, часто излишние слова, формулировка «иногда применяющийся

как стилистический приём для придания речи выразительности» [6] (курсив наш – В. Ю. Светличная), на наш взгляд, также демонстрирует двусторонний подход к определению нормативного статуса изучаемого явления. Подобную позицию усматриваем в причислении плеоназма к стилистическим фигурам, с одной стороны, и в допущении использования его как «крайность, переходящую в «порок стиля»» – с другой [18]. Причём грань между плеоназмом как фигурой прибавления и как недостатком речи, по мнению лингвистов, «зыбка и определяется общим речевым стилем эпохи» [21, 344]. Иногда плеоназм, «который употребляется для подчёркивания определённой мысли в высказывании», называют *мнимым плеоназмом* [3, 21; 15, 211]. В некоторых словарях нормативная оценка употребления плеоназма проявляется в разведении в разные статьи, определяющие *плеоназм* как стилистический приём и как речевой недочёт [2, 228, 458; 16, 312].

Однако в ряде словарей и энциклопедий всё же прослеживается одностороннее представление о плеоназме и чаще как о ненормативном речевом явлении [7, 264; 17, 532]. На наш взгляд, такой подход противоречит адекватному восприятию плеоназма как контекстуального феномена, обладающего глубоким прагматическим потенциалом, т. к. «плеоназм, рассматриваемый в плане *langue* всегда будет лишь стилистическим недочётом, связанным с несоблюдением лаконизма, зато плеоназм в конкретном употреблении становится коммуникативно обоснованным» [12].

Анализ представленного в лингвистической литературе теоретического материала, посвящённого исследованию плеоназма, позволяет утверждать, что значительная часть классификаций данного вида контекстуальной избыточности построена на оправданности (нормативности) или неоправданности (ненормативности) его использования со стилистической точки зрения [4; 11; 14].

Изучение нормативности/анормативности (намеренности или непреднамеренности) использования плеоназмов влечёт за собой необходимость выявления причин возникновения плеонастических конструкций в речи. В связи с чем учёные отмечают, что намеренное (обусловленное контекстом или прагматической направленностью) использование плеоназма может быть вызвано следованием традиции, необходимостью акцентирования внимания на особо важных понятиях, привлечения внимания, создания определенного колорита речи, комизма, афористичности, придания речи экспрессивности. Непреднамеренное (ошибочное) употребление плеонастических конструкций может быть обусловлено бедностью словарного запаса, небрежностью речи, незнанием семантики слов, стремлением к полноте сообщаемой информации при недостатке языковой компетенции [1, 7; 5, 27; 8, 42; 10, 113; 13, 108]. На употребление

в речи плеоназмов также оказывают влияние психология коллективного субъекта и когнитивные процессы, происходящие в сознании отдельного индивида или определённых групп индивидов (сформированных, например, по определённым профессиональным факторам), т. е. плеоназмы употребляются в речи под воздействием как социальных, так и личностных факторов [1, 10–11].

Проанализировав имеющиеся в современной лингвистике основные подходы к нормативности плеонастических конструкций, их классификации и причины возникновения в речи, приходим к выводу о том, что нормативная оценка изучаемого явления напрямую связана с его функционированием и прагматической направленностью, а также спецификой использования в конкретном функциональном стиле. Такое определение нормативной оценки изучаемого явления приводит к выводам о том, что *плеоназм* имеет право на использование в качестве термина без оценочных коннотаций. Отрицательные категории объективно применимы к данному термину только в случае ошибочного несознательного употребления избыточных компонентов, что препятствует адекватному восприятию информации и потому является ошибкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурухин, А. Н. Специфика функционирования плеоназмов в индивидуальном лексиконе : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук : 10.02.19 / Бурухин Александр Николаевич ; Курский гос. ун-т. – Курск, 2013. – 19 с.
2. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – 480 с. - ISBN 978-5-89349-502-7.
3. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 11-е изд. – Москва : Айрис-пресс, 2010. – 448 с. – ISBN 978-5-8112-3972-6.
4. Грызина, О. В. Плеонастические выражения в русской разговорной речи / О. В. Грызина. – Текст : электронный // Достижения науки и образования. – 2018. – №8 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pleonasticheskie-vyrazheniya-v-russkoy-razgovornoj-rechi> (дата обращения: 05.02.2020).
5. Есакова, М. Н. Плеоназм как явление речевой избыточности / М. Н. Есакова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – № 2. – С. 24–31.
6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Рус. яз., 2000. – Текст :

электронный // Научная библиотека Наука. Искусство. Величие : [сайт]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm> (дата обращения: 30.10.2021).

7. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с. – ISBN 978-5-98993-133-0.

8. Зуева, Т. Г. Формы речевой избыточности в речи теле- и радиожурналистов / Т. Г. Зуева // Вестник Новгородского государственного университета. – Новгород, 2010. – № 57. – С. 42–44.

9. Иванов, Л. Плеоназм / Л. Иванов. – Текст : электронный // Энциклопедия «Кругосвет» [сайт]. – URL: [http:// https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/PLEONAZM.html](http://https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/PLEONAZM.html) (дата обращения: 05.05.2021).

10. Ковалёва, Т. А. Плеоназм в русском языке XXI века: синхронный и диахронный аспект // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т., 2015. – С. 110–114.

11. Ковалёва, Т. А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект. – Текст : электронный // Вестник ННГУ. – 2017. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pleonazm-v-russkom-yazyke-xxi-veka-semanticheskij-aspekt> (дата обращения: 04.05.2021).

12. Козера, И. Методологические вопросы исследования плеонастических словосочетаний в современном русском языке / Изабела Козера. – Текст : электронный // Язык и метод : русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – 2012. – С. 157–172. URL: <https://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2012/2012/art/3830/> (дата обращения: 03.05.2021).

13. Кокенова, З. К. Плеоназм в медицинской лексике / З. К. Кокенова, Т. К. Бердалиева, Г. М. Чумбалова. – Текст : электронный // Вестник КазНМУ, 2014. №3-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pleonazm-v-meditinskoy-leksike> (дата обращения: 28.03.2019).

14. Лиминь, Пэй. Плеоназм как стилистический прием в прозе И. А. Бунина (на примере рассказа «Натали») // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2020. – №1. – С. 25–29.

15. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. – 436 с.

16. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с. – ISBN 978-5-222-17060-1.

17. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов,

Н.Ю. Шведова. – Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с. – ISBN 978-5-9900358-6-7.

18. Плеоназм. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Сов. энциклопедия, 1969-78. – Текст : электронный // Научная библиотека Наука. Искусство. Величие : [сайт]. – URL: Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/index.htm> (дата обращения 21.04.2021).

19. Плеоназм. Литературная энциклопедия : в 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – Москва : изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература, 1929-1939. – Текст : электронный // Научная библиотека Наука. Искусство. Величие : [сайт]. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-encyclopedia/fc/slovar-207-6.htm#zag-3708> (дата обращения: 31.10.2021).

20. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с.

21. Русский язык. Энциклопедия / глав. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. – 721 с. - ISBN 5-85270-248-X (БРЭ), ISBN 5-7107-1455-0 («Дрофа»).

SUMMARY

Vlada Svetlichnaya. Normative assessment and causes of pleonasm in speech

The normativity of contextual redundancy in general and pleonasm in particular is one of the controversial issues in linguistics. As a result of the analysis of the theoretical material presented in the linguistic literature devoted to the study of pleonasm, it is noted that the normative assessment of the phenomenon under study is directly related to its functioning and pragmatic orientation, as well as the specifics of its use in a specific functional style.

Key words: contextual redundancy, pleonasm, normativity.

Святобаченко Ирина
к. филол. н, доцент кафедры общего языкознания
и славянских языков
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ СКАЗУЕМЫХ В МОНОСУБЪЕКТНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Работа посвящена исследованию функциональных и грамматических особенностей сказуемых в различных типах сложных моносубъектных предложений. Особое внимание уделено факторам, влияющим на однородность сказуемых в единицах исследуемого типа.

Ключевые слова: моносубъектное предложение, однородные сказуемые, сложное предложение.

Моносубъектным является такое предложение, в котором все действия, названные сказуемым, независимо от количества предикативных частей в предложении, выполняются одним субъектом-подлежащим.

Предложения с одним субъектом и несколькими предикатами исследовались такими учёными, как В. Бабайцева, В. Белошапкова, А. Пешковский, А. Прияткина, Л. Щерба и др. Однако единой точки зрения относительно статуса моносубъектных предложений с несколькими предикатами нет до сих пор. Наиболее распространёнными являются трактовки таких единиц либо как сложных предложений (исходя из множественности реализуемых в предложениях пресуппозиций); либо разделение их на сложные и осложнённые в зависимости от средств сочетания предикатов (в широком смысле).

Цель нашей работы – исследовать различные типы сказуемых в моносубъектных сложных предложениях, уделяя особое внимание отнесению их к однородным или неоднородным сказуемым.

В нашем исследовании мы говорим как об однородности / неоднородности сказуемых как членов предложения, при которой решающими факторами являются моно- / полисубъектность предикативных единиц, а также средства связи между однородными членами предложения / частями полипредикативной единицы; так и об однородности / неоднородности сказуемых в широком смысле, уделяя внимание грамматическим и функциональным (формы и типы сказуемых, их частеречная принадлежность), а также коммуникативным (в нашем случае – моносубъектность)

особенностям реализации предикатов сложных моносубъектных предложениях.

В современной академической практике структурно-грамматическая дифференциация моносубъектных предложений (а, соответственно, и однородность / неоднородность сказуемых) определяется не структурой и типом сказуемых, а тем, какие средства связи использованы в сложном предложении. Так, предложения, в котором один субъект выполняет несколько действий, могут рассматриваться и как простые осложнённые (в случае, когда однородные сказуемые соединены сочинительными союзами или бессоюзно), и как сложноподчинённые (в случае использования подчинительного союза или союзного слова в качестве связующего элемента). Таким образом, вопрос однородности / неоднородности сказуемых как членов предложения обусловлен не столько связью предикатов с одним или разными субъектами действий, сколько дистрибуцией предложения в части союзных средств.

Рассмотрим каждый несколько примеров с точки зрения однородности / неоднородности сказуемых как членов предложения, а также с позиции функциональной и грамматической неоднородности предикатов (в узком смысле):

– *А эта девчоночка Надя, совсем букашка, по-моему, просто боится возвращаться домой и наверняка будет околачиваться во дворе до самого вечера...* (В. Железников) – согласно традиционной точке зрения данное предложение является простым моносубъектным, осложнённым однородными сказуемыми, поскольку сказуемые соединены сочинительным союзом *и*. В то же время наблюдается разнородность предикатов в таких аспектах:

а) грамматический (категория времени);

б) стилистический (нейтральная лексика в первом случае и разговорная – во втором).

Следует заметить, что неоднородность сказуемых (то есть отсутствие единства структурной грамматической реализации) может проявляться также в употреблении различных типов сказуемых относительно одного субъекта действия: *Три раза в день: утром, днём и вечером – я стал делать зарядку* (составное глагольное сказуемое – согласно школьной практике; сложное сказуемое, поскольку имеет неделимое глагольное словосочетание, – согласно вузовской практике) *и целых три недели бежал* (простое сказуемое) *в нашем лесопарке...* (А. Студзинский). Но и в этом случае (согласно традиционной точке зрения) на однородность / неоднородность сказуемых будет влиять то, относятся ли они к одному субъекту действия, а также средство связи между сказуемыми / предикативными частями сложного предложения.

– Книгу, которую хватаю с полки, от волнения держу вверх ногами... (Э. Фонякова) – данное предложение, вопреки его моносубъектности, в традиционной грамматике относят к сложному, поскольку средством связи между частями, содержащими сказуемые, служит союзное слово *которую*. В то же время грамматические (время, лицо, число), структурные (простые сказуемые) и коммуникативные (моносубъектность) характеристики у предикатов (в узком смысле) этой сложной единицы одинаковы.

Как видим, часто в моносубъектных предложениях однородные (с точки зрения членов предложения) сказуемые могут характеризоваться разнородностью их грамматической и структурной реализации; в то же время однородные с точки зрения грамматической и структурной реализации сказуемые моносубъектных предложений могут квалифицироваться как центры различных предикативных частей в составе сложного предложения.

По нашему мнению, при рассмотрении однородности / неоднородности сказуемых следует учитывать не только средства соединения предикативных частей в составе сложного предложения, но и структурно-грамматические черты сказуемого (простое / составное / сложное; время и наклонение), т.к. в каждом из случаев пресуппозитивная составляющая будет характеризоваться определённым уровнем сложности и особенностями темпорального аспекта. Таким образом, сложными можно считать все моносубъектные предложения, сказуемые которых не характеризуются единством функционально-грамматического и структурного аспектов реализации. Типология таких единиц, а также средства связи их предикативных компонентов на сегодняшний день не исследованы и являются перспективным направлением нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова, В. А. Современный русский язык : Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
2. Прияткина, А. Ф. Русский язык : Синтаксис осложненного предложения. Учебное пособие для филологических специальностей вузов / А. Ф. Прияткина. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
3. Синтаксис современного русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев ; под ред. С. В. Вяткиной // Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 347 с.

SUMMARY

Irina Svyatobachenko. Predicate functional-grammar heterogeneity in monosubjective complex sentences

The research is devoted to the functional and grammar peculiarities of predicates in the different types of complex monosubjective sentences. Special attention is paid to the factors influencing the predicate homogeneity in the units of this type.

Key words: monosubjectiveness, homogeneous predicates, complex sentence.

Семик Анастасия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Касьяненко Н. Е.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ЗООНИМЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ КОТА)

В статье на материале русских народных сказок рассматриваются зоонимы, в частности номинации кота как одного из центральных персонажей. Выявляются мотивировочные признаки наименований, их структурно-семантические и культурологические особенности.

Ключевые слова: *сказка, зоонимы, номинации кота, мотивировочные признаки.*

Народные сказки занимают значительное место в русском устном народном творчестве. Среди них особо выделяются те, в которых главными героями являются животные. Через образы животных характеризуются индивидуальные, личностные качества человека: смекалка и простота, трусость и бесстрашие, наивность и доброта, готовность прийти на помощь и многие другие.

Животные в сказках имеют собственные имена. Эти названия, или *зоонимы*, могут интерпретироваться не только как лексические единицы, но и как целые образы. Ведь животные в сказках являются личностями, наделенными собственным характером, поведением и мышлением. В широком смысле к зоонимам относят и нарицательные имена, в том числе родовые наименования животных.

Обращение к подобным образам имеет свое обоснование: в древности человек, сравнивая себя с животными, усматривал в последних человеческие свойства – преувеличивал их мудрость, наделял способностью разговаривать. Именно тогда у людей

возникло убеждение в возможности превращения в зверя и обратно, которое стало мотивом многих сказок, присущих различным культурам.

Целью данного исследование является структурно-семантический и культурологический анализ номинаций кота в русских народных сказках.

Заявленная тема представляется *актуальной*, поскольку зоонимическая лексика в сказочном дискурсе концентрированно отражает особенности мировидения народа, его взгляды на окружающую действительность и ее оценки и становится основой для развития коннотативных созначений. О востребованности темы свидетельствуют и научные исследования последних лет, анализирующие зоонимы в различных аспектах (см., например, [4]; [6]; [13] и др.).

Кот в русских сказках имеет целый спектр разнообразных наименований, как собственных, так и нарицательных. При этом в основе номинации лежит один из наиболее существенных признаков объекта. В сказках такой значимой характеристикой кота стали издаваемые им звуки – мурлыканье, урчанье, что нашло отражение в приложениях, сопровождающих основной элемент зоонимации: «...где ни взялся **котишко-мурлышко**, **серый лобишко**, идет да таково жалостно плачет» [2 (1) 57]. К этой же группе имен примыкает и зооним *мкот-воркот*. Приложение *воркот*, думается, восходит к древнерусскому *врѣчати*, которое этимологически связано с латинским звукоподражанием *uiscāre*, а также с лит. *uĩkti* «ворчать, ворковать, бранить» [12, 356].

Другой признак, характеризующий животное, – это цвет его шерсти, для кота чаще всего серый: «**Кот-коток, серенький лобок!** О чем ты, ходя, плачешь, на трех ногах скачешь?»; «...а за ними скачет на трех ногах **кот серый лоб**» [2 (1) 57]; **кот-золотой хвост**: «– **Кот, золотой хвост, жени меня**» [2 (1) 57].

По народным представлениям славян, кот способствует засыпанию. Поэтому образ кота тесно связан с колыбельными песнями (см. [8, 639]), а сам персонаж закономерно получает именованья *баюн*, т.е. тот, кто убаюкивает говорением. Закономерно, что домашнего духа – *Баюнка* – представляли в виде кота, рассказывающего сказки. *Баюн* означает «говорун, рассказчик, краснбай» < «баять», то есть «рассказывать, говорить»; (ср. также глаголы *баюкать*, *убаюкивать* в значении «усыплять»). Именно такое название встречается в сказке «Поди туда, не знаю куда». В разных ее версиях данное именование то является личным именем кота, то пишется через дефис с маленькой буквы, акцентируя кошачий дар усыпления. У А. Н. Афанасьева *кот-баюн* написано со строчной буквы. В собственное же имя *Баюн* превратилось, как считают исследователи, в результате литературной обработки

А. Н. Толстым сказки А. Афанасьева [6];[9]: *кот-баюн*: «*Ступай, – говорит, – за тридевять земель, в тридесятое царство, и достань мне **кота-баюна***» [2 (2) 128].

С образом кота-баюна тесно связан и образ кота ученого – неотъемлемого представителя сказочного мира: «*А Симеон меньшей взял с собою в путь сибирского **кота ученого***» [2 (1) 486]. Не случайно этот образ использовал А.С. Пушкин во вступлении к поэме «Руслан и Людмила»: «*И днем и ночью кот ученый / Все ходит по цепи кругом*».

Присутствуют в русских сказках и другие номинации с приложениями, опирающимися на иные признаки данного животного – *кот-помощник*, *кот-воевода*: «*Старик опять ушел в лес на работу, а кот **унес ему есть***» [2 (1) 48]; «*Я – Кот Котофеевич, **воевода** из сибирских лесов! – схитрил Кот*» [2 (1) 51].

Как свидетельствуют исследования, кошка, кот – это персонажи «низшей мифологии», воплощающие злых духов природы [10]. Считается, что они вмешиваются в человеческую жизнь, встречаются с людьми и превращаются в них. Русский народ и в сказках называет кота то добрым молодцем, то молодым мужем: «*Поклонилась [лиса – А. С.] **коту** и спрашивает «Скажись, **добрый молодец**, кто ты таков?»; <...> **отправились** лиса добывать припасов, чтоб было чем с **молодым мужем** жить, а кот остался дома*» [2 (1) 151].

Среди обилия собственных имен кота в сказках присутствуют названия, созданные по антропонимной модели «имя + отчество»: *Кот Котонаевич*, *Котофей Иванович*, *Котонайла Иваныч*, *Котай Иванович* и др. По мнению В. Н. Топорова, они не являются случайными. Ученый обосновывает их использование способностью кота превращаться в человека и наоборот, иначе говоря, объясняет этот факт зыбкой границей «между кошачьим и человеческим» [10, 555]: «***Кот Котонаевич**, отыми меня!*» [2 (1) 48]; «*О чем ты плачешь, **Котай Иванович?***» [2 (1) 53]; «***Живи, Кот Котофеич**, как хочешь, иди, **Кот Котофеич**, куда знаешь...*» [2 (1) 53] и др. Приведенные примеры включают нарицательные зоонимы, пережившие онимизацию. Как правило, это либо сама лексема *кот*, либо её суффиксальные производные. Что же касается отчества, то большей частью в этом случае использовано едва ли не самое «русское» имя, как в полной, так и в аллегровой формах – *Иваныч*. Кроме того, в качестве отчества зачастую также выступают производные от слова *кот*: *Котофеич*, *Котонаевич*.

В сказках кота называют еще и *Васькой*: «*...сена клок – и тот пополам, а коли вилы в бок – так одному **коту Ваське***» [2 (1) 57].

В отличие от кота, женский образ кошки встречается в русских народных сказках не часто. Для называния используются слова *кошка* и ласковое *кошечка*: «*Была у мужика еще **кошка**, перестала*

ловить мышей и ну проказить » [2 (1) 72], « *взял он свою собачку да кошечку и пошел себе в поле* » [2 (3) 253]. Собственные наименования в этом случае отсутствуют.

Таким образом, материал народных сказок показывает, что номинации кота (собственные и апеллятивные) мотивированы совокупностью признаков самого персонажа (объекта номинации): его окрасом, издаваемыми звуками, чертами поведения, статусом в животном мире и пр. Кроме того, зоонимы в сказках воплощают обильную культурную информацию, возникающую в результате образно-ассоциативного освоения окружающего мира в соответствии с нравственными и др. представлениями народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов : [Т. 1-3] / [соч.] // А. Н. Афанасьева. – М. : Изд. К. Солдатенкова, 1865-1869.
2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : В 3 т. – Лит. памятники. – М. : Наука, 1984–1985.
3. Будур, Н. В. Кот баюн (бахарь). – Сказочная энциклопедия / общ. ред. Н. В. Будур. – М. : Олма-Пресс, 2005. – С. 215.
4. Дорогайкина, Е. М. Зоонимации как объект лингвистического исследования / Е. М. Дорогайкина // Теоретическая и прикладная лингвистика – 2019. – № 5 (3) – С. 53–66.
5. Зарубина, Дарья. Баять // Наука и жизнь. – 2018. – № 5. – С. 50–52.
6. Королев, К. М. Кот Баюн и квазифольклорная составляющая современной массовой культуры // «Антропологический форум», – 2018. – № 39. – С. 52–87.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки // В. Я. Пропп. – Л., 1986. – 365 с.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М. : «Международные отношения», 1999. – 697 с.
9. Толстой, А. Н. Собр. соч. : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1960. – Т. 8. – 568 с.
10. Топоров, В. Н. Кот, кошка // Мифы народов мира. Энциклопедия / Глав. ред. С. А. Токарев. – М. : Электронное издание, 2008. – С. 554–555.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Т. I. – М. : Прогресс, 1986. – 576 с.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М. : Наука, 1974. – 214 с.

13. Яковлева, Е. С. Коннотативные особенности зоонимов / Е. С. Яковлева // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. – 2016. – № 21(242). Вып. 31 – С. 75.

SUMMARY

Anastasiya Semik. Zoonyms in Russian folk tales (on the example of cat nominations)

The article explores zoonyms based on the material of Russian folk tales, in particular, the promotion of a cat as one of the central characters. The motivational features of names, their structural-semantic and culturological features, come to light.

Key words: fairy tale, zoonyms, cat nominations, motivational signs.

Слабодчиков Никита

Научный руководитель –

к. филол. н. Кирдун А. А.

УО «Белорусский государственный

технологический университет»,

г. Минск, Республика Беларусь

НОВАЦИИ-2021 В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Предметом описания являются слова, отличающиеся от речевой нормы и появившиеся на протяжении 2021 года в общении молодых людей (старшеклассников, студентов) в белорусском сегменте социальных сетей и мессенджеров.

Ключевые слова: молодежный сленг, неологизмы, речевая норма, социальные сети.

Актуальность исследования молодежного сленга обусловлена, с одной стороны, его востребованностью в большой социально-активной части общества, а с другой – его постоянной изменчивостью во времени.

Цель исследования – выявить и описать слова и фразы, появившиеся в течение 2021 года в общении молодых людей (старшеклассников, студентов) в белорусском сегменте социальных сетей и мессенджеров.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) изучить научную литературу, в которой раскрывается сущность понятий «литературный язык», «речевая норма»; 2) изучить научную литературу по проблемам формирования и функционирования молодежного сленга (жаргона) и уяснить сущность соответствующего понятия; 3) проанализировать

словари, в которых собраны сленговые слова молодежи; 4) путем выборки из текстов, созданных молодыми людьми в течение 2021 года в белорусском сегменте социальных сетей и мессенджеров, сформировать корпус слов, отличающихся от речевой нормы и не зафиксированных в лексикографических источниках; 5) с помощью поисковых систем Интернета определить, какие слова из сформированного корпуса употреблялись в текстах, созданных до 2021 года, и обособить их в корпусе; 6) провести классификацию слов, не зафиксированных в указанных текстах, по источнику, тематической общности и др.

Научная литература, посвященная проблемам формирования и функционирования молодежного сленга (жаргона) очень обширна. Написаны даже работы, в которых обобщается опыт предшествующих исследований [4; 6; 8; 10], и изданы словари по лексике молодежи [3; 9; 11]. В работах последних лет молодежный сленг (жаргон) описывается как составная часть общения молодых людей в социальных интернет-сетях [2; 5; 7].

Очевидно, что отмеченные выше описания и сделанные в них выводы относятся к общению интернет-пользователей не только России, но и Беларуси в силу общности языка и информационного пространства. Вместе с тем, очевидно и то, что социокультурные условия в двух странах различны, что не может не отражаться в речи молодых людей (и прежде всего на лексическом уровне).

В нашем исследовании сленговыми мы называем слова и выражения, отличающиеся от литературной речевой нормы и употребляемые в общении молодых людей (старшекласников, студентов). Выборка лексического материала в соответствии с поставленными задачами ведется из переписок 2021 года, а точнее их фрагментов, в чатах социальных сетей Байнета и мессенджерах. Скриншоты фрагментов переписок предоставлены их участниками (авторами), т. е. девушками и юношами в возрасте от 15 до 20 лет.

В результате проверки лексических единиц из сформированного на данный момент корпуса с помощью поисковых систем Интернета определено, что значительная их часть (~80%) употреблялись в интернет-текстах и до 2021 года, а специфика многих уже описана в работе [1]. Иными словами, большинство сленговых слов из нашей выборки трудно отнести к неологизмам, потому что они приобрели широкое употребление в молодежной среде, стали частотными.

Сленговые единицы, первое появление которых в белорусском сегменте социальных сетей и мессенджеров можно отнести именно к 2021 году, мы разделили на две группы: слова, связанные с темой коронавирусной инфекции COVID-19, и слова, не связанные с этой темой и не объединенные какой-либо одной темой. Большинство слов первой группы образовано морфологическим способом от лексем, которые

уже функционируют в языке: *ковидяки* (студенческая группа, в которой подтверждены случаи заболевания коронавирусом), *вакцинафик* (об отказе от вакцинации, нежелании вакцинироваться), *вакцинопудринг* (речь невежественного человека о вакцинации, наполненная противоречиями), *еданосец* (тот, кто приносит продукты к комнате в общежитии или к квартире, где находится заболевший), *заковидить* (начать болеть в связи с коронавирусной инфекцией), *быть на самоизолате* (находиться дома или в другом месте без контакта с иными лицами), *тестануться* (пройти тест на коронавирус COVID-19). Одна из зафиксированных нами лексем представляет собой заимствование из жаргона наркоманов: *упоротые* (о тех, кто прошел вакцинацию против инфекции COVID-19). К лексическим новациям второй группы относятся такие слова, как *пранкмахер* (тот, кто неудачно разыграл кого-либо), *досвидули* (замена нормативного слова-прощания *до свидания*), *чайка* (стремительно идущая навстречу девушка), *бодяга* (напиток, не понравившийся по вкусу), *арбузер* (искажение слова *браузер*), *тильтовать* (грубить, идти на конфликт без видимых оснований), *тилизрим* (тот, кто проводит много времени в социальных сетях, посещая чужие страницы), *тиктаник* (о том, кто слишком много времени тратит на просмотр видео в «ТикТок» и не справляется с учебой, из-за чего рискует быть отчисленным из учебного заведения), *пчелка* (маршрутное такси), и др.

Таким образом, сленговая лексика отличается повышенной (в сравнении с литературным языковым стандартом) экспрессивностью. В каждом новообразовании проявляется стремление именовать реалии и понятия, недавно возникшие или приобретающие актуальность в данный момент, детализировать то, что не имеет отдельных обозначений в литературном языке.

Зафиксированные нами лексические новации в молодежном сленге отражают изменения, которые стихийно происходят в молодежной среде в конкретный период. Продолжение исследования позволит со временем сформировать базу для анализа истории каждого отдельного слова, а также увидеть и объективно оценить динамику процессов, в целом происходящих в молодежном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрасюк, К. А. Специфика молодежного русскоязычного жаргона в чатах Байнета / К. А. Андрасюк // От идеи – к инновации: мат-лы XXVIII Междунар. студ. науч.-практич. конф., Мозырь, 29 апреля 2021 г. / Мозырский гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина. – Мозырь, 2021. – С 54–56.
2. Велим, Е. С. Употребление молодежного сленга в современном дискурсе [Электронный ресурс] // Вестник ТвГУ. Сер. : Филология. – 2014. – № 1. – С. 162–165. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/74271673.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).

3. Грачев, М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с.
4. Григорович, Л. А. Жаргонное слово как объект лексикографического описания / Л. А. Григорович // Русская речь. – 2013. – № 3. – С. 69–74.
5. Доронина, П. Д. О языке подростков в социальных сетях / П. Д. Доронина. – Текст : электронный // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. – 2017. – №3 (56). – С. 136–143. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazyke-podrostkov-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 08.10.2021).
6. Ермоленко, Н. Н. Современный сленг как норма взаимопонимания в пространстве общения в подростковом возрасте / Н. Н. Ермоленко, Е. С. Кучугурная, Н. Н. Мозговая, Е. А. Азарова. – Текст : электронный // Уральский филол. вестник. Сер.: Психолингвистика в образовании. – 2015. – С. 124–133. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-sleng-kak-norma-vzaimoponimaniya-v-prostranstve-obscheniya-v-podrostkovom-vozhraze> (дата обращения: 18.11.2021).
7. Матусевич, А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : 10.02.01 : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Матусевич; Вятский гос. ун-т. – Киров, 2016. – 190 с. – Текст : электронный. – URL: <https://diss.unn.ru/files/2016/670/diss-Matusevich-670.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).
8. Никитина, Ю. Н. Социальные и лингвистические свойства современного русского молодежного жаргона : автореф. дис ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Никитина; Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. – М., 2005. – 16 с.
9. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь / Т. Г. Никитина. – 2-е изд., – М. : АСТ: Астрель, 2009. – 1104 с.
10. Романов, А. Ю. Современный русский молодежный сленг = Contemporary Russian youth slang / А. Ю. Ромнов. – München: Verlag Otto Sagner, 2004. – 205 p.
11. Словарь языка Интернета.ru [Текст] / под ред. М. А. Кронгауза. – М., 2016. – 288 с.

SUMMARY

Nikita Slabodchykov. Innovations-2021 in youth slang

The subject of the description is words that differ from the speech norm and appeared during 2021 in the communication of young people (high school students, students) in the Belarusian segment of social networks and messengers.

Key words: youth slang, neologisms, speech norm, social networks.

Созаева Алина
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Медведева М. С.
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,
г. Ростов-на-Дону, РФ

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

В статье анализируется актуальность заданной темы; рассматривается понятие англоязычной лексики, употребляемой русскоязычными политиками в профессиональной сфере деятельности, с точки зрения лингвоперсоналогического подхода; затрагивается проблема особенностей политического текста, и определяется связь между языками.

Ключевые слова: *политический дискурс, англицизм, лингвистика, заимствование, русский язык, политик, коммуникация.*

Основной целью данного исследования является выявление особенностей иноязычной лексики, употребляемой государственным деятелем, а также бывшим президентом РФ Д.А. Медведевым.

Употребление англоязычной лексики в русском языке с каждым днем становится более общепринятым. Англоязычная лексика – оттенок другого языка, конструкция, попавшие из одной культуры в другую, путем тесных межличностных отношений [2, 158]. Иноязычное заимствование находится в центре научно-исследовательского интереса уже продолжительное время, что обусловлено интенсивным и непрекращающимся проникновением англицизмов в русскую речь. В настоящее время английский язык располагает вокруг себя иные языки, выступая для них в качестве некого донора. Сам процесс заимствования является достаточно естественным, поскольку нет в мире языка, который бы был на сто процентов чист и свободен от влияния англицизмов на массовое сознание народа. Стремительное взаимовлияние русского и английского языков друг на друга определяет термин «англо-русский билингвизм», означающий практику попеременного пользования двумя языками. Современная лингвистика по причине изменений в языкознании сталкивается с использованием англоязычной лексики в политическом дискурсе, который, в свою очередь, является институциональной формой общения и трактуется, как явление, главной целью которого является завоевание и удержание политической власти.

Известно, что процедура заимствования является долговременным и поэтапным процессом, состоящим из намеченных стадий

пополнения русского языка иноязычной лексикой. В результате формирования и функционирования самостоятельных морфем, а также прочного установления своих позиций в системе русского языка, англоязычная лексика приобретает все большее распространение в различных речевых сферах [1, 17]. В этом случае политический дискурс, как коренной термин политической лингвистики, определяется совокупностью речевых актов, открывающих нам мир политики и способы воздействия на аудиторию и публику путем применения специальных методов и средств влияния. Поскольку политическая власть осуществляется посредством языка, то главной целью настоящего дискурса является правильное восприятие текста и побуждение к задуманным политиком действиям. Любой политический текст сам по себе уже носит побуждающий характер, тем самым убеждает слушателя в собственной правоте и значимости. Основные функции англоязычной лексики в политической сфере следующие: номинативная, информационная, а также функция привлечения внимания читателя и слушателя.

Политическая речь выступает в качестве образца для подражания. С точки зрения лингвоперсоналогического подхода, речь заместителя председателя Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева является своеобразной. В первую очередь стоит отметить, что английский язык является основным языком мировой политики. Д.А. Медведев активно использует англицизмы при рассмотрении вопросов экономики и политики страны, изобретений науки и техники, а также при обсуждении вопросов распространения информации в Сети. Проблемы мировой экономики обсуждаются с употреблением экономических терминов и понятий. Англоязычная лексика при обсуждении политических вопросов носит дополнительный характер. Очевидно, политики, в том числе Д.А. Медведев, являясь компетентными представителями власти, совещаются на своем языке и на языке мировой политики. Чаще всего это приводит к лингвистической интерференции терминов, являющейся центральной проблемой психолингвистики, возникающей при контакте родного языка с иностранным и их смешения.

Межъязыковая интерференция негативно воздействует на языковые процессы человека, тем самым ухудшает уровень знания иностранного языка, итог которой составляет посредственное владение обоими языками. Во избежание фонетических и лексических ошибок стоит особое внимание отдавать усвоению взаимосвязи изучаемых двух языков, на практике прорабатывать употребление определенных терминов и выражений.

Ежедневное чтение иностранной прессы и проведение конференций на иностранном языке сопровождаются целю донесения смысла

максимально задуманного текста, то есть в такой ситуации для иностранных государственных деятелей и журналистов политик должен перевести свое выступление на язык данного мероприятия. Следует выделить конкретные примеры использования Д.А. Медведевым англоязычной лексики в своих выступлениях. На онлайн-конференциях, целью проведения которых является обсуждение вопросов интернет-коммуникаций, с пользователями интернета Дмитрий Анатольевич часто употребляет английские фразы, например, следующие: «Вы еще про *fake news* не спросили, это, наверное, тоже важно!», «*Фейки* такие были присланы нам из-за границы», «*Telegram-каналы*, продуцирующие новости...». Отбор англицизмов в данном контексте обусловлен именно целевой аудиторией (молодежью), которая также является активным участником конференции.

Политик прибегает к использованию в речи английских терминов для обозначения русских слов, которые появились в экономической и политической связи сравнительно недавно: «Пресловутый *блокчейн*». Также для обозначения инновационных технологий в сфере науки употребляются англицизмы с функцией названия (номинативная функция), например, *WiFi*. В некоторой мере англоязычная лексика облегчает деятельность политика, позволяя «меньше говорить – доносить больше информации», используя меньшее количество слов. В таком духе выражение «программное обеспечение» политик интерпретирует в «инженерный софт», затрагивая слова с меньшим количеством букв. Лексема «*нон-стоп*», то есть непрерывно, без остановки – также употребляется политиком: «В режиме *нон-стоп* весь день». Слова «*фрилансер*, *дедолларизация*» можно часто услышать в его речи. Также анализ изучения открытых выступлений Медведева позволил заметить нередкое использование им сокращений, например, *IT*, *WADA*, *CIO*, *SMS*. На одной из конференций политика была замечена и заменена фраза «никогда не говори никогда» английским эквивалентом выражения «*never say never*».

Использование англоязычной лексики в речи политических деятелей создает имидж компетентного политика, как высшего эшелона власти. Профессиональный дискурс Д.А. Медведева реализуется путем употребления выражений, прошедших фонетическое упрощение: драйв, истеблишмент, ваучер и другие. Использование им тех или иных англицизмов выражает его отношение к факту заимствования и признание страны-источника.

Наконец, анализ роли англоязычной лексики в политическом дискурсе современного мира позволил подвести итог вышесказанного ранее: употребление англицизмов носит актуальный характер. Данная коммуникативная стратегия политиков направлена на языковую экономию, закрепление образа грамотного

и квалифицированного государственного деятеля, ослабление негативных семантических и стилистических функций русского языка. В результате исследований поставленной проблематики в последующем представляется перспективным определить меру воздействия идеологических и мировоззренческих параметров на процесс англоизации в политическом дискурсе государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско, Н. В. Иноязычное заимствование — одна из основных тенденций развития русского языка в эпоху глобализации / Н. В. Баско // Русистика без границ. — 2017. — Т. 1. — № 2. — С. 15–21.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М. : Большая российская энциклопедия, 2002. — 709 с.

SUMMARY

Alina Sozaeva. English borrowings in Russian political discourse: a linguistic personology approach

The article analyzes the relevance of the given topic; examines the concept of English-language vocabulary used by Russian-speaking politicians in the professional sphere of activity, from the point of view of the linguistic personology approach; touches on the problem of the features of the political text, and determines the relationship between languages.

Key words: political discourse, English loanword, linguistics, borrowing, Russian language, politician, communication.

Солдатова Амина

Научный руководитель —

к. филол. н., доц. Святобаченко И. С.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ

В данной работе анализируются лексемы, синтаксические конструкции и стилистические средства в заголовках женских журналов. С точки зрения гендерно-ориентированного подхода освещены коммуникативные стратегии и общие принципы использования гендерных маркеров.

Ключевые слова: *гендер, дискурс, нейтрально маркированные наименования, агентивная лексика.*

Гендерный дискурс – это способ символической организации мира в бинарных оппозициях, части которых ассоциируются с мужским и женским полами [3, 35].

Гендерный дискурс реализуется, в частности, в женских журналах. С помощью данного типа периодики формируются гендерные нормы и определенный стандарт поведения феминной группы. Система женских журналов строится и развивается на основе изменчивых представлений общества о категории феминности и женственности, функционально-ролевых характеристиках женского сегмента, что ведет к трансформации гендерного дискурса и типологических черт изданий.

Гендер и язык взаимосвязаны, так как являются частью антропоцентрической парадигмы языкознания. В лингвистике гендер рассматривается как свойство социальной идентичности, которое трактуется индивидом в соответствии с нормами его культуры.

Цель нашей работы – установить лексические, грамматические и синтаксические особенности заголовков женских журналов с точки зрения проецирования на них категории феминности.

Перспектива исследования гендерной составляющей заголовков женских журналов заключается в определении роли средств массовой информации в формировании социальной реальности, создании массовой культуры, т.к. СМИ способны отображать социальные изменения, смену ценностей и направлений, а также воспроизводить нормативные модели поведения. Заголовки женских журналов являются показательным эмпирическим материалом для выявления гендерных особенностей культуры в определенный исторический период, поскольку, с одной стороны, являются отображением сути материала, содержащегося в статье; а с другой – служат средствам привлечения внимания читательниц.

В коммуникативном пространстве дискурс журналов достаточно специфичен, так как имеет свои собственные форматы, стили, коды, коммуникативные задачи и целевую аудиторию [2, 83–84].

Журналы для женщин являются дискурсом, в центре которого стоит ряд вопросов о гендерных ролях. Эти вопросы в женских журналах не изучаются целостно, а ориентированы на рассмотрение одной проблемы в масштабе одной статьи или издания в целом.

Часто в заголовках женских глянцевого журналов используется тактика побуждения к выполнению действия. Это выражается с помощью императива в форме первого лица единственного числа: *спроси, найди, выкинь*. Представленная грамматическая форма используется для сокращения дистанции между автором и адресатом и создания доверительной коммуникативной ситуации. Эта возможность также реализуется в использовании глаголов чувственного восприятия, умственной деятельности, глаголов движения и активного действия.

Заголовки и подзаголовки с использованием фамилий известных людей служат одним из примеров тактик обращений к авторитетному мнению: *Джонни Депп о тяжелом детстве, краже и любви к двоим одновременно* («Звёздная жизнь»).

С точки зрения стилистических средств заголовки проявляют большое разнообразие. Для того, чтобы подчеркнуть эмоциональность и экспрессивность женской речи, авторы статей используют метафоры, каламбуры, аллюзии, прибегают к использованию разговорных лексем: *Голод в холод: как питаться зимой, чтобы не поправиться к весне; Слово – воробей: Россиянка, выгнавшая с площадки детей с аутизмом, избежала уголовного дела; Утепляемся: как выбрать колготки, которые прослужат долго (Woman.ru)*. При этом использование просторечных и разговорных слов придает заголовкам фамильярный характер.

При конструировании стандартов поведения феминной группы в заголовках женских журналов используется адекватная лексика, характеризующаяся собственной когнитивной структурой и выступающая инструментом исследования языковой картины мира. Для описания женского поведения используются глаголы в повелительном наклонении, гендерно-релевантные местоимения и гендерно маркированные наименования лиц, а также просторечные и разговорные синтаксические структуры. Гендерная маркированность лексикой является одним из главных лингвистических приемов, который используется в процессе создания дискурсивной языковой реализации гендера. Такие приемы «позволяют идентифицировать языковую единицу как относящуюся к тому или иному полу» [1, 226].

В ряду синтаксических особенностей заголовков можно выделить частое употребление побудительных, вопросительных и восклицательных предложений: *Будь собой!, О чем речь, Вот это проблема!*

Нейтрально маркированные наименования, использующиеся в журнальных заголовках, обладают обобщенным значением. Лексемы *человек, люди, ребенок, партнер* существуют без привязки к гендеру. Однако часть примеров усиливают гендерную дихотомию и придают высказываниям вид стереотипного выражения, например: *невинная овечка*.

Агентивные наименования, используемые в заголовках, отображают значимые изменения женских социальных ролей, например: *начальник, врач, мастер*, или обозначают сферу непрофессиональной деятельности: *инициатор*. Использование агентивных лексем позволяет подчеркнуть равные возможности женщин и мужчин в социуме, так как данные лексемы могут употребляться по отношению к лицу как женского, так и мужского пола.

К гендерным номинациям по семантическому признаку можно отнести такие лексемы: с положительной коннотацией – *красавица, модница, умница*; и с отрицательной – *сплетница, разлучница*.

Таким образом, заголовки женских журналов характеризуются большим количеством глаголов в повелительном наклонении, употреблением просторечных и разговорных конструкций, агентивных наименований и гендерных номинаций.

С одной стороны, наличие в заголовках журналов подходящих гендерных наименований с оценочной коннотацией говорит о богатстве русского языка, с другой – отображает косвенное наличие в обществе эгалитарных гендерных представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина, А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации. – Текст : электронный / А. В. Кирилина // Материалы летней школы «Общество и гендер». – Рязань, 2003. – URL : <http://www.gender-cent.ruazan.ru/kirilina1.htm> (дата обращения: 10.11.2021).

2. Новинкина, Е. А. Языковая объективация феминности на страницах глянцевого журналов / Е. А. Новинкина // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 82–90.

3. Прокудина, О. Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности : на материале русской и английской диалогической речи : дис. ... к. филол. н. / О. Н. Прокудина. – Кемерово, 2002. – 209 с.

SUMMARY

Amina Soldatova. Gender component of modern women's magazines

This article analyzes the lexemes, syntactic constructions, and stylistic means of women's magazines. From the point of view of a gender-oriented approach, communication strategies and general principles of using gender markers were highlighted.

Key words: gender, discourse, neutrally labeled names, agentive vocabulary.

Щур Екатерина
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Балко М. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ЭРРАТИЗАЦИЯ В БИБЛИОНИМАХ КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОДУКТА

Успешное продвижение издательского продукта на современном рынке всё больше зависит от коммуникации между издателем, автором книги и читателем, реализующейся через текст книги и библионим. Для привлечения внимания стали использовать нетрадиционное, оригинальное оформление названий книг, в частности эрратизацию письма. Всё чаще на книжных обложках можно встретить креативные библионимы с использованием эрративов.

Ключевые слова: эрратив, эрратизация, библионим, продвижение, издательское дело.

Современная информационная эпоха порождает всё новые и новые языковые явления, активно используемые в различных сферах деятельности, в частности, в маркетинге. Насыщение рынка массовой книги, дифференциация потребительского спроса, использование цифровых носителей информации, уменьшение объёмов продаж влияют на развитие современного издательского дела. Вследствие этого многие издательства применяют инновационные программы управления, различные технологии и средства продвижения книжной продукции. На успешность издательских проектов всё больше влияют тренды, «громкие» имена авторов и креативные библионимы.

Заглавия художественных текстов – библионимы [3, 42] – отдельный подкласс ономастического пространства. Изучению данного ономастического явления посвящена работа С. Кржижановского «Поэтика заглавий» (1931), где исследователь указывает, что заглавие – это «стянутая до объёма двух-трёх слов книга» [2, 7]. «Называя литературное произведение, мы имеем в виду не то, как выглядит книга, а её содержание», – замечает учёный-ономаст А. В. Суперанская [3, 203].

Графическое воплощение современных библионимов отличается разнообразием. Для повышения потребительского спроса, привлечения внимания читателей-покупателей авторы книг и издатели стали использовать нетрадиционные способы и средства оформления заглавий книг, в частности, эрратизацию письма.

В современной лингвистике эрратизация – это способ намеренного искажения орфографически правильных форм слова. Эрратив как лингвистический феномен появился в начале XXI века, хотя впервые он встречается ещё в русской литературе XIX века, в произведениях А. Островского – с целью передачи старомосковского просторечия и Н. Лескова – для создания определённой манеры письма. В начале XX века эрративное написание слов чаще использовалось в русской поэзии футуристов как средство демонстрации отказа от общепринятых правил, как способ выражения индивидуальности. В 2000-х умышленное нарушение орфографии просто охватило интернет-дискурс, откуда проникло в язык СМИ.

Сегодня неправильное написание слова никого не удивляет. Напротив, искажение письма стали применять в рекламном бизнесе как средство PR-продвижения продукции. Издательское дело не стало исключением. Рассмотрим использование эрративов в библионимах.

Достаточно часто в названиях книг встречаются графические эрративы – намеренные искажения кодифицированного написания, которые имеют собственно графическую природу и никак не отображаются на фонетическом виде слова. Подобные заглавия на обложках издательских продуктов выделяются нетрадиционностью, яркостью и запоминающимся оформлением:

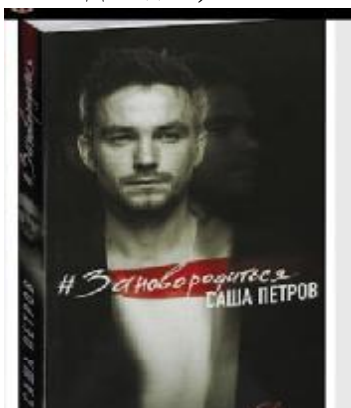
- использованием перевёрнутых букв («Люди и нелюди», автор – Евгений ЧеширКо), зачёркивания букв («Гармоничный ребёнок», автор – Юлия Сидорова; «Стихи про мужиков», автор – #Сола_Монова; «О чём поют ветеринары», автор – Алексей Калиновский);
- применением различных видов шрифта, прописных букв внутри слова («КОТоЛОГИКА. О чём молчит кошка», автор – Марина Жерибилова);
- слияния двух слов в одно («Отпланктонадоакулы», автор – Марк Эфрон).

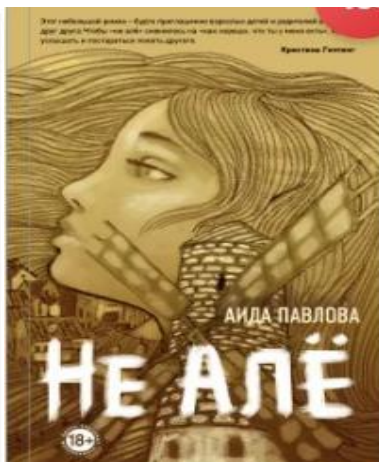

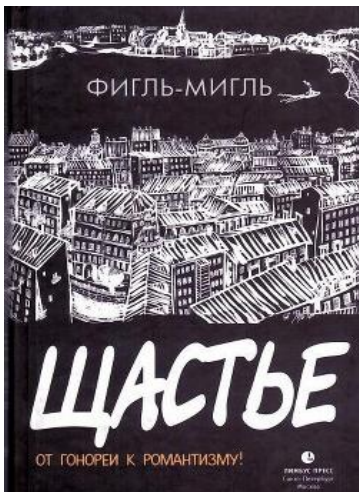
Стоит отметить использование в библионимах графогибридизации – оформления слов с помощью графических средств разных языков, в частности русского и английского («*LOVE-леди. Искусство отличаться от других женщин*», автор – Егор Горд; «*TheТёлки. Два года спустя, или VIDEOTЫ*», автор – Сергей Минаев; «*Z: квази кайнозой*», автор – Сергей Лукьяненко; «*PRO питание детей без слёз и уговоров*», автор – Александра Ситникова; «*Выхожу 1 ja на дорогу*», автор – Андрей Филимонов).

В библионимах можно встретить использование специальных текстовых меток, хештегов, в виде знака решётки и объединения слов без пробелов («*#Зановородиться*», автор – Саша Петров, «*#Прессуйтело. Строй счастье своими руками*», автор – Наташа Давыдова).

Названия на книжных обложках могут включать фонетические эрративы, передающие особое произношение слов, акценты («Я вас лублу!», автор – Дина Рубина; «Не алё», автор – Аида Павлова; «Эй, английский, палехче!», автор – Юлия Рыбакова; «#щастье материнства. Пособие по выживанию для мамы», авторы – Юлия Демакова, Полина Дробина, Адриана Имж; «Щастье», автор – Фигль-Мигль; «Ща-ща, подожди, мама звонит», автор – Адам Плиев).

В борьбе за внимание целевой аудитории важную роль играет коммуникация между издателем, автором книги и читателем-покупателем, которая реализуется через текст книги и её заглавие. Библионимы на обложках всё чаще оформляются нетрадиционно, оригинально, вызывающе, что позволяет привлечь внимание покупателя, с помощью его психологической реакции определить успешность продвижения издательского продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова, К. Р. Библионимы в прозаическом наследии Н. А. Дуровой / К. Р. Волкова // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем : Сборник научных статей, Елабуга, 19–20 ноября 2015 года. – Елабуга : Изд-во Елабужского института КФУ, 2015. – С. 215–217.
2. Кржижановский, С. Поэтика заглавий / С. Кржижановский. – М. : Никитинские субботники, 1931. – 32 с.
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с.
4. Шумилова, Т. И. Особенности перевода графических и фонетических эрративов / Т. И. Шумилова, Н. В. Саварцева // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира : Материалы XII Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 22 апреля 2021 года. – Комсомольск-на-Амуре : Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2021. – С. 280–285.

SUMMARY

Ekaterina Shchur. Erratization in biblionyms as a means promotion of a publishing product

The successful promotion of a publishing product on the modern market increasingly depends on communication between the publisher, the author of the book and the reader, realized through the text of the book and the biblionym. To attract attention, they began to use unconventional, original design of book titles, in particular erratization of writing. Increasingly, creative biblionyms using erratives can be found on book covers.

Key words: errative, erratization, biblionym, promotion, publishing.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агеева Екатерина</i> КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ	3
<i>Алексеевкова Ульяна</i> СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МИКРОТОПОНИМИКОНЕ ГОРОДА ГОРЛОВКИ	6
<i>Андреева Диана</i> ЧАЕПИТИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	10
<i>Барташевич Елизавета</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ЛЕСНОГО ИНЖЕНЕРА	14
<i>Беляйков Владислав</i> ПРОДУКТИВНЫЕ НЕУЗУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ СМИ	18
<i>Биджиева Яна</i> ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ЛИЧУТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «В ОЖИДАНИИ БОГА»)	21
<i>Богомолова Валерия</i> ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОЛОРАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-БАХУВРИХИ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	25
<i>Вильчинская Олеся</i> СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СТИХАХ И. НЕЧИПОРУКА	29
<i>Власова Анастасия</i> СРАВНЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МАССМЕДИА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ	34

<i>Гелюх Наталья</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФОРМУЛ БЛАГОДАРНОСТИ В ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)	38
<i>Грачёв Александр</i> ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 10-11 КЛАССАХ: СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ	42
<i>Грунистая Альбина</i> ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ КОСВЕННЫХ КВЕСИТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ	45
<i>Демченко Наталья</i> ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ЖАНРОВ РЕЧИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ	49
<i>Дмитриева Юлия</i> «ТОТ» И «ЭТОТ» СВЕТА В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА С. ЕСЕНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «МАРФА ПОСАДНИЦА»)	53
<i>Захарова Ярослава</i> ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5-9 КЛАССАХ	58
<i>Ивахненко Мария</i> ПОЭЗИЯ И ПРОЗА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. АКСЁНОВА	62
<i>Каримова Людмила</i> ТЕМА ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. П. КРАПИВИНА	66
<i>Лебедева Валерия</i> СИМВОЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПРЕДМЕТНОМУ КОДУ КУЛЬТУРЫ	71
<i>Лучинина Лада</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКИ В ПАРЕМИЯХ С КОМПОНЕНТОМ «ПРАВДА» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	74

<i>Макаров Никита</i> ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ ПОНЯТИЯ СВОБОДА В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ	78
<i>Малова Елена</i> КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ Е. ЧЕКАЛОВОЙ В «КОММЕРСАНТЪ ВИКЕНД»	82
<i>Машенцова Ева</i> ЦЕННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВЫХ ТЕКСТАХ	86
<i>Медведева Марина</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	89
<i>Мухина Дарья</i> СОВРЕМЕННЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ ПЬЕС ХХІ ВЕКА)	92
<i>Наден Анна</i> КРИТИКА К.Д. БАЛЬМОНТА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ	96
<i>Овчаренко Анастасия</i> ИНОПЛАНЕТЯНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКЕ В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ ИХ РЕАЛЬНОСТЕЙ	101
<i>Панасенко Диана</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНОЛОГИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ»	103
<i>Пивень Анна</i> К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГОДОНИМОВ ГОРЛОВКИ	107

<i>Постовит Елизавета</i> ЛСГ ЧУВСТВО В СТИХОТВОРЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА «МАТУШКА В КУПАЛЬНИЦУ ПО ЛЕСУ ХОДИЛА...», «О ВЕРЮ, ВЕРЮ, СЧАСТЬЕ ЕСТЬ!..», «ДОРОГАЯ, СЯДЕМ РЯДОМ...»	111
<i>Пугачевская Ирина</i> МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	116
<i>Свердленко Карина</i> ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В ПОВЕСТИ «ВЫСОКАЯ ВОДА ВЕНЕЦИАНЦЕВ» Д. РУБИНОЙ	121
<i>Светличная Влада</i> НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЛЕОНАЗМОВ В РЕЧИ	125
<i>Святобаченко Ирина</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ СКАЗУЕМЫХ В МОНОСУБЪЕКТНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ	130
<i>Семик Анастасия</i> ЗООНИМЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ КОТА)	133
<i>Слабодчиков Никита</i> НОВАЦИИ-2021 В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ	137
<i>Созаева Алина</i> АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)	141
<i>Солдатова Амина</i> ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ	144
<i>Щур Екатерина</i> ЭРРАТИЗАЦИЯ В БИБЛИОНИМАХ КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОДУКТА	148

Научное издание

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА
В НАУКЕ

Сборник научных трудов участников V Международной очно-заочной
научно-практической конференции
молодых учёных

Главный редактор *И. А. Герасименко*

Технический редактор *А. М. Калашиников*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Н. А. Сытник*
Корректоры *Н. В. Лешикова, Ю. Л. Дмитриева,*
О. В. Сырова, Л. А. Штакина, А. С. Наден

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 29.12.2021.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 8,9. Уч.-изд. л. – 10.
Усл.-изд. л. – 9,3.
Тираж 100 экз. Зак. № 50.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25